

Анатолий Семенович Варшавский.
Следы на дне

М., "мысль", 1975. -- 142 С. С Ил.; 8 Л. Ил.

OCR, форматирование: Игорь Корнеев

Примечание: В тексте использованы форматирующие операторы LaTeX'a:

`\textit{...}` - курсив;

`\textbf{...}` - полужирный шрифт;

`\footnote{...}` - сноска-примечание;

`\emph{...}` - выделение текста;

`\grad{...}` -- градус; `\Min{...}` -- минута; `\Sec{...}` -- секунда. "HR"

АННОТАЦИЯ

В последние годы географам, археологам, океанологам удалось, опираясь на новейшие научные и технические достижения, исследовать дно морей и океанов в прибрежных акваториях и пролить свет на многие тайны, скрытые под водой. Обнаружены следы древних цивилизаций, уточнено местоположение городов, поглощенных морем, установлены места гибели отдельных судов и экспедиций.

Поискам ученых, их исследованиям и посвящена эта книга.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Известно, какое большое значение для исторической географии имеют определение ареалов расселения племен и народов, сведения о которых сохранились у древних географов, определение местонахождения исчезнувших ныне городов, фиксация старых русел и устьев рек и тому подобные изыскания. Они позволяют внести необходимые уточнения в наши географические представления о прошлом. Более того, зачастую они дают нам возможность по-новому представить ту или иную географическую проблему, споры о которой не утихают и поныне.

В последние годы проводились исследования на стыках ряда отраслей гуманитарных и естественных наук. Специалистам удалось, опираясь на новейшие научные и технические достижения, получить интересные данные, позволяющие с новых позиций подойти к решению некоторых историко-географических проблем.

В этой книге семь документальных очерков. Они посвящены необычным приключениям и удивительным свершениям аквалангистов и водолазов, подводных археологов и океанографов, геологов, геофизиков и географов, чьи

исследования в последние годы и привели к ряду выдающихся историко-географических открытий.

...Что случилось на Крите между 1500 и 1450 годами до нашей эры и какое отношение имеет ко всему этому легенда об Атлантиде? Каким образом и где удалось поднять со дна морского древнейший в мире корабль -- корабль бронзового века? Верно ли, что знаменитая Диоскурия находится в Сухумской бухте? Как удалось разыскать зримые следы крупнейшего порта древности -- Спины? Что такое музей "Вазы"? Как нашли ушедший под воду Порт-Ройал, некогда самый значительный порт Карибского моря?

Обо всем этом и о многом другом вы узнаете, прочитав книгу.

ОСТРОВ ЗАГАДОК

1. Сначала были легенды. ...У Агенора, царя богатого финикийского города Сидона, росла дочь, прекрасная, словно бессмертная богиня. Европой звали красавицу дочь. Однажды рано утром, одевшись в пурпурные одежды, пошла Европа с подругами к берегу моря. Вдруг на поляне, где они резвились, где водили с веселым смехом хороводы, появился бык. Шерсть у него сверкала, словно золото, на лбу горело серебряное пятно, напоминавшее сияние луны, а золотые рога были изогнуты подобно молодому месяцу. Он едва касался травы, этот чудесный бык, казавшийся смиренным, как ягненок, он был красив и ласков. Он лег у ног прекрасной Европы.

Но как только она, смеясь, села на широкую спину быка, он вскочил и, словно вихрь, помчался прямо в море. Он бросился вместе со своей ношей в волны и поплыл. Сам Посейдон, бог моря, плыл впереди него на своей колеснице, укрощая трезубцем стихию.

Спокойно безмятежное море, чудесна синь небес. На спине Зевса плывет к берегам Крита красавица Европа. Там у нее появятся на свет трое сыновей. Старшего из них назовут Миносом.

...Величайшим художником, скульптором, зодчим был в свое время афинянин Дедал. О нем говорили, что статуи его казались живыми, что именно он изобрел топор и бурав.

Вынужденный бежать из Афин (рассказывали, что Дедал из зависти убил своего племянника), мастер нашел приют на острове Крит. Здесь, обласканный царем Миносом, Дедал выстроил дворец Лабиринт с такими запутанными ходами, что, раз войдя в него, невозможно было найти выход. В Лабиринт заключил Минос сына жены своей Пасифаи, чудовище с телом человека и головой быка -- жестокого и злобного Минотавра. Построил Дедал и много других зданий.

Шли годы. Хотя и был Дедал любимцем Миноса, надоело ему на Крите. Подросток уже сын его Икар, а грозный царь все не отпускал зодчего с острова.

Могуч флот царя Миноса -- не уйти от него морем. И по сухопутью не вырвешься с Крита. Лишь над небом не властен Минос, решил Дедал. Лишь небесные дали открыты для бегства.

И тогда Дедал принялся за работу. Из перьев, скрепленных нитками и воском, изготовил он четыре больших крыла наподобие птичьих -- два для себя, два для сына. А потом, привязав их за спину, продел руки в петли и поднялся вместе с Икаром в небо -- выше всех.

Но лишь Дедалу суждено было благополучно преодолеть все препятствия. Икар погиб. Он забыл наставления отца и взлетел слишком высоко. Растопили воск палящие лучи солнца, выпали перья из крыльев, и прямо в море упал Икар.

В его честь назвали это море -- между островами Самос, Парос и берегом Малой Азии -- Икарским.

...Прекрасен был юноша Тесей, сын Эгея, властителя Афин, и превосходил силой всех сверстников. До шестнадцати лет воспитывался он у своего деда, царя Арголиды, а потом пришел в Афины, к отцу.

Пришел он туда в тяжелый для города день. Не только Афины -- вся Аттика находилась в глубоком трауре. Уже в третий раз от могущественного критского царя Миноса прибыли в город послы за тяжелой и позорной данью. Семь юношей и семь девушек должны были каждые девять лет посылать Афины на Крит. Там их запирали в Лабиринте, и никому еще не удавалось уйти живым от человека-быка Минотавра.

Помочь своему отцу, помочь Афинам решил Тесей. Он понимал: лишь смерть Минотавра может освободить Афины от ужасной дани. И хотя молил его отец не рисковать собой, Тесей отправился на стоявший в гавани корабль под черными парусами -- тот, который должен был плыть на Крит.

"Если все будет удачно, мы сменим паруса и вернемся под белыми", -- сказал он на прощание отцу.

Тесею удалось победить Минотавра. И он не погиб в Лабиринте: Ариадна, дочь Миноса, вручила ему в знак любви клубок ниток, чтобы он не запутался в ходах и переходах.

Но не суждено было Ариадне счастье с Тесеем. Она стала женой бога Диониса -- так решили боги еще при ее рождении.

А Тесей, опечаленный утратой, забыл заменить паруса на своем корабле. Увидев, что они черные, с горя бросился с высокой скалы Эгей.

"Это все сказки, небылицы, легенды, плод неуемной фантазии", -- говорили еще не так давно.

2. В 1878 году на одном из холмов южнее Кандии критский купец по имени Минос Калокайринос нашел несколько предметов, показавшихся ему очень древними. А восемью годами позже, в 1886 году, этот же уголок Крита посетил пожилой, худощавый и раздражительный господин, чье имя уже было известно во всем мире, -- Шлиман. Этот удивительный человек обладал каким-то редкостным нюхом на древности, которые тысячелетиями скрыты были от глаз людских под толщей земли. К тому времени он успел пробудить от векового сна Микены и Трою и втянул в споры о греческих древностях чуть ли не весь мир. Теперь он подумывал и о раскопках на Крите. Но ему так и не удалось их осуществить. Владелец облюбованного им участка запросил было баснословную цену. Шлиман сумел ее сбить. На участке росло много оливковых деревьев. По условиям договора, две с половиной тысячи из них отходили к Шлиману. Но владелец передал ему только восемьсот семьдесят восемь.

Шлиман отказался от покупки, а тем самым и от возможности сделать еще одно блестящее открытие. Его совершил Артур Эванс.

3. Через три года после того, как Шлиман побывал на Крите, некий хорошо известный руководителем различных археологических обществ торговец древностями попросил аудиенцию у директора Эштон-музея в Оксфорде.

Занимал эту должность Артур Джон Эванс. Он немало поездил по белу свету и многое повидал еще в молодые годы.

Теперь этот широкоплечий, загорелый тридцативосьмилетний ученый со всевозрастающим удивлением слушал то, что ему рассказывал ловкий антиквар.

Впрочем, слово "рассказывал" тут не совсем к месту. Точнее было бы сказать, "показывал". Ибо торговец древностями надеялся не столько на свой дар убеждения, сколько на впечатление, которое произведет на господина директора музея та необыкновенная находка, что лежала сейчас на письменном столе перед Эвансом среди других древних безделушек.

Это была печать. Древняя печать, что само по себе было не так уж удивительно. Любопытно было иное: на всех четырех плоскостях камня были вырезаны какие-то знаки, иероглифы, заключенные в овалы.

Даже без лупы Эванс разглядел воловью голову с высунутым языком, звезду, руку с кинжалом, оленьи рога, похожие на какую-то ветку...

-- Хетты? -- неуверенно спросил Эванс у гостя.

Тот пожал плечами.

-- Скорее всего Спарта, -- ответил он.

Но в том, что эта печать не из Спарты, Эванс был как раз вполне уверен: он долго и тщательно изучал во время своих поездок по Греции найденные там древности и ничего похожего никогда не видел.

Эванс купил печать.

И, как выяснилось, не зря. Во всяком случае у него было с чем сравнивать свои новые приобретения, когда четыремя годами позже другой торговец, на этот раз в Афинах, показал ему три или четыре такие же печати.

-- Они с Крита, -- утверждал купец.

4. Эванс любил точность. Именно поэтому он обратился к Адольфу Фуртвенглеру, виднейшему специалисту из Берлинского музея, с просьбой определить, откуда могут быть родом эти печати.

Ответ Фуртвенглера был краток: "Крит". И он даже прислал Эвансу несколько отрисовок таких же печатей.

"Крит", -- ответил и Сейс, знаменитый историк Сейс, в чьей коллекции имелся резной камень -- двусторонняя гемма с иероглифами, похожими на те, что были у Эванса.

В конечном итоге у Эванса оказалось по меньшей мере шестьдесят отрисовок с изображениями незнакомых иероглифов. И все они -- вернее, все оригиналы --

были с острова Крит!

Эванс сделал то, что на его месте сделал бы, наверное, любой другой человек, заинтересовавшийся неведомыми письменами: он поехал на остров Крит.

5. Высадился он в Кандии, попутешествовал по острову, посетил и гору Иду, и гору Дикру, побывал в Мессаре. И повсюду скупал всякие древности, которые жители то ли находили, то ли выкапывали в местах, ведомых им одним.

Быть может, именно тогда пришла Эвансу в голову простая мысль: а не покопать ли ему здесь самому?

Он займется этим в скором времени, займется так основательно, что все последующие годы его долгой жизни (Эванс скончался в 1941 году, в возрасте девяноста лет) только этим и будет занят. И откроет одну из древнейших цивилизаций на свете. Но все это случится немного позже.

А тогда Эванс все еще находился во власти иероглифов. И находки у него действительно оказались интереснейшие. Он значительно увеличил ту небольшую коллекцию, которую привез с собой на Крит; нашел -- удача сопутствовала ему -- и другие древние письменные знаки, напоминающие буквы: целую систему линий, письменность, уходящую своими корнями в первоначально более сложные изображения предметов и понятий...

Эванс обратил внимание на то, что интересующие его письменные знаки встречаются не только на геммах и битых глиняных черепках, но и на так называемых молочных камнях -- кусках стеатита, которые местные жительницы, нацепив на шнурок, носили в качестве амулетов, безоговорочно веря в их волшебную силу. По местным поверьям, у тех, кто носит такие камни, молока будет в избытке.

Расставаться с амулетами жительницы Крита, как правило, не хотели, но копии снимать давали охотно.

Столкновения между турками и греками, разыгравшиеся на Крите летом 1896 года, на некоторое время прервали работу Эванса.

6. Мысль о необходимости начать раскопки на Крите преследовала Эванса.

Свои надежды он прежде всего связывал с Кноссом, большим древним городом на Крите, о котором упоминал еще Гомер. И Эванс даже примерно знал, где следует искать этот город. Вблизи от Кандии, на холме Кефала, издавна находили всякое: фрагменты каких-то росписей, черепки, золотые кольца, сосуды из стеатита. На самой вершине холма известный уже нам Минос -- не царь, разумеется, а торговец -- выкопал из-под земли несколько огромных глиняных сосудов.

Эванс был полон решимости приобрести интересовавший его участок. И хотя он встретился с теми же препятствиями, что и Шлиман (сначала с ним не хотели иметь дела, потом запросили бешеные деньги), ученый и не думал отступать.

В 1895 году ему удалось добиться права на раскопки холма. Несколькими годами позднее он стал владельцем участка. Заметим, что он был человеком богатым и мог, подобно Шлиману, на свой страх и риск распорядиться значительными суммами.

7. Семьдесят пять лет тому назад, в марте 1900 года, Эванс приступил к раскопкам. Он сам впоследствии говорил, что не очень надеялся на крупные открытия: Кносс погиб много тысячелетий назад, весьма возможно, что последующие поколения давно уже по камешку разнесли и остатки домов, и городскую стену.

Все, однако, обстояло иначе. Убедиться в этом Эвансу и его помощникам пришлось буквально в течение ближайших нескольких дней.

С самого начала здесь не удалось обнаружить никаких предметов или вещей греческих или римских времен. Это могло означать только одно: если под толщей холма покоятся остатки Кносса, остатки древних времен, то они никем не потревожены.

И они действительно сохранились -- и руины дворца, и многое иное.

...С большим тщанием работают нанятые Эвансом тридцать землекопов. Они просеивают и просматривают землю самым внимательным образом. Ни один, даже мельчайший, черепок не ускользнет от археологов.

Обломки ваз, чашек, плошек, тарелок... Но не только черепки попадают исследователям. Вот какая-то стенная роспись, вернее, часть росписи -- кусочек сада с изображениями ветвей и красивых листьев. Вот кусок плоского кирпича, или, скорее, табличка, покрытая письменными знаками и, вероятно, цифрами -- чем же иным могут быть повторяющиеся ряды значков, расположенные по горизонтали и вертикали?

А вот кусок стены, да еще с явными следами пожара! Удастся ли когда-нибудь узнать о ней что-нибудь более определенное?

Несколькими днями позже -- новая сенсация. Присмотревшись к остаткам извлеченной на свет штукатурки, покрывавшей некогда стены, исследователи вдруг обнаруживают фрагмент человеческой фигуры в натуральную величину. Девушка? Конечно. Посмотрите только, какая у нее узкая, "в рюмочку", талия!

Незнакомка с иссиня-черными волосами и коричневатой, загорелой кожей несла высокий, суживающийся книзу сосуд. Правой рукой она держала его за ручку, левой, на уровне пояса, поддерживала внизу. И, судя по тому, как она откинула свой корпус назад, сосуд был нелегким.

Лишь впоследствии удалось установить, что этот обломок фрески был частью фриза с изображением какого-то, вероятно, праздничного шествия -- с цветами, сосудами, ящичками.

Но скоро оказалось, что и Эванс, и его помощники ошиблись: на найденном обломке был изображен мужчина, вернее, юноша. Внимательное изучение подтвердило: на Крите, так же как некогда в Египте, именно мужчин изображали с красновато-коричневой кожей, а женщин наделяли белой, молочно-белой.

...У юноши было вполне европейское обличье, и он в общем ничем не отличался от молодых людей, которых Эванс знал на острове, -- черты лица во всяком случае были примерно такими же.

Месяцем позже в одном из коридоров было найдено еще одно изображение шествия, на сей раз уже не смутно угадываемое по одной-двум фигурам. Двадцать два человека были нарисованы на цоколе стены! И все в натуральную величину. Все без сандалий. Это могло означать только одно: процессия была священной.

Так выяснилось, что стоит лишь тронуть слежавшуюся, твердую землю холма, как результат даст себя знать.

Через две недели после начала раскопок Эванс уже стоял перед остатками строений дворцового вида. А потом рабочие натолкнулись на такое, о чем вряд ли кто-нибудь мог и мечтать.

Когда они раскопали небольшое помещение, а в нем углубление три метра длиной и два -- шириной, похожее на ванну, к которой вели вниз восемь ступеней, Эванс решил, что обнаружена ванная комната. Но рядом оказалось еще одно помещение, примерно четыре метра шириной и шесть метров длиной. С трех сторон в этой комнате у стен стояли каменные лавки, в четвертой стене -- западной -- была дверь, а возле обращенной на север стены археологи увидели нечто совсем неожиданное: высокий каменный трон!

Сидение покоилось на высеченных из камня стеблях каких-то растений, связанных в узел и образующих дугу. Трон оказался весьма удобным: сидение точно следовало формам человеческого тела. Высокая спинка была накрепко приделана к стене. На ней были изображены волны.

И такие же две волнистые белые линии, как и на троне, археологи увидели на стене. Эти линии красиво гармонировали с ее красным фоном. Здесь же находились изображения двух лежащих грифонов -- полуорлов, полульвов. Лапы у грифонов были вытянуты вперед, головы гордо подняты. Между фигурами грифонов -- гибкие стебли и цветы папируса.

Три коричневато-черные блестящие колонны, сужающиеся книзу, отделяли тронный зал от помещения, в котором стояла ванна. В его отделке тоже господствовал красный цвет...

8. Вскоре после того как исследователи нашли царский трон, они обнаружили мощнейшую кладку стен дворца. И большой прямоугольный центральный двор -- пятьдесят на тридцать метров. Вокруг него в самых причудливых сочетаниях, соединенные коридорами, группировались различные постройки и пристройки: залы, жилые помещения, склады.

Потом пошли другие находки.

...Во весь опор мчится великолепный бык. Он сама удаль, он весь порыв. Голова у него опущена, шея выгнута, хвост задран. А спереди, обеими руками схватившись за рога, повисла на них девушка с черными локонами. На ней желтый с черными полосами передничек, хорошенькие красные носочки и легкие туфельки с плоской подошвой.

В смертельно опасном прыжке взвихрился над быком, обеими руками касаясь его спины, головой вниз, пружиня и отталкиваясь, молодой атлет. И еще один персонаж сохранился на фреске. Сзади быка, приготовившись, вытянув вперед и разведя немного руки, стоит белокурая женщина, чуть приподнявшись на носки:

помощница акробата, та, что должна в случае надобности помочь ему. Кисти рук у нее крепко перетянуты бинтами.

Артисты? Участники религиозной сцены? Этого никто не знал.

Но может быть, была все-таки доля правды в старинных легендах об острове Крите? О Минотавре и о Миносе?

На фресках, которые разыскал Эванс, были и другие сценки.

Взирая на прыжки, на странные для нас игры с быками, развлекается публика в ложах балкона. Вот восседают дамы. Они полны любопытства, они оживленно жестикулируют -- женщины и девушки славного острова Крита. А в промежутках, в паузах и антрактах поправляют прически, критически осматривают друг у друга туалеты, ведут (это видно на фреске) непринужденные беседы, возможно, обсуждают городские новости.

Вот трибуны стадиона: они заполнены. Внешне этот стадион напоминает современный. А по сути это классический образец тех спортивных и театральных помещений на открытом воздухе, которые, как думали до Эванса, подарили миру древние греки, но которые, как теперь выяснилось, были ими позаимствованы наряду с борьбой, боксом, быть может, даже с олимпийскими соревнованиями и многим другим у древних жителей острова.

"Эванс мог чувствовать себя счастливым, -- писала впоследствии его сводная сестра и биограф Джоан Эванс. -- Он рассчитывал разыскать несколько оттисков печатей и пару глиняных табличек. Правда, он нашел их, и немало, и даже с различными системами письма (беда заключалась в том, что он не мог их прочесть). Но ему удалось открыть нечто значительно большее: угасшую цивилизацию".

9. В Кноссе не было тяжелых крепостных стен. Только, быть может, в самом начале этот дворец напоминал бастион. Но время это прошло давным-давно. Тот Кносский дворец, что все явственнее выступал под заступом археологов, не был защищен ничем, если не считать могущественного критского флота.

...Видимо, нелегко приходилось кносским мастерам: шли столетия, и возникали все новые и новые строения. Их надо было как-то "увязать" друг с другом, соединить с уже существующими. Следовало позаботиться о свете, воздухе, воде. Нужда, как известно, изобретательна. Так, вероятно, появились длинные коридоры и лестничные клетки, связанные со световыми колодцами, источником косвенного освещения: из-за палящего зноя во многих помещениях дворца не делали окон.

Воздух проникал через специальные вентиляционные устройства, а разветвленная и хорошо организованная подземная водоотводная система выводила излишнюю воду, например дождевую, которая частично использовалась для стирки. Трубы входили одна в другую и скреплялись цементом. Укладывали их с определенным уклоном. Система была так устроена, что чуть ли не в любом месте ее можно было в случае необходимости легко и быстро отремонтировать.

К ней примыкали сточные трубы от ванн и трубы сливных уборных.

Стоит ли после всего сказанного так уж удивляться акведукам с водой или фонтанам, которых немало насчитывалось в садах и павильонах дворца? Или своего рода караван-сарая, в котором, в ста метрах южнее дворца, находился бассейн с проточной водой, стояли корытца для омовения ног и поилки для лошадей и мулов?

10. Да, не следует все то, о чем рассказывают давние легенды, считать сказками -- в этом Эванс лишний раз убедился на Крите. К тому же ведь не только в легендах встречались упоминания о могучей державе Миноса, не только в "Илиаде" и "Одиссее". Разве не говорил о том же "отец истории" Геродот? О грозном царе Миносе, царствовавшем на Крите, и о его мощных эскадрах, и о том, что критяне послали экспедицию на Сицилию.

И то же самое сообщал Фукидид, объективнейший и осторожный в своих суждениях греческий историк: он тоже упоминал о морском могуществе Миноса. Аналогичные сведения сохранились и у Аристотеля. "Державе Миноса во времена ее расцвета, -- писал он, -- удалось овладеть чуть ли не всеми островами и странами Эгейского моря".

Необходимо заметить: к разным эпохам относилась цивилизация, вырванная Эвансом из забвения. И вовсе не на пустом месте выросла она.

Сравнив найденные им при раскопках, хорошо изученные и хорошо датированные изделия и предметы, попавшие на Крит из Египта и Месопотамии (Крит, как выяснилось, имел с ними, и не только с ними, довольно крепкие

торговые связи), Эванс сумел установить для своего острова загадок хронологию хотя бы в самом общем виде. Он вычислил, что раннеминойский период (бронзовый век) уходил вглубь примерно до 3000 года до нашей эры. С 2200 до 1600 года -- опять-таки до нашей эры -- продолжался среднеминойский период, а с 1600 до 1200 года до нашей эры -- позднеминойский.

Но это была "лесенка вверх".

А вниз?

Под слоями с культурой бронзы на Крите, как и в других местах, оказались слои со следами неолита -- новокаменного века. Вплоть до десятого тысячелетия проследил их Эванс.

11. Народ, населявший этот остров, любил море, во многом был связан с ним. Моряки, рыболовы, скотоводы, пахари составляли значительную часть населения Крита. Но не только они. Критяне были и искусными ремесленниками, они строили хорошие суда, отлично умели обходиться с камнем, бронзой, железом, золотом, знали гончарный круг, обработку дерева, ткачество.

И тому немало свидетельств нашли ученые.

Вот обнаруженный под фундаментом одного из минойских домов колодец. Он цилиндрической формы, из сырцовых кирпичей и в своеобразном кожухе из хорошо обожженных глиняных, плотно пригнанных друг к другу колец. Каждое кольцо шести -- десяти сантиметров в ширину, снабжено в верхней части пазом для следующего кольца и имеет соответствующую метку.

Такие опознавательные знаки для отдельных деталей отнюдь не редкость на Крите. Во всяком случае они часто встречаются на изделиях среднеминойского периода.

Между прочим, колодец с его заботливо сконструированным кожухом из глины имел устройство, облегчавшее чистку: многие кирпичи снабжены небольшими треугольными выемками -- упорами для ног и рук. По ним можно было опуститься в колодец и вновь подняться на поверхность.

Вот еще занятный факт: мастера бронзового века, оказывается, отлично умели освобождать от воды залитые дождем парадные подъезды и лестницы. Как? Они отводили льющуюся с неба воду в канавки-стоки, которые бежали сбоку лестничных ступенек и были врезаны в камень.

Но эти потоки воды, естественно, надо было сдерживать. В стоке были устроены уступы; падая с них, струя теряла скорость.

Еще одна находка. Она была сделана неподалеку от того места, где длинный коридор, который тянется параллельно западным стенам дворца в Кноссе и вдоль которого расположено восемнадцать больших кладовых, подходит к лестнице.

...Вынуть эту доску так, чтобы не повредить украшения, было нелегкой задачей. Но все закончилось вполне благополучно: пролежавшая, быть может, более трех с половиной тысячелетий в земле, необычная доска попала в руки археологов.

Она очень красива.

Маргаритки из слоновой кости. Четыре небольших круга и четыре побольше на одной стороне, а на противоположной -- десять средней величины. Одиннадцать поперечных планок, разделяющих игровое поле. И разноцветье материалов: горный хрусталь, слоновая кость, возможно покрытая в свое время золотом, четыре больших диска -- красивые розетки из золота, серебра, лазури...

Ученые определили: доска эта от столика для игр. Камни для игры, вероятно, хранились в ящиках стола.

Чтобы сделать такую доску, нужны были не только линейки с делениями, но и циркули, доски для рисования, грифель. И эскизы, чтобы проверить композицию и сочетание красок. Слоновую кость нужно было вырезать и отполировать, хрусталь -- отшлифовать, пластинки (из золота и серебра) и проволоочки -- выковать.

Здесь работало много рук, и руки эти были искусны и умны.

Немало может рассказать о людях труда того времени, о приемах обработки такая волею судьбы дошедшая до нас безделушка. Вероятно, в мастерской резчика помимо ножичков, буравов и буравчиков, пилочек имелся уже и токарный станок. Возможно, что с помощью соответствующего приспособления шлифовали и камень.

Златокузнецам необходимы были тигли, щипцы, множество различных молотков и молоточков, наковальни разных размеров, напильники, паяльная

лампа и мехи, кроме того, бура и сера. Столярам -- топоры и пилы, молотки и долота, резцы и зубила, ножи, некогда они были из камня, а теперь выделялись из бронзы.

...Да, металлическое ремесло на Крите шагнуло далеко в среднеминойский период по сравнению с более ранними временами. Бронзу научились выплавлять так хорошо и получали ее так много, что и тазы и посуду (котелки на трех тонких ножках и котлы без ножек, кувшины и ковши, чаши и кубки) делали из бронзы.

12. Только относительно высокая техника, высокое для своего времени развитие ремесла, сельского хозяйства могли послужить фундаментом для критской культуры.

И то, что Крит был островом, вовсе не мешало ему (а может быть, даже помогало) вести обширную торговлю.

Один из ярких примеров тому -- все тот же известный уже нам игральный столик: ведь слоновую кость доставили либо из Африки, либо из Индии! Асфальт скорее всего из Месопотамии, лазурь, которая редко была природной, а чаще приготавливалась из медного оксида, смешанного с солями кремниевой кислоты, вероятно, из Египта.

13. Кносский дворец -- мы уже упоминали об этом -- был самым большим на Крите, но отнюдь не единственным.

Сейчас уже хорошо известно, что примерно в 2000 году до нашей эры, -- может быть, немного раньше, может быть, немного позже, -- в разных уголках Крита воздвигнуты были князьями Кносса, Феста, Малии дворцы с большим числом комнат, со складскими помещениями, с мастерскими. Стены дворцов украшали красивые фрески.

А два-три столетия спустя, где-то около 1700 года до нашей эры, на Крите грянула катастрофа. Разрушен был дворец в Кноссе. Мы можем только гадать о причине. Скорее всего виновато землетрясение. Но может быть, и междоусобная борьба? Ведь дворец в Фесте тоже погиб, но несколько позже. Впрочем, не исключено, что он был разрушен тогда же, но просто не до такой степени.

Гибнут и города Мохлосс, Гурния, Паликастро.

Около 1600 года до нашей эры жизнь вновь налаживается. Это время второго, главного периода расцвета Крита. Крит на вершине своего экономического могущества. Из руин восстанавливаются старые дворцы: они перестраиваются, они улучшаются -- и все в том же Кноссе, и в Фесте, и в Гурнии, и в других местах.

Свой золотой век Крит переживает между 1600 и 1450 годами до нашей эры. Эгейское море стало Критским морем.

А потом... потом снова грянула катастрофа.

14. Разрушению подверглись целые города: Кносс, Фест, Агия-Триада, Гурния, Мохлосс, Малия.

После этого удара Крит уже не поднялся.

Когда произошла катастрофа?

Археологи отвечают: вероятно, не позже 1400 года. Они вычислили дату, сопоставляя данные, полученные при раскопках соответствующих слоев земли на Крите, и последние упоминания о Крите египтян времен Аменофиса III (1401--1375 годы до нашей эры).

Конечно, тут возможно некоторое смещение: не исключено, что они и ошибаются лет на тридцать -- пятьдесят.

А вот месяц, когда произошла катастрофа, ученые называют почти с полной гарантией.

Возможно ли такое? Оказывается, да.

Ученым помогли следы пожара.

Словно зная, как важны когда-нибудь окажутся эти следы, ветер запечатлел на остатках стен критских зданий следы дыма. Это был достаточно сильный ветер: он нес дым горизонтально.

Когда на Крите бывает такой ветер, который мог бы отнести почти горизонтально к северу языки пламени от горящих стропил? Как правило, лишь в конце апреля -- начале мая.

Эванс, посвятивший немало лет изучению причин катастрофы, писал: случилось землетрясение, а потом уже, как следствие, возник пожар.

"Люди, -- говорит Эванс, -- были захвачены врасплох. Судя по следам, все произошло чрезвычайно быстро. Вот, к примеру, тронный зал кносского

владыки. Он был найден в состоянии полнейшего беспорядка. В одном из углов лежал опрокинутый большой сосуд от масла, рядом нашлись какие-то культовые сосуды. Вероятно, царь поспешил сюда, чтобы в последний момент свершить какую-то религиозную церемонию. Но не успел ее, очевидно, закончить. Следы насильственно прерванной работы видны и в домах ремесленников, художников".

Была выдвинута и другая гипотеза: произошло мощное вражеское нашествие, вторжение на остров враждебных племен.

Воинская флотилия, писали сторонники этой гипотезы, настоящая армада могла более или менее внезапно оказаться у берегов Крита. Высаженные в различных местах десанты чуть ли не в один и тот же час начали штурм укрепленных городов. И закрепив первые успехи, вражеские войска двинулись дальше.

Кто были эти захватчики? Вероятнее всего, греки ахейцы, поднявшие знамя восстания против гегемонии Крита.

"В один из весенних дней середины XV века, -- писал английский ученый Джон Пендлбери, -- когда дул сильный южный ветер, которому было суждено отнести почти горизонтально к северу языки пламени, в конце апреля или начале мая, настал час расплаты".

Это была хорошо организованная военная экспедиция с определенной политической целью: упадок Крита не мог явиться результатом простого разбойничьего набега, считал Пендлбери. "Удар был ужасающий, -- писал он. -- В последний момент, когда дворец был уже окружен врагами и бой шел на этажах, когда языки пламени охватили тронный зал, сюда в сопровождении телохранителей вбежал царь Минос..." В отчаянии он пытался молитвами и жертвоприношениями отвести беду от своего государства. Но тщетно.

Другой современный английский историк, Джоффри Бибби, не верит в мощный флот, в десантные части. Но и он считает, что миф о Тесее как-то связан с крушением Крита.

"В тот год, -- пишет Бибби, -- "праздник быков" собрались отметить с небывалой еще дотоле торжественностью. Множество ловких бойцов (Бибби называет их тореадорами. -- \textit{Л. В.}) прибыло из Греции, чтобы принять в нем участие. И эгейские князья вместе со свитой тоже прибыли сюда чествовать победителей. Среди них обращал на себя внимание Тесей из Аттики.

Назавтра должно было состояться главное жертвоприношение. Но оно не состоялось. Потому что в полночь мирно почивавшие горожане были разбужены криками о помощи, звуками боя, гудением пламени. Когда они, полуодетые, встревоженные, высыпали на улицы, то увидели, что большой дворец Миноса охвачен огнем.

Только утром жители отдали себе отчет в том, что произошло. Только утром оставшиеся в живых поняли, что вооруженные люди, заполнившие ночью улицы, окружившие дворец, расправившиеся со многими придворными, -- это ахейцы, и среди них многие давние жители греческого квартала в Кноссе".

Надо сказать, что в последние годы наука нашла бесспорные доказательства тому, что ахейцы действительно завоевали Кносс.

15. Помните, мы уже говорили о том, что в свое время Эванс разыскал довольно много иероглифических символов, имевших некогда хождение на Крите. Именно это и заставило его отправиться на загадочный остров -- "царство ста городов".

Коллекция каменных печатей и гемм Эванса с этого момента начала быстро расти. Но одновременно ему стали попадаться таблички и предметы, покрытые иными письменами -- линейными.

Здесь, так же как и на ранних табличках, были начертаны примитивные условные изображения -- идеограммы. Но на этих табличках рисунки оказались с более простым контуром. Когда Эванс присмотрелся повнимательнее, он убедился: перед условными изображениями -- идеограммами стояли обособленно группы знаков, отделенные друг от друга черточками. Таких знаков насчитывалось не то восемьдесят семь, не то восемьдесят девять: явно недостаточно для такого письма, где каждое слово обозначается отдельным знаком, то есть для идеографического письма, и, безусловно, слишком много для алфавита. Так он пришел к правильному выводу, что перед ним письмо, в котором каждый знак обозначает определенный слог.

Итак, линейное слоговое письмо. И между прочим, вовсе не всегда одинаковое.

Уже с самого начала Эванс заподозрил, что есть таблички более ранние, с

одним видом письма, и более поздние -- с другим. Те, что казались ему древнее (впоследствии выяснилось, что так оно и было), ученый назвал линейным слоговым письмом "А"; остальные он зачислил в класс "Б".

...Ему, наверное, очень хотелось расшифровать загадочные письмена самому. И он не спешил с опубликованием скопившихся в его руках богатств. В 1935 году он издал копии примерно ста табличек, написанных линейным письмом "Б". До того им было обнаружено их всего лишь четырнадцать! И это в то время, когда их было найдено чуть ли не три тысячи!

Немного опубликовал он и образцов письма "А".

И может, не так уж не правы английские исследователи Вентрис и Чэдвик, которым удалось расшифровать линейное письмо "Б", когда они с горечью писали: "Два поколения ученых были умышленно лишены возможности конструктивно работать над проблемой".

А проблема была нелегка.

Неизвестна была система письма. Неизвестен язык, на котором сделаны надписи, а сами записи очень коротки -- две-три строки, по сути отдельные, разрозненные тексты.

16. Можно долго и подробно рассказывать о том, как наука шла к отгадке тайны критского линейного письма "Б". Но это тема для другой книги.

Нам же важно подчеркнуть одно: в тот счастливый для науки день, когда архитектору Майклу Вентрису удалось доказать, что таблички с письмом "Б" написаны на греческом языке, был нащупан путь к разгадке. И не только одной из письменностей, существовавшей на острове Крит в XV веке до нашей эры, но и целого ряда вопросов, связанных с историей древнего Крита.

Дело в том, что в 1939 году, в ту пору, когда Вентрис меньше всего думал о том, что ему придется на долгих шесть лет стать штурманом английских королевских воздушных сил, за два месяца до того, как немецкие бомбардировщики и немецкие танки ринулись в поход против Польши, американский археолог Блеген и грек Курониотис, к своему удивлению, обнаружили в Греции при раскопках большого дворца близ Пилоса шестьсот табличек со знаками критского письма "Б"!

Означало ли это, что Пелопоннес входил когда-то в державу Миноса? Или, наоборот, что племена, некогда населявшие материк, принесли свои письмена на Крит?

Но таблички, разысканные в Пилосе, относились к XII веку до нашей эры (об этом имелось достаточно свидетельств)! А найденные на Крите были старше -- XV -- XIV веков!

И не только в Пилосе оказались таблички с письмом "Б", но и в Микенах. Их случайно обнаружили при раскопках в 1952 году. И в том же 1952 году Блеген разыскал в Пилосе еще четыреста табличек, а двумя годами позже -- еще пятьдесят.

Но к тому времени уже все было ясно. 10 июля 1952 года состоялось знаменитое выступление Майкла Вентриса, который заявил: кносские таблички написаны на древнегреческом языке.

Это могло означать только одно: в XV веке до нашей эры Кноссом правили говорившие на греческом языке чужеземцы. И эти чужеземцы пришли с материка. На материк же письменность попала с Крита!

Почему такой вывод? А вот почему: письменность "Б" -- во многом просто видоизмененная и приспособленная к нуждам греческого языка, более древняя письменность "А".

Вернее, читается линейное письмо "А" в общем так же, как и письмо "Б". Но язык документов не греческий. Этот и другие факты заставляют думать, что изобрели слоговое письмо "А" (напомним, что оно относится к XVII веку до нашей эры) и древнее письмо "Б" не греки.

Получается вполне логично: народ, издревле населявший Крит (какой именно народ, мы просто еще не знаем. Возможно, что эти древнейшие жители говорили на языке, который не был ни греческим, ни вообще индоевропейским и не состоял в родстве ни с одним из известных науке языков), изобрел свою письменную систему. Два или три века спустя ее приспособили для своих нужд пришельцы из материковой Греции, примерно в тот самый период, когда на Крите случилась катастрофа. Поскольку век спустя аналогичные таблички -- критское письмо греческого "наполнения" -- оказались в тех же местах, где издавна жили ахейцы, можно сделать по меньшей мере два вывода, к которым, собственно, и пришли ученые. Выводы эти позволяют пролить свет на одну из

центральных проблем исторической географии -- историю формирования населения. Во-первых, ахейцы -- племя греческого языка. Во-вторых, вероятнее всего именно греки ахейцы обосновались на Крите после, а может быть, в ходе упомянутой катастрофы.

17. Итак, уже во втором тысячелетии до нашей эры на Балканском полуострове жили греческие племена. Микенская цивилизация развивалась под сильным влиянием древней и великой культуры острова Крита. В XV веке до нашей эры, как о том свидетельствует использование в Кноссе письма "Б", греки пришли и на Крит.

Крит был известен в древнем мире еще несколько столетий. Но воспрянуть после нанесенного удара ему не было дано.

В Микенах же и других городах на материке расцвет культуры продолжался по меньшей мере до XII века до нашей эры. Потом один за другим все крупнейшие центры Греции были разграблены и обращены в руины: на смену микенским грекам, на смену ахейцам пришли, прокладывая себе дорогу огнем и мечом, новые захватчики -- дорийцы.

Не исключено, что именно нашествие дорийцев стало причиной гибели микенской цивилизации (или, как теперь говорят, объединяя ее с критской в одном комплексе, эгейской цивилизации). Следует только учесть, что уже начиная с XIII -- XII века до нашей эры на Крите наступила эпоха длительного упадка. Возможно, именно внутренние причины облегчили захваты дорийцам.

18. Но кто же все-таки был создателем критской культуры, строителем замечательных дворцов Кносса и других городов и поселений острова? Кто жил на Крите до прихода туда греков?

Это до сих пор еще неясно. Нужно расшифровать письмо "А": оно помогло бы не только приподнять завесу над некоторыми тайнами древних письменностей, но и разобраться в некоторых нерешенных вопросах, связанных с древней историей и исторической географией Крита. И нужно продолжить раскопки.

...Когда Эванс раскопал дворец в Кноссе, среди ученых вспыхнул спор: какой общественный строй был на Крите? Одни доказывали, что здесь правили могущественные цари, другие думали, что на острове сохранялись еще первобытные отношения: поглядите на остатки бесчисленных зданий дворца, говорили они, это же напоминает руины индейских зданий в Мексике, в которых жили общинами -- родами.

Расшифрованные таблички положили конец спору: в этих протоколах обследований полей, описях, инвентарных списках и других финансово-административных документах содержались прямые упоминания о рабах. Наряду со свободным населением на критских, а также и на пилосских владык работала масса рабов и рабынь.

На глиняных табличках, на домашней гончарной утвари, на стенах, на коже, на пальмовых листьях писали древние жители Крита. В четырнадцати местах на острове найдены письма "А". Есть над чем еще поломать голову тем, кто захочет заняться их дешифровкой.

И дешифровкой иероглифов тоже. Ибо и они, наверное, смогут кое-что поведать нам о древнейшем населении Крита.

19. Мы уже говорили: Эванс считал, что могуществу Крита положило конец какое-то грандиознейшее землетрясение. С этого, писал он, начался упадок Крита. А был Крит в то время великой державой, такого же примерно ранга и значения, как держава хеттов, как Новое царство в Египте, как Вавилон.

Впрочем, между Критом и этими странами существовало одно весьма важное различие. Египет, Месопотамия, Хеттское государство были державами континентальными, Крит же -- державой морской, своего рода островной империей. И как положено империи, владел колониями: критские поселения существовали на островах Родос, Тира, Китира, Кос. Жители Крита твердо обосновались в Милете. Морская торговля Крита охватывала восточное Средиземноморье -- от Греции до Египта, от Спарты до Сицилии. И вдруг катастрофа. И вдруг исчезает могущественная держава.

...Похоже, что разрушения коснулись не только самой метрополии. Раскопки американских археологов на острове Кос засвидетельствовали: что-то случилось и здесь. Так, в частности, ученые раскопали руины большого здания (22 на 17 метров), несомненно относящиеся к тем же временам, когда произошло бедствие на Крите. Аналогичные свидетельства ныне добыты на острове Родос. Найдены остатки разрушенного минойского здания в Трианде. И так же как и на Косе, черепки свидетельствуют: все то же время, все та же середина XV века

до нашей эры.

Вот еще несколько относительно недавно ставших известными фактов. На Крите, как мы знаем, были разрушены едва ли не все дворцы и многие поселения. Но преимущественно все-таки те, что находились в центральной части острова и на его восточных землях. Их и не очень отстраивали. Зато после катастрофы увеличивается число деревень на западных землях, растут там и города. Население явно переместилось. Почему? Только из-за нашествия ахейцев? В лучшем случае лишь отчасти. Мы говорим -- в лучшем случае, поскольку в свете полученных в последние годы данных как-то не очень похоже, чтобы виной всему происшедшему были только завоеватели.

20. Сравнительно небольшой остров, точнее, группа островов. Всего их пять. Три островка образуют нечто вроде кольца. Два других находятся в центре этого кольца. Некогда это был единый остров диаметром примерно восемнадцать километров. Его венчала широкая конусообразная гора, возвышавшаяся на 1500 метров. Сейчас остров известен под именем Тира. Называли его иначе: Каллисти, Санторин. Находится он в ста тридцати километрах к северо-северо-востоку от Крита. Несколько большее расстояние отделяет остров от побережья Малой Азии.

Следует добавить: Эгейское море издавна славится как район высокой вулканической и сейсмической активности. Именно здесь расположена Кикладская вулканическая зона, островной дугой протянувшаяся через Эгейское море. Выгнутая ее сторона обращена к Криту. Среди множества вулканических центров этой дуги самый опасный -- Санторин.

Последнее извержение произошло здесь в 1956 году.

21. Добраться до Санторина можно только морем. Пароход проходит между Тирасией и Тирой, самым крупным из островов, и перед вами залив, раскинувшийся на десять километров с севера на юг и на добрых семь километров -- с востока на запад, своего рода внутренний бассейн, огражденный от моря земной толщей трех островов, в свою очередь отделенных друг от друга проливами. Этот внутренний бассейн весьма глубок -- триста -- четыреста метров, и на якорь тут не станешь.

Право же, не нужно быть специалистом, чтобы догадаться: залив -- это заполненный водой кратер огромного вулкана, а окаймляющие его острова -- остатки тверди окружающей кратер стены. И эти стены поднимаются круто вверх, местами на 250 -- 300 метров. Скалы мощны и живописны, серовато-белые, с черными и темно-красными прослойками.

...К берегу пассажиров доставляют на лодках. Тропинка вьется вверх. Взбираться нелегко. Правда, к услугам путешественников мулы и ослики. Со скал открывается чудесный вид на море, и диковато красив серпантин дороги. Редкие деревушки, небольшой городок Тира с узкими улочками и сверкающими белизной домами. В глубине острова, на южной вершине горы, монастырь. И тут же радарный пост НАТО. А кругом полосы обработанной земли: ячмень, бобы, помидоры. Их выращивают не только для себя. Значительную часть вывозят на Крит, в Грецию.

И куда ни глянешь -- бесконечная зелень виноградников. Цепкие лозы стелятся по серовато-бурой земле. Разотрите комочек земли -- перед вами спрессованная, слежавшаяся вулканическая пыль.

Лоза и вулканический пепел (из смеси этого пепла с пемзой получается отличный цемент). Вздрыбленные, круто уходящие вверх скалы. Огромные камни, иногда одиночные, чаще по два, по три, а то и целые нагромождения. Седловины гор. Разломы. И голубое высокое небо над иссиня-голубым морем. Люди живут тут издавна.

22. Итак, кратер, чьи отвесные стены местами, к примеру на острове Тира, достигают двухсот пятидесяти и больше метров. Настоящая кальдера, как называют подобного рода кратерные воронки геологи. И достаточно впечатляющая. Вполне естествен вопрос: с каких пор окаймляют Тира, Тирасия и Аспронису эту огромную, наполненную водой воронку?

И здесь самое время заметить, что Санторин в общем довольно давно привлек внимание ученых. Первым сюда приехал француз Фуке. Он прибыл на Тирасию в 1866 году. А четыремя годами позже его соотечественник Горсей занялся изучением Тире. Исследования засвидетельствовали, что в свое время, до того как центральная часть острова ушла под воду, а сам он оказался расчлененным на пять островов и островков, на Тире была довольно высокая цивилизация. Ученые разыскали каменные орудия, черепки расписной посуды, в

первую очередь кувшинов, нашли сделанные из окаменевших лавовых выбросов жернова, миски, ступы. В некоторых сосудах так и остались навеки ячмень, горох, чечевица. Были найдены и остатки соломы. И даже медная пила. И бараньи кости и козьи кости. А в одном из домов, вернее, остатков дома, раскопанных близ Акротири, к юго-западу от Тиры, обнаружили на стене фресковую роспись.

Находки свидетельствовали, что древние жители Санторина пользовались гирями, знали меры веса, меры длины. Умели они изготавливать гипс, алебастр, умели возводить своды. Высокого уровня достигало ткачество и керамика.

Последующие изыскания, в частности проведенные в самые последние годы, помогли ученым получить очень любопытные сведения и несколько иного характера.

23. Мы уже упоминали: в Тире издавна существуют карьеры, в которых добывают окаменевший вулканический пепел. Пепел отправляют в Афины, и там он служит сырьем для цемента. Так вот, один из этих карьеров находится в нависшей над морем скале на высоте двадцать пять -- тридцать метров. Скала эта состоит из спрессованного, окаменевшего вулканического пепла и пемзы. Попробовали покопать у ее основания. И тут выяснилось, что первоначальный нижний слой не содержит ни пемзы, ни вулканической пыли: обычная, коричневатого цвета земля вперемешку с камешками.

В 1956 году на Санторине случилось очередное землетрясение. Один из карьеров оказался разрушенным. Слои сдвинулись, и вдруг обнаружили остатки каких-то, несомненно, древних построек, а также несколько человеческих костей, человеческих зубов, наконец, кусочки дерева.

...Наверное, не все знают, что такое углеродный, или, как его называют специалисты, радиоуглеродный, метод установления датировок. Тем более что открыт он был относительно недавно, в послевоенные годы.

Где-то в верхних слоях атмосферы под влиянием космических лучей, идущих из глубин вселенной, образуется избыток углерода, который в отличие от обычного имеет атомный вес не двенадцать, а четырнадцать -- ^{14}C . Он вступает в соединение с кислородом. Образуется углекислый газ, в котором содержится радиоактивный углерод.

Попадая из воздуха в растения или животный организм, он спокойно пребывает там, вступая во взаимодействие с обычным углеродом, и чувствует себя совсем неплохо до тех пор, пока организм живет, пока идут процессы обмена. Но как только организм погибает, доступ новых порций изотопа углерода прекращается. ^{14}C , однако, остается в органических остатках и постепенно, очень медленно начинает распадаться.

Скорость его распада ученым удалось установить. Она -- величина постоянная. На этом, собственно, все и построено. Сличая органические остатки и зная, в каких пропорциях по отношению к обычному углероду должен в них находиться ^{14}C , ученые, пользуясь радиоактивным счетчиком, высчитывают, и достаточно точно, когда начался распад, иными словами, когда органическое вещество перестало быть живым.

Вот к этому исследованию прибегли ученые на Санторине. Они подвергли испытанию несколько кусков дерева, извлеченных из-под самых низших слоев пемзы, и пришли к выводу, что, если взять среднюю цифру, эти кусочки дерева относятся примерно к 1400 году до нашей эры с колебанием в пятьдесят -- сто лет в ту или иную сторону.

В 1967 году случилась еще одна находка: обуглившийся ствол небольшого дерева, стоявший, как и положено дереву, вертикально. Это означало, что дерево было живо в тот безрадостный час, когда его залила лава. Естественно, что датировка этого дерева приобрела особый интерес.

Так вот, средняя цифра -- 1559 -- 1456 годы до нашей эры с колебанием в 43 -- 44 года в ту или иную сторону.

24. Но и это еще не все. Сыскались и другие данные. 1967 год был вообще чрезвычайно удачным для археологов, работавших на Санторине, в первую очередь -- на острове Тира. Под вулканическими скалами Акротири на юго-западной оконечности острова были найдены остатки домов, а в руинах домов обнаружены орудия труда и утварь. В том числе, разумеется, и остатки глиняной посуды. Глиняные черепки подвергли палеомагнитному анализу -- и те, что были явно местного изготовления, и те, что остались от привозных сосудов. Анализ показал: в основном они относятся к тем же временам, что и посуда, найденная в разрушенных дворцах и городах Крита. Основываясь на

открытиях, осуществленных в 1967 -- 1968 годах в Акротири, греческий археолог Маринатос пришел к выводу, что первое извержение произошло примерно в 1500 году до нашей эры.

Дабы избежать путаницы, напомним: разрушения, происшедшие на острове Крите и в занятых минойцами землях, относятся к чуть более позднему времени -- примерно к 1470 -- 1450 годам.

Разница во времени между извержением на Санторине и разрушениями на Крите нашла свое объяснение довольно быстро, как только ученые продолжили изучение слоев вулканического пепла на Тире.

Итак, вулкан покрыл весь остров -- его поля, виноградники, дома -- мощным слоем пепла. Пять метров сорок сантиметров -- такова ширина этого слоя в карьере возле города Тира. Слой совершенно однороден. Вполне естественно предположить, что здесь мы имеем дело со следами извержения, достаточно сильного, чтобы приостановить или во всяком случае нарушить, и основательно нарушить, жизнь на Санторине. Не исключено, что жители временно покинули остров.

Потом вулкан на какое-то время прекращает свои бесчинства.

Тира все еще сохраняет свой изначальный вид. Кальдеры еще нет и в помине. Обвал еще не произошел. И вулкан, высота которого в те времена намного превышала тысячу метров (сейчас пик Св. Ильи, самый большой на острове, равен 566 метрам), какое-то время пребывает в относительном спокойствии.

Он ведет себя смирно, вулкан Каймени. Во всяком случае относительно смирно.

...Над упомянутым нами пяти с половиной метровым слоем пепла видны еще несколько розовых, белых, серых слоев шириной от пяти до тридцати сантиметров. Вроде бы ничего опасного. Подобного же мнения, очевидно, придерживались и вновь появившиеся в ту пору на Санторине жители.

Люди привыкают ко многому. Даже к соседству с вулканами.

Да и что удивительного! Как свидетельствует известный современный вулканолог Гарун Тазиев, если лавы в силу самого характера их образования, исключают возможность концентрации металлов, бедны рудами, то взамен благодаря им возникают замечательные пахотные земли, обогащенные выпадающим при каждом извержении настоящим дождем вулканического пепла. Калий, фосфор, недостает только азота, чтобы превратить этот пепел в удобрения. Виноградная лоза, хлебные злаки, рис и кофе растут на таких землях прекрасно.

25. Соседству этому на сей раз, однако, не суждено было оставаться долгим.

Как показало дальнейшее исследование, над неширокой лентой вулканического слоя находится еще один слой вулканического пепла. И этот слой огромен. В одном из карьеров он достигает двадцати метров толщины. Впрочем, на острове нашли и такие места, где он равен шестидесяти метрам! Но ведь нужно взять в расчет и эрозию. А это означает, что вначале слой был еще больше. Кое-где можно проследить своего рода "разграничительные линии", свидетельствующие о том, что вулканические выбросы иногда прерывались.

Но ненадолго. Очень похоже, что уже через десяток-другой лет после своего пробуждения Санторин стал чрезвычайно активен.

И это подтверждается не только огромным слоем вулканического пепла, но и тем, что в 1967 году на Санторине был найден городок, захороненный под массивным слоем вулканического пепла и пемзы. Девять траншей провели археологи, тридцать пять осликов понадобилось им, чтобы перевезти в музей Тире разысканные богатства. Был обнаружен жилой дом, а в нем много совершенно целехонькой глиняной посуды -- вазы, тарелки, кувшины, и все они расписаны и явно относятся к минойским временам. Были найдены и обломки ткацкого станка.

Несколько позже настал черед фасада виллы, принадлежавшей, очевидно, богатому и знатному человеку. А на следующий год перед археологами в этой вилле предстали фрески. В большинстве случаев на них были изображены растения и птицы. Но на одной нечто необычное -- голубая обезьяна! На другой фреске изображены раскидистая пальма и голова молодого человека явно негроидного типа.

...Похоже, что у жителей этого города было достаточно времени, чтобы спастись бегством и, погрузив имущество на лодки или корабли, выйти в море. Но спаслись ли они? Оказались ли в безопасности на каком-либо острове -- на

Миносе, на Крите, на Косе? Или погибли, как те рыбаки, которые попытались уйти в море во время извержения вулкана в Коломбо в 1650 году? Их заживо сжег вулканический пепел.

Но вот раскопки в Тирасии показали, что там, во всяком случае в тех местах, где археологи вели раскопки, жители не успели ни покинуть остров, ни забрать свой скарб.

...Сначала низвергается жидкая пемза, потом -- пемза вместе с вулканической пылью, затем -- лапилли, вулканические бомбы.

И вот что примечательно. В ходе океанографических исследований в восточном Средиземноморье трижды (в 1947 -- 1948 годах шведскими исследователями на "Альбатросе", в 1956 и 1958 годах -- на "Веме") брались геологические пробы дна. Двадцать одна из этих проб содержала вулканический пепел. Если нанести на карту районирование проб, то примерно в центре этих выбросов оказывается Тира.

Оговоримся: океанологи обнаружили вулканический пепел двух видов, относящийся к различным, отдаленным по времени извержениям.

Один слой пепла очень древний, извержение произошло примерно двести пятьдесят веков назад.

Что же касается другого, то здесь идет речь о значительно более близких к нам временам -- XV -- XIV веках до нашей эры, и анализ показал: пепел этого слоя по своему составу абсолютно идентичен белому пеплу из карьеров Тире. Керны, взятые примерно на расстоянии ста километров от вулкана, в одном случае показали толщину слоя в семьдесят восемь сантиметров, а в другом -- в двести двенадцать. Даже в семистах километрах от Тире нашлся слой этого пепла.

Была составлена карта-схема. Получился своего рода эллипс, вытянутый на юго-восток и проходящий через Крит. Причем на Крите эллипс захватывает северные районы, центр острова и восточную его часть.

Напомню, от Тире до Крита по прямой -- сто тридцать километров. Американские ученые Нинкович и Геецен высчитали, что слой пепла в центральных областях Крита и на востоке должен был, судя по данным остаткам, насчитывать не меньше десяти сантиметров. Цифра эта отнюдь не завышена. Но даже десятисантиметрового слоя вулканического пепла вполне достаточно, чтобы поле не давало урожай несколько лет!

Впрочем, насколько можно судить, дело отнюдь не только в одном пепле.

26. Вся история островов Эгейского моря, как, впрочем, и история материковой и островной Греции, полна сведениями об опустошительных толчках земной коры. И почти всегда вулканические игрища сопровождались землетрясениями. К тому же извержения нередко сопровождались огромными приливными волнами -- цунами. В 1956 году цунами, вызванные пробуждением Тире, достигли островов, расположенных в девяносто километрах от Санторина. Волны были высотой от двадцати пяти до сорока метров.

Цунами, как известно, возникают по разным причинам, в том числе и из-за внезапного опускания или поднятия значительных участков морского дна, оползней на склонах подводных каньонов. Но достаточно часто они случаются и при сильных извержениях подводных или прибрежных вулканов. Один из самых печальных примеров тому -- извержение расположенного на одном из островков в Зондском проливе, между Явой и Суматрой, знаменитого вулкана Кракатау, которое произошло в 1883 году. Сила извержения, начавшегося 20 мая, нарастала на протяжении трех месяцев. 26 августа наступил апогей. За взрывами фантастической силы (они были слышны за тысячу километров) последовали грандиозные обвалы. Извержение породило поистине чудовищную волну, которая стала причиной гибели тысяч и тысяч людей. Пробежав двадцать тысяч километров, то есть обогнув половину земного шара и немало натворив на своем пути, она достигла порта Вальпараисо в Южной Америке.

Как и Тира, Кракатау сейчас -- кальдера. На этом сходство между двумя вулканами не кончается. Вулканологи давно уже считают, что обе группы вулканических островов -- в Эгейском море и в районе пролива между Явой и Суматрой -- очень схожи. Не будем входить в подробности. Скажем лишь, что "взрыв" Кракатау послужил исследователям своего рода "моделью" для установления того, что же вероятнее всего произошло на Крите, а точнее, в районе Санторина, в злополучный майский день 3400 с лишним лет тому назад.

27. Чем пристальнее сопоставляли ученые данные, полученные при археологических, геологических, океанографических, вулканологических

исследованиях на Санторине, в Эгейском эре, на Крите, с данными о катастрофе на Кракатау, тем яснее становилось им: здесь много общего. С той только разницей, что кальдера на Санторине раз в пять больше, чем на Кракатау. На Санторине она в восемьдесят три квадратных километра и глубиной триста -- четыреста метров, на Кракатау -- двадцать два квадратных километра и глубиной двести -- триста метров. И слой вулканического пепла на Санторине значительно толще, чем тот, что был обнаружен при обследовании Кракатау.

Колоссальное количество магмы вырвалось на свободу во время катастрофы на Санторине, образовалась глубочайшая воронка, хлынули морские воды. Все пошло ходуном, небо было черным. Лапилли, лава, дым, вулканический пепел, пемза, песок, вулканические бомбы, серные газы. Ко всему этому -- сие не вызывает сейчас сомнений -- присоединились сильнейшие цунами.

Известно, цунами, последовавшие за извержением Кракатау, уничтожили много городов и деревень на Яве и Суматре. Средняя высота волны равнялась пятнадцати метрам, местами, возможно, была в два -- два с половиной раза больше. Средняя скорость цунами составляла примерно сто сорок километров в час. Специалисты вычислили, что на Санторине и соответственно на Крите все должно было быть еще более страшным.

Мы не будем приводить все цифры: их много и некоторые из них по меньшей мере спорны. Трудно себе представить, например, что прав ученый, который считает, что высота волны цунами, взявшего старт возле Санторина, равнялась двумстам метрам! Но даже если и наполовину меньше была волна, это, конечно, ужасно.

Петер Хедервари вычислил, что энергия, выделившаяся во время извержения на Санторине, вероятно, в три раза превышала ту, что выделилась во время извержения на Кракатау (считается, что там было выработано 100000 миллионов киловатт-часов).

По расчетам другого ученого, Ганаполиса, энергия цунами, возникших в ходе извержения на Санторине, равнялась по меньшей мере половине той энергии, которая выделилась во время чилийского землетрясения в мае 1960 года. А там была действительно "сатанинская пляска"! В Пуэрто-Монте и в Вальдивии землетрясение достигло одиннадцати баллов. Хуже бывает только при двенадцатом, последнем балле: "Полное разрушение, предметы подбрасываются в воздух".

...К подземным толчкам, к содроганиям земли присоединились вулканическая пыль, сжигавшая все на своем пути, и удар вздыбленного моря, пришедшийся в основном по северным и восточным берегам Крита, да и не только Крита, -- так считают ученые. Добавьте к этому обычные в таких случаях эпидемии и голод, а также несомненную гибель значительной части флота, вспомните о разрушенных дворцах, городах, деревушках...

28. В 1926 году два француза, Ж. Гатефоссе и Ц. Ру, опубликовали библиографический справочник об Атлантиде. В него вошли тысяча семьсот названий. С тех пор число книг и статей, посвященных знаменитой легенде, значительно увеличилось. По некоторым подсчетам, далеко не полный список насчитывает сейчас пять тысяч названий. Вряд ли кто-либо сумел все это прочитать, но специалистам не составило особенного труда определить, что авторы, если брать суть их воззрений, придерживаются в основном следующих четырех гипотез:

1) Все то, что рассказывает об Атлантиде Платон, -- истинная правда. Все, до единого слова. Атлантида находилась в Атлантическом океане.

2) Атлантида бесспорно существовала. Но вот где? (Далее следуют бесчисленные варианты, начиная от гор Атласа и кончая островом Гельголанд.) Вариантов так много, что один из ученых еще в XIX веке довольно зло заметил: рассказы об Атлантиде представляют собой своего рода каталог человеческой глупости.

3) История Атлантиды -- типичная компиляция, в ее основе -- легенды и, возможно, какие-то исторические факты, относящиеся к различным временам и к истории различных народов.

4) Весь рассказ о погибшем континенте выдуман от начала до конца. Это просто некая занятая форма, которую Платон использовал для изложения своих социально-политических идей. Если бы Платон, подобно Мору, назвал свой остров Утопией, то есть "несуществующим местом", он оказал бы большую услугу потомкам. Уж во всяком случае вопрос о том, существовала ли в самом деле Атлантида, отпал бы сам по себе.

Давний спор этот начался еще при жизни Платона (против рассказа об Атлантиде выступил его собственный ученик, знаменитейший ученый древности Аристотель).

Ответ до сих пор не найден.

29. Помните, мы упоминали о том, что вулканолог Фуке в 1866 году обследовал Тирасию, а археолог Горсей в 1870 году -- Тиру: оба нашли следы весьма высокой для своего времени цивилизации. Основываясь на их открытиях, Луи Фигье в 1872 году высказал мысль, что платоновская Атлантида -- это остров в Эгейском архипелаге, ушедший под воду в результате геологического катаклизма, и что, вероятнее всего, этим островом и был Санторин, часть которого, как все могут убедиться, действительно затоплена морем.

Но на этом дело не закончилось.

30. ...1909 год. В самой влиятельной английской газете "Таймс" появляется заметка под интригующим названием: "Погибший материк". В заметке говорится, что в основе рассказанной Платоном истории -- истинное событие: гибель критской цивилизации. Заметка не подписана.

Впрочем, четыре года спустя "Журнал эллинистических исследований" опубликовал ту же самую статью, но в расширенном виде, на сей раз со ссылками на источники, на работы Эванса, короче, серьезную и солидную статью. Автор -- профессор Фрост, один из самых известных английских археологов. Погибшая цивилизация атлантов, подчеркивал Фрост, обнаруживает значительные черты сходства с культурой минойского Крита.

В поддержку Фроста в 1917 году выступил Д. Маккензи. Похожую гипотезу выдвинул и американский исследователь Е. Бауэр.

\textbf{1947 год.} Греческий профессор Кумарис представляет в Эллинское антропологическое общество доклад. В нем он защищает ту точку зрения, что в рассказе об Атлантиде нашла свое отражение какая-то сильнейшая локальная катастрофа. Согласно Кумарису, необычайное событие, несомненно, обратило на себя внимание египетских жрецов: разбушевалось чуть ли не все Средиземное море, что и было ими записано не без преувеличений, столь обычных в таких случаях. А Платон несколько преувеличил и без того преувеличенные размеры катастрофы: у него под воду уходит в течение суток огромный остров, по словам Платона, "больше Ливии и Азии, взятых вместе".

\textbf{1948 год.} На той же самой сессии Эллинского антропологического общества, на которой зачитывается доклад Кумариса, греческий археолог Маринатос высказывает ту мысль, что в основе легенды об Атлантиде лежат события, относящиеся к истории различных народов: "Исторические коллизии, стихийные бедствия, происходившие на протяжении добрых девяти столетий (с 1500 до 600 года до нашей эры), оказались в основе единого исторического мифа".

\textbf{1967 год.} В Акротири сделаны важные находки.

\textbf{1968 год.} На Санторине найдена четырнадцатиметровая фреска: приход весны. Краски сохранились прекрасно. Найдены бронзовые сосуды с надписями, сделанными линейным письмом "А". По свидетельству специалистов, многие из находок чрезвычайно близки к тем, которые были в свое время обнаружены на Крите.

\textbf{1969 год.} В Лондоне выходят почти одновременно две монографии. Одна -- океанографа Дж. Люса "Гибель Атлантиды". Другая -- известных археологов А. Галанопулоса и Е. Бекона "Атлантида". И в той и в другой книге рассматриваются все новейшие данные, относящиеся к прошлому и настоящему Санторина. Конечный вывод, к которому приходят авторы обеих книг, идентичен: очень похоже, что колоссальное извержение вулкана и последовавшие землетрясение и сильнейшие цунами и нанесли удар великому Криту. И что все это, вместе взятое, легло в основу мифа об Атлантиде.

31. Так, может быть, и в самом деле история древнего Крита, его взаимоотношений с Грецией и Египтом, его гибель и составляет рациональное зерно мифа об Атлантиде?

Между Египтом и Критом были давние связи, и они существовали на протяжении веков. На Крите нашли массу скарабеев -- египетских изображений священных жуков, в свою очередь в Египте обнаружили немало критских ваз. Не исключено, что именно о жителях Крита упоминают и некоторые древнеегипетские тексты. На египетских рисунках кое-где, насколько можно судить, сохранились изображения критян.

Еще одно соображение. У Платона наряду с Атлантидой упоминаются, как известно, и "прочие острова", и "противолежащий материк". Именно на это

ссылаются те, кто, подобно известному советскому атлантологу Н. Ф. Жирову, считают, что "Атлантида находилась в Атлантическом океане, на запад от современного Гибралтарского пролива". Острова -- это, мол, Азорские и Антильские, а противолежащий материк -- Америка. Но как не вспомнить, что возле Крита тоже есть "прочие острова", а за ними "противолежащий материк" -- Греция!

Более того! Не было в те времена другой такого ранга морской державы, как Крит.

32. В какие именно времена? Конечно, не девять тысяч лет до нашей эры, к которым относит свой рассказ Платон, повествуя о том, что Атлантида собралась напасть на Афины и Египет. Ибо, как вполне справедливо отметил профессор Маринатос, "в те времена не было еще ни Древнего Египта, ни Древней Греции. О Египте как о государстве можно в лучшем случае говорить начиная с пятого тысячелетия до нашей эры, а племена, изъяснявшиеся на греческом языке, появились во втором тысячелетии до нашей эры". Если вспомнить, что, по словам Платона, жители Атлантиды знали металлургическое производство, письменность, строили каменные здания, что у них были дворцы и храмы, ипподромы и каналы, портовые сооружения, множество кораблей и соответственно и верфи, водохранилища, водопроводы, водоемы, ванны, бани, высокоразвитое сельское хозяйство, что у них уже было государство, то в свете нынешних исторических данных речь здесь явно идет о цивилизации бронзового века, цивилизации типа индской или шумерской. Или мы волей-неволей опять возвращаемся все к тому же -- к критской! И все станет на место, если посчитать девять тысяч опиской! Не произошла ли она, кстати говоря, потому, что Солон принял слово-символ, обозначающий сто, за тысячу? (Аналогичная ошибка может случиться и в наши дни. Вот, например, биллион в США и Франции равен тысяче миллионов, в Англии же это -- миллион миллионов.) А 900 плюс 600 (Солон родился в 639 году до нашей эры и посетил Египет, вероятно, около 600 года), подчеркивают Галанопулос и Бекон, и есть истинная цифра времени расцвета и времени гибели великого Крита.

* * *

Мы не будем приводить все доводы Галанопулоса, Бекона, Люса и других сторонников их гипотезы: речь идет о весьма объемистых книгах.

Подчеркнем еще раз лишь одно. На основании данных, полученных в последние годы, можно утверждать: где-то между 1500 и 1450 годами до нашей эры на Санторине произошло колоссальное извержение вулкана. Похоже, что это событие имело отношение к упадку критской цивилизации и уж во всяком случае облегчило нашествие с материка. Возможно, что случившееся имеет какое-то отношение к мифу об Атлантиде.

...Работы надо продолжать: океанографические исследования в Эгейском море, исследования дна возле побережья Крита.

Следы на дне могут многое еще тут прояснить.

Ведь помимо всего прочего под водой находится и южная часть древнего города, раскопанного Маринатосом на Санторине. А был этот город с населением тысяч в тридцать, со зданиями в два-три этажа, с отопительной системой, использовавшей теплые воды вулканического острова, с многочисленными мастерскими и складами...

ТРИДЦАТЬ ВЕКОВ ПОД ВОДОЙ

1. Некогда город был знаменит. И не только потому, что его знали как столицу Карийского царства, как оживленный и богатый порт на малоазиатском берегу Эгейского моря. Но и потому, что именно здесь, в Галикарнасе, находилось одно из семи чудес древнего мира -- великолепная гробница царя Мавсола. Грандиозная усыпальница простояла восемнадцать столетий. Уничтожило ее не время -- люди. В XIII веке здешние места завоевали крестоносцы. На руинах древнего Галикарнаса они поставили крепость-замок. Лишь в XIX веке удалось разыскать то место, где в свое время стоял мавзолей. Нашли и кое-какие обломки: плиты, фризы, части колесницы, фрагменты статуй.

Это действительно, видимо, было впечатляющее творение, настоящий шедевр погребальной архитектуры.

Впрочем, что ж удивительного? Здесь трудились Леохар, Тимофей, Скопас -- мастера, известные всей Греции.

...Древнего Галикарнаса давно нет. Но кое-где в стенах современных зданий можно увидеть древние камни. Они были свидетелями вторжения в город

Александра Македонского: он разбил тут персов. Мальчишкой бегал тут "отец истории" Геродот.

От былого величия не осталось почти ничего. Разве что руины античного театра, обращенного к морю. И так же как некогда, амфитеатром спускаются к морю дома.

Галикарнаса давно нет. Есть небольшой турецкий городок Бодрум.

2. В Бодрум Питер Трокмортон, кандидат на штатную должность ассистента в Парижском "Музее человека" и одновременно любитель-аквалангист, попал довольно случайно. Собственно, все началось с того, что новоиспеченному кандидату нужен был заработок. Так он стал "киношником" -- ассистентом оператора документальных фильмов. Случай свел его с Жан-Жаком Флори, который вместе с Жак-Ивом Кусто снял знаменитый фильм "В мире безмолвия".

...Впоследствии Трокмортон вспоминал: "Представьте себе песчаную бурю в Центральной Азии. Мы сидим вчетвером в машине. Жарко, душно. Ничего не видно, даже сквозь стекло.

-- А ведь есть же на свете благословенные места, где море прозрачно и прохладно и на зубах не скрипит песок, -- спокойненько этак, чуть мечтательно вдруг произнес Флори. Можно было подумать, что он угадал мои мысли. И затеялся разговор о подводном плавании, об охоте на рыб, о поисках губок, о кораблекрушениях. О том, как все-таки приятно искупаться в море в жаркий, душный день. И о том, что уж чего-чего, а песчаных бурь в море не бывает".

В Стамбуле на какое-то время Трокмортон остался один, все остальные уехали в Париж. Именно тогда он в случайном разговоре услышал о том, что неподалеку от города Бодрум, в Южной Турции, в 1953 году в море нашли великолепный бронзовый бюст Деметры. А несколько дней спустя он познакомился с турецким ныряльщиком и фотографом. Звали его Мустафа Капкин. Подобно Трокмортона, он тоже был увлечен подводной охотой, интересовался покоящимися на дне остатками кораблей и любил море.

Так новые приятели набрали на мысль отправиться в Бодрум. Там много подводных ныряльщиков. И там можно было бы поточнее разузнать, каким образом и кто сумел разыскать на морском дне бронзовую Деметру. Ведь, если сделать все как следует, можно написать неплохой очерк и снабдить его фотографиями.

3. В Бодруме, в одном из кафе неподалеку от набережной, Капкин -- он уже бывал здесь -- познакомил Питера с владельцем небольшого суденышка капитаном Ахметом. Заказали обед. Рис был отменно поперчен, кебаб тоже недурен, и после третьей рюмки разговор пошел вполне приятельский. Промысел губок? Нестоящее дело. Слишком сильна конкуренция химии. Лично он, капитан Ахмет, покончил с нырянием и принялся перевозить на своем судне грузы. Что же касается капитана, нашедшего Деметру, тот сейчас в море.

-- Знает ли Ахмет какое-нибудь место, где есть затонувшие корабли?

-- Ну разумеется.

-- Находит он когда-нибудь в море глиняные сосуды?

-- Как вон тот? -- Ахмет указал на амфору с питьевой водой, стоящую на столике в углу. -- О господи, да в море полным-полно этих горшков. Они мешают рыбакам, когда попадают в сети. Не далее как на прошлой неделе один мой приятель перебил и выбросил за борт добрый десяток таких кувшинов.

-- Есть ли такие места, где амфоры лежат грудками?

-- Конечно. Вот, к примеру, возле Ясса Ада (Плоского острова), в пятидесяти милях от Бодрума. Там их уйма. Две большие кучи на глубине около тридцати метров и на расстоянии пятнадцати -- двадцати метров друг от друга.

-- Показать? Пожалуйста.

Но его судно немного не в порядке, он попросит это сделать приятеля.

4. Море было не очень спокойным. Примерно через два часа после того, как судно покинуло Бодрум, оно вошло в пролив, отделяющий острова Кос и Калимнос от побережья Турции. Впереди в дымке виднелись несколько небольших островков: одни словно сахарные головы, другие в игольчатых изломах скал.

Островок, о котором рассказывал Ахмет, "длиной сто ярдов и плоский, как блюдо", оказался на месте. Он был не очень уютным. Единственное место, где можно было как-то примоститься, -- маленький пляж был защищен от ветра скалой.

...Ахмет сказал: около тридцати метров. Но у Трокмортона не было глубомера. Зацепившись за подводную скалу у самого дна, он попытался "разглядеться". Видимость оказалась скверной, море в тот день было

сумрачным, и прошло немало времени (Трокмортон уже хотел подняться наверх), прежде чем он увидел торчащее из песка горлышко амфоры. А рядом нашлась другая, третья. Ахмет был прав. Находившийся неподалеку подводный риф был весь усыпан битыми черепками.

Вечером все в том же кафе Трокмортон знакомится еще с одним местным моряком -- Кемалем Арасом. Это был отличный ныряльщик и компанейский человек, к тому же весьма равнодушный к подводной охоте.

5. Надо сказать, что к тому времени, когда Трокмортон оказался в Бодруме (уточним, это случилось в 1958 году), там, да и в других местах на побережье, многие занялись подводными поисками: акваланг и маска уже приобрели известность и находка статуи Деметры, равно как и остатков амфор и другой утвари, подстегивала воображение. Правда, все это не выходило за рамки чистого любительства, все делалось, что называется, "на ощупь", никакой наукой тут и не пахло, да и откуда ей было взяться: подводная археология, во всяком случае в этих местах, делала свои первые шаги. Профессиональные археологи имели весьма смутное представление о том, как работать под водой. А ныряльщиков, аквалангистов, как правило, интересовало все что угодно, но только не подводные раскопки.

Именно это и составляло главную тему беседы Трокмортон с Гультекином, директором музея в Измире, куда на несколько дней поехал Трокмортон. И тот и другой были совершенно согласны в том, что покоящиеся на дне морей остатки кораблей и грузы, безусловно, представляют величайший интерес, в том числе и для исследования древних морских торговых путей.

Это было, так сказать, "общей платформой". Не вызывало споров и другое: надо действовать.

6. Итак, проект вкратце сводился к тому, что Трокмортон и Мустафа возвращаются в Бодрум, который им надлежит превратить в своего рода базу планируемых поисков остатков затонувших кораблей. Естественно, речь шла о древних кораблекрушениях, о попытках отыскать что-либо имеющее отношение к давно прошедшим временам. (Немало надежд при этом возлагалось на ныряльщиков за губками: может быть, они сумеют подсказать что-нибудь дельное.) Директор музея в свою очередь обещал посильную помощь.

Начинать надо было с самого неотложного: раздобыть компрессор, необходимый для наполнения газовой смесью баллонов, которыми пользуются аквалангисты.

В Турции в то время такой компрессор невозможно было приобрести ни за какие деньги. В конце концов его купили в Италии вместе с двумя регуляторами и комплектами двойных баллонов.

...В июне 1958 года Питер Трокмортон и Мустафа Капкин вместе со своим нехитрым оборудованием вернулись в Бодрум. Но суденышко Кемалья ушло в море, и никто не знал точно, когда оно вернется. Не оставалось ничего другого, как ждать.

В конце концов Кемаль прибыл. К вечеру следующего дня на его "Мандолинче" (двенадцать метров в длину, узконосое судно, приспособленное для ловли губок) погрузили компрессор, еду, пожитки, и суденышко отошло от пирса, взяв курс на Ясса Аду.

7. Восемь островов и великое множество рифов и скал лежат на пути у тех, кто плывет вдоль эгейского побережья Турции. Ясса Ада -- самый западный из этих островов. А в сотне метров к западу от него находится своего рода подводная шпора, острый риф, невидимый, потому что его прикрывают волны, но достаточно грозный, ибо его острие совсем близко от поверхности, -- настоящая ловушка для кораблей.

8. Целую неделю, зачастую при сильной волне, вели свои работы исследователи. В одном можно было не сомневаться: риф Ясса Ада погубил немало кораблей.

Самым крупным из них был, вероятно, тот, на котором находились сосуды без ручек, что лежали кучей на гребне рифа. Корабль, видимо, был буквально вспорот и развалился на части.

Участники экспедиции нашли десятки различных горшков для приготовления пищи, медные слитки, небольшие деревянные обломки. И они на собственном опыте убедились, что целые амфоры нужно, как только их поднимешь на поверхность, наполнить водой, осторожно поставить куда-нибудь в тень, иначе от них останутся одни черепки.

Они обнаружили остатки еще многих других потерпевших крушение кораблей,

из коих наиболее примечательными оказались два.

Первый -- это остатки судна с мелкой осадкой, которое, как показали дальнейшие исследования, затонуло в первом веке нашей эры: аналогичные амфоры были найдены в Помпеях.

Второй был, пожалуй, еще интереснее. Корабль или, вернее, его останки лежали на глубине тридцати метров, недалеко от грозного рифа, терпеливо поджидавшего свои жертвы. Это был византийский корабль, и монеты, которые нашли несколько лет спустя, когда подводные археологи принялись как следует исследовать судно, засвидетельствовали: оно затонуло не ранее первой половины VII века.

На корабле было много амфор, несколько сотен! И в некоторых из них устроили себе прибежище острозубые угри. Возле кормы была целая куча глиняных черепков, лежали и остатки сгнивших деревянных частей корабля.

Найденные здесь тарелки, кувшины, чаши, сосуды составили прекрасную коллекцию византийской посуды VII века. Удалось узнать и имя владельца этого в общем небольшого торгового судна: капитан Георгос. Оно было выгравировано на бронзовых весах, что некогда, видимо, вместе со стеклянным сосудом с крестом, бронзовым кадиллом и распятием находились в каюте капитана.

Впрочем, все эти подробности, а также и то, что по своей конфигурации судно отличалось от древнеримских и скорее походило на современные небольшие барки, какие можно увидеть в том же Бодруме, выяснились впоследствии. А тогда участники экспедиции установили лишь одно: находка может представить незаурядный интерес.

9. Да, чаще всего ныряльщикам попадались амфоры. И так же как и в "земной" археологии, здесь, под водой, глиняные сосуды и глиняные черепки немало порассказали исследователям. Удалось, в частности, сделать кое-какие выводы о состоянии торговли в этом районе малоазиатского побережья в древности. Примерно лишь один из десяти найденных на дне сосудов относился ко временам более ранним, чем век Александра Македонского.

В I--II веках до нашей эры успешная борьба с пиратами, а также, вероятно, и другие причины чисто экономического характера привели к резкому увеличению товарооборота. Во всяком случае, тут в те времена затонуло немало судов. В последующие века -- а дело шло к ослаблению Римской империи, закончившемуся ее падением, -- число амфор, попавших на дно, резко уменьшилось.

Наибольшее число найденных амфор относилось ко временам Византийской империи.

10. ...И все-таки чувство неудовлетворенности не оставляло Трокмортон. Учитывая то обстоятельство, что экспедиция носила в основном "самодеятельный" и, безусловно, лишь разведывательный характер, что оснащение оставляло, даже по тем временам, желать лучшего, что по сути все зиждилось на энтузиазме, сделано было, конечно, немало. Но не было пока найдено ничего, если так позволительно сказать, сверхсенсационного, ничего, что представило бы с точки зрения науки особый интерес.

Как почти всегда в подобных ситуациях, помог случай.

11. В Бодрум из Стамбула приехал некий старик капитан, давний знакомый Кемалья, одно время бывший даже его наставником. Старик был великолепным ныряльщиком, весь век провел на море, к тому же знал толк и во взрывных подводных работах. Может быть, поэтому, а может быть, и чисто случайно однажды вечером, когда вся компания сидела в кафе, его принялись расспрашивать о том, как обращаться под водой со взрывчаткой. Был тут Трокмортон, был и Кемаль, и последний вдруг спросил старого капитана, как половчее применить взрывчатку, если большая груда металла прочно приросла ко дну и под нее невозможно забраться. И добавил: речь идет о бронзовых слитках, плоских, сдобно лепешки, и подвергшихся сильной коррозии.

Трокмортон потом писал, что он, в общем, вначале не придал особого значения этому разговору. Ну, затонул какой-то там корабль со слитками, экая важность!

12. ...Он проснулся на рассвете. Не спалось. Мысли вновь вернулись к вечернему разговору: затонувший корабль, слитки желтого металла на морском дне. Однажды на Гавайских островах он видел остатки стального корабля, находившиеся под водой семьдесят лет. Корма исчезла, удалось разыскать только бронзовый винт, обросший кораллами. Когда аквалангисты отбили кораллы, металл засверкал, словно новый. Даже не верилось, что он без малого

три четверти века находился на морском дне.

И тут Трокмортон, что называется, осенило. А ведь Кемаль говорил о слитках, испорченных временем, о том, что бронза стала разрушаться.

Разрушаться? Но ведь даже бронза на затонувших кораблях римских времен и та, как правило, остается целехонькой.

И еще. Кемаль говорил, что слитки были плоскими. Но ведь, черт возьми, где-то он, Трокмортон, уже встречал упоминание о плоских бронзовых слитках.

Где же и когда?

В своей походной библиотеке Трокмортон находит книгу. Она посвящена крито-микенской культуре. А вот и репродукция. На рисунке, найденном в Фивах, в гробнице египетского вельможи, датируемой вторым тысячелетием до нашей эры, изображены люди в коротких юбочках, обнаженные до пояса, со странными прическами. Они привезли кувшины, какие-то огромные плоские металлические лепешки.

В книге сказано: "Люди Кефтиу живут на островах, среди моря".

...Древняя, подвергшаяся коррозии бронза. Острова среди моря.

Право, есть над чем поломать голову.

13. Вечером Трокмортон идет к тому ныряльщику, что первым обнаружил бронзу.

-- Удалось ли вам, -- спрашивает Трокмортон, -- прихватить с собой что-либо наверх?

-- Да, -- отвечает тот, -- конечно: обломок бронзового топора. Но бронза оказалась хрупкой, ребята сломали топор. А в общем ничего там особенного нет. Груда металла. Были там еще бронзовые ножи, нашлась и какая-то бронзовая шкатулка, покрытая внутри эмалью.

Кемаль подтверждает слова ныряльщика. И добавляет: "Я дам вам несколько обломков, как только сумею их поднять со дна".

В своем дневнике Трокмортон запишет: "Место это находится в пятнадцати милях от Финике. Там шесть небольших островков. Бронза лежит неподалеку от третьего. Глубина -- около тридцати метров, металл буквально прирос ко дну".

...Трокмортону очень хотелось начать поиск немедленно. Но не получалось: не было подробной карты, не было и судна. Кемаль был занят. И, что хуже всего, подходили к концу деньги. Оставалась небольшая сумма, отложенная на обратный билет.

Так и не придя ни к какому решению, Трокмортон возвратился в США.

14. И здесь ему вдруг повезло. Случаю было угодно, чтобы он познакомился с неким Драйтоном Кохраном, владельцем большой яхты. На этой яхте Кохран собирался отправиться в путешествие по Эгейскому морю.

-- Послушайте, -- говорит ему Трокмортон, -- почему бы вам во время путешествия не поискать необычный груз, лежащий на дне Эгейского моря?

Владелец яхты не возражает. Он любитель острых ощущений и человек любознательный. У него достаточно свободного времени. И вообще это так романтично: древняя бронза на дне прославленного в древности моря.

Трокмортон пишет Гультекину: неплохо бы заручиться поддержкой турецких властей, не худо бы получить и материальную помощь.

15. -- Деньги на это не предусмотрены, -- отвечают директору Измирского музея, -- и вообще все то, чем вы собираетесь заняться, -- блажь.

Гультекину не остается ничего другого, как ретироваться. Единственное, чего ему не могут запретить в министерстве, -- пойти в отпуск. Не касается министерства и то, как и для чего он использует свой отпуск.

Именно это и сообщает в своем письме Трокмортону Гультекин. И добавляет: "Я к вашим услугам".

16. В первые дни июля 1959 года яхта Кохрана покидает Измир. Курс -- на Бодрум. На борту яхты Мустафа Капкин, Трокмортон, Гультекин. Нет только Кемалья. Из-за неотложных дел он и на сей раз не может принять участие в поисках бронзовых слитков. Но все необходимые разъяснения он дал. И все-таки Кемаль с большим скепсисом отнесся к попытке разыскать слитки без него.

"Думаю, мне самому это тоже далось бы нелегко" -- сказал он на прощание.

Из Бодрума яхта направилась к Финике. А утром следующего дня участники экспедиции увидели в голубоватой дымке мыс Гелидонья. До него еще было миль двадцать. На полдороге к мысу виднелись два острова, потом появился третий. Не тот ли, о котором говорил Кемаль?

Трокмортон и Мустафа самым внимательным образом рассматривают схемы,

наброски. Похоже, что все правильно. Именно здесь, у южной оконечности вот этого третьего узкого острова. Такое впечатление, что все сходится.

...Аквалангист Стен Уотерман и Трокмортон, надев маски, спускаются под воду. Они пытаются разглядеть подводную скалу. Кемаль сказал, она на глубине десяти метров. Но вода темная, и они не видят дна.

-- Если завтра не найдем, -- говорит вечером Кохран, -- двинемся дальше.

Оно нашлось-таки, заколдованное место, нашлось на следующий день. Самое любопытное заключалось в том, что Мустафа и Стен за день до этого находились от него в каких-нибудь нескольких метрах.

17. Все было так, как и рассказывал Кемаль: коса, подводная расселина. Бронзовые слитки лежали у основания подводной скалы, образовавшей своего рода естественный амфитеатр. Рядом огромный валун. И эти слитки буквально слиплись со скалой.

С большим трудом ныряльщикам удастся с помощью лома отбить кусок слитка. Под ним углубление. А в этом углублении кусочки дерева. Они неплохо сохранились. Видимо, свою роль сыграли песок и образовавшиеся в результате коррозии слитков соли меди. Нашлись тут и черепки амфор, нашлись бронзовые топоры и наконечники дротиков. И даже кусочки веревки, сплетенной вручную, из камыша или, может быть, травы.

Бывает все-таки счастливое стечение обстоятельств! Затонуло бы судно на несколько метров дальше, оно бы легло на песчаное дно, и его наверняка занесло бы песком и илом. А если бы попало на хребет скалы, то, конечно, переломилось бы, и попробуй-ка сыщи обломки в бесчисленных расселинах подводной скалы!

По самым скромным подсчетам, получалось: судно затонуло очень давно -- за пятнадцать, ну на худой конец за десять -- двенадцать веков до нашей эры!

Нужно было раздобывать средства, раздобывать разрешение властей, нужно было организовать серьезную экспедицию.

Игра стоила свеч!

18. ...Разговоры, прошения, деловые свидания: с депутатом меджлиса, с губернатором, с другими официальными лицами.

Тем временем в Бодрум приезжает Флори. С ним Клод Дютюи, один из ветеранов подводного спорта.

И в тот же памятный для Трокмортонна день ему вручают письмо. Оно от директора департамента античности на Кипре. В письме сказано: "Уверен, речь идет об очень важной находке, относящейся к позднему бронзовому веку. Насколько можно судить по Вашему описанию, слитки кипрского производства".

19. И снова Нью-Йорк. На конгрессе археологов Трокмортон рассказывает о своей одиссее двум известным американским специалистам по истории Эгеиды. Они терпеливо выслушивают его, а потом знакомят с сидящим неподалеку молодым человеком. Это Джордж Басс, участник нескольких археологических экспедиций.

-- Много ли нужно времени, чтобы научиться нырять? -- спрашивает он Трокмортонна. -- Хотелось бы все увидеть собственными глазами.

Полчаса спустя "высокие договаривающиеся стороны" покидают здание, где проходит конгресс, и едут к Бассу. Здесь они составляют программу работ, смету -- все, как полагается. Три недели спустя Пенсильванский университет выдает Трокмортону и Бассу субсидию -- десять тысяч долларов.

Но нужно-то вдвое больше!

Все это происходит в январе -- феврале 1960 года. А к марту экспедиция приобретает осязаемые формы. Помимо Басса, назначенного научным руководителем, и Трокмортонна, ставшего его заместителем и техническим советником, в ее состав вошел еще один соратник Кусто, знаменитый Фредерик Дюма. Это один из лучших аквалангистов мира. Он возглавит группу водолазов. В экспедиции вместе со своим кораблем примет, разумеется, участие и капитан Кемаль.

...Сейчас среди тех, кто занимается подводной археологией, все больше и больше становится специалистов-археологов. Это понятно. Ведь, как не без юмора заметил в свое время Джордж Басс, "гораздо легче научить ученых нырять, чем сделать водолазов учеными". Впрочем, известны случаи, когда и водолазы становились и становятся учеными. Но тогда, пятнадцать лет назад, многое еще было вновь в этой молодой науке.

20. ...Кемаль тихонько подвел корабль к заветному месту. Вода была настолько прозрачна, что просматривалось дно. Вот валун, вот и глыбы

металла.

Прежде всего следовало очертить границы, в пределах которых находились остатки затонувшего судна. Это потребовало времени и терпения. Случалось, что тот или иной обломок, обросший водорослями, подчас не сразу удавалось отличить от многочисленных камней. К тому же некоторые из прежних ориентиров занесло песком.

Удалось выяснить, что остатки разбросаны на участке размером пятнадцать метров на шесть. Одну сторону этого участка обрамляли скалы. Они составляли основание склона, по которому некогда устремился вниз налетевший на риф корабль. С южного конца участок замыкал уже знакомый нам валун. Песчаное дно тянулось к северу метров на двенадцать и упиралось в нагромождение камней, отколовшихся от скалы, на которой лежали слитки.

...Пластмассовая доска и толстый цветной карандаш. Фото и киноаппараты. Но прежде всего глаз, глаз человека, глаз специалиста.

21. Сначала, как мы уже говорили, определение размера "поля", затем тщательный осмотр пространства вокруг объекта. Нужно разыскать все: груз, обломки судна, все, что может помочь в работе. Находки фиксируются, лишь потом их поднимают на поверхность. В том числе, разумеется, и палубный груз, первостепенной важности "свидетель". Ибо помимо всего прочего он дает возможность судить о том, что за судно потерпело аварию.

Проходит несколько дней, и место, где лежат остатки корабля, приобретает в какой-то степени "обжитой" вид. Здесь и там воткнуты метровые вешки, ко всем обнаруженным объектам прикреплены пластмассовые бирки.

Понемногу число находок все увеличивается, в том числе и там, где, как казалось поначалу, нет ничего интересного.

22. По мере того как участники экспедиции поднимают на поверхность все новые и новые орудия и предметы, выясняются кое-какие интересные подробности. И не было тут знакомого всем желтого цвета металла: бронза была не желтой, а зеленовато-серой. Сыграл, видимо, свою роль двойной процесс электролиза -- взаимодействие между бронзой и медью и между медью и оловом. Степень коррозии оказалась различной, возможно, из-за того, что сплавы не были, да и не могли быть абсолютно идентичными, а возможно, из-за того, что условия "захоронения" оказались не совсем одинаковыми.

Некоторые орудия благодаря тому, что они были покрыты своего рода наростами, удалось освободить из каменного плена с помощью молотка и долота. Как правило, эти древние орудия (поскольку были наросты) оставались целыми и невредимыми -- относительно, конечно, ведь они пролежали в воде достаточно долго. Самое же любопытное заключалось в том, что в большинстве случаев они не утратили свою форму.

Но встречались и такие, которые под водой были мягкими, словно сыр. Когда же их поднимали наверх, они становились хрупкими и ломкими.

23. Вечные хлопоты доставляют течения, иногда они меняются чуть ли не каждый час.

Ныряльщик прыгал с борта корабля, держась за трос, и уходил в глубину. На дне, за скалами, даже когда подводное течение было сильным, аквалангист мог трудиться более или менее спокойно.

Работали много и дружно. На поверхность были подняты обломки слитков, бронзовые орудия и балласт. Но основная часть все еще оставалась на дне, на платформе, как ее называли, -- сросшаяся в одну громадную глыбу гряда бронзовых брусков.

Как с ней быть? Этот вопрос обсуждался неоднократно.

Дюма настаивал на том, что ее следует отделить всю целиком, предварительно, разумеется, нанеся на план. Но как это осуществить? Многоопытный Дюма нашелся и тут.

-- Домкрат, -- говорит он, -- почему бы не попытаться использовать домкрат!

Это орудие оставили в Финике, но теперь, поскольку оно понадобилось, за ним посылают судно.

Тем временем Клод Дютки вместе с Дюма принимают долбить в глыбе углубления, чтобы можно было установить домкрат. К концу недели они более или менее успешно справились со своей задачей. К тому времени подоспел и домкрат. Его благополучно спустили на дно, подвели под слитки. Он немного проработал, а потом закапризничал.

Пришлось поднять домкрат наверх. Выяснилось, что орудие капризничало не

зря: смазка была недостаточной и вода нашла себе дорогу. Домкрат тут же смазали, проверили и снова отправили на дно. На сей раз с ним спустился только Дюма.

Тридцать пять минут спустя он торжествующе оповестил всех, что гряда отделена от скалы.

Судно подвели непосредственно к тому месту, где лежала бронза. Дюма нырнул еще раз, чтобы закрепить подъемный трос. Даже мачта и та заскрипела, когда лебедка стала вытягивать из глубины подвешенный на тросе груз.

В какой-то момент груз, очевидно, зацепился за что-то на дне. Все, однако, обошлось. Лебедка снова заработала нормально, и глыба потихонечку пошла наверх.

А потом наступил незабываемый момент: раздался громкий всплеск, и большая зеленая гряда металла предстала наконец перед всеми. Еще несколько мгновений, и она оказалась на борту. Ее аккуратно опустили на покрышки, которые заранее положили на палубу. Это была часть груза, который вез корабль: бронзовые орудия, обломки слитков, целые слитки, намертво скрепленные известняком.

24. Неподалеку от мыса Гелидонья есть небольшая бухта. Здесь хороший плячок пляжа и ручей -- чистый, с настоящей родниковой водой. Возле ручья и расположилась "база" экспедиции, ее главный штаб. Здесь обсуждались планы работ, здесь находился весь скарб экспедиции: маски, ласты, баллоны, фотоаппараты, ружья для подводной охоты. Рядом кухня, чуть поодаль -- компрессоры, генератор.

Ручей был нужен не только как источник пресной воды. Его перегораживают -- и вот, пожалуйста, небольшой пруд. Именно сюда и приносили находки, чтобы очистить их от соли...

25. Однажды очередная глыба слитков раскололась внизу, под водой, на "платформе", и аквалангисты увидели плетеную корзинку, а в ней сломанные топоры и мотыги. Корзинку осторожно привязали к тросу и подняли наверх.

Но вот что любопытно: там, где лежали слитки, были видны остатки досок.

А на следующий день участники экспедиции нашли обломки планок и органические следы, свидетельствовавшие о том, что здесь некогда находилась стнившая теперь бортовая обшивка.

Но это могло означать только одно: наконец-то были найдены остатки самого корабля.

Джордж Басс отправил в Пенсильванский университет телеграмму: "Тонны груза. Возможно, сохранились части корабля. Работы на несколько лет".

26. Тем временем пруд все больше наполнялся поднятыми со дна морского орудиями. Чего тут только не было: лемехи, мотыги, кирки, топоры, тесла, зеркала, долота, стамески, зубила, ножи, лопаты, наконечники копий, колуны. Нашелся и вертел. Исследователи долго ломали голову над одним предметом, назначение которого не могли понять, наконец решили, что это своего рода багор. Нашелся бронзовый треножник, нашлись медные слитки и бесчисленные их обломки. Одной из самых неожиданных находок оказался кусок беловатого металла. Он был деформирован, подвергся коррозии. Все же удалось установить: олово, точнее, оловянная руда.

Внимательнейшим образом рассматривают исследователи все находки, тщательно изучают, сопоставляют. И приходят к выводу: корабль, вероятно, принадлежал кузнецу, который совершал плавание вдоль побережья с грузом меди и олова, предназначенного для выплавки бронзы. Не исключено, что помимо этого он собирал лом, пригодный для переплавки, обменивая старые орудия на новые.

В корзине, которую нашли на дне среди слитков, лежали сломанные орудия. Возможно, что таких корзин на борту было много: в них, очевидно, складывали орудия, предназначенные на переплавку. Удалось найти и заготовки изделий.

...Теперь ни у кого уже не было сомнений в том, что здесь, возле мыса Гелидонья, хранится настоящий клад бронзового века.

К середине лета были подняты на поверхность двадцать слитков и множество отдельных кусков бронзы и меди. Нашлись внизу, на "платформе", и черепки. Они помогли уточнить дату кораблекрушения: XII век до нашей эры.

27. Как-то раз, когда участники экспедиции поднимали один из последних оставшихся на "платформе" обломков, Клод Дютки увидел треснувший глиняный сосуд, наполненный ракушками. Ракушки никому не были нужны. Но под ними в сосуде оказались бусины. Вероятно, они принадлежали кому-то из членов

экипажа, может быть, были достоянием капитана.

Дюма пришел в восторг.

-- Вот это находка! -- восклицал он. -- Прямо как из "Тысячи и одной ночи".

...Их насчитали несколько сот, все одного цвета -- зеленые и светло-зеленые. Джоан Тейлор, большой специалист своего дела, пришла к выводу: бусы финикийские, и первоначально они были голубыми и белыми. Морская вода размягчила их: стоило только их слегка сжать, и они превращались в лепешку. А на следующий день нашли великолепно сохранившийся двойной топор. Края его были отточены, хоть сейчас приступай к делу.

Когда с "платформой" наконец было покончено, Дюма, Трокмортон и другие ныряльщики перенесли фронт работ несколько дальше, к расселине. Им повезло: они разыскали остатки деревянных частей корабля, самого древнего из когда-либо найденных кораблей! Досок осталось очень немного, присутствие их скорее угадывалось, но все же их оказалось достаточно для того, чтобы можно было себе представить в общих чертах, где находился корпус корабля, его остов. И в некоторых из найденных деталей оказались аккуратно выточенные отверстия для деревянных шипов: на корабле все скреплялось без помощи гвоздей.

В расселине было полно всякого добра. Защищенный с одной стороны большим валуном, а с другой стороны -- скалой, груз находился здесь в более выгодных условиях, чем на "платформе". Нашлись тут и орудия.

А затем были сделаны еще более интересные находки.

28. В первый же день Трокмортон нашел здесь скарабея. Подумайте только, настоящий египетский скарабей, изображение священного жука! Скарабеи служили талисманами. Некогда египетские офицеры брали их с собой, когда отправлялись в походы. То же делали купцы и мореплаватели. И даже в могилы клали скарабеев, снаряжая в дальний путь своих богатых и знатных сородичей, египтяне. Судя по ряду признаков, похоже было, что находка относится ко временам Рамсеса II (1301--1234 годы до нашей эры).

А днем позже сыскался каменный набалдашник, вероятно, от посоха.

Явные остатки органических материалов навели исследователей на мысль, не угодил ли сюда некогда сундук капитана? Ведь рядом нашлись гири из гематита, красного железняка. Затем последовала еще одна интереснейшая находка -- цилиндрическая печатка из твердого черного камня с изображением богини, благословляющей двух молящихся. Эта сирийская печать, как выяснилось впоследствии, была по меньшей мере на пятьсот лет старше самого корабля.

Дальше -- больше. В один поистине прекрасный для исследователей день удалось обнаружить неплохо сохранившиеся куски деревянной распорки судна. Их подняли на поверхность, предварительно положив для сохранности в пластмассовые мешки.

Площадь расселины была сравнительно невелика: не больше двуспального дивана. Она слегка суживалась в противоположном от "платформы" конце. По мере того как ныряльщики исследовали дно, им вновь попались скарабеи, на сей раз целых три, а также светильник, бронзовый браслет и несколько гематитовых гирек.

Вскоре в распоряжении исследователей оказались три полных комплекта гири. В двух из них гири были округленными, с плоским основанием. В третьем наборе гири напоминали крохотные футбольные мячи, сплюснутые с одного конца. Самая маленькая была размером чуть больше горошины, самая большая -- немного меньше мяча для игры в гольф. Пятьдесят гири! И очень точных.

...Джордж Басс, наверное, прав, когда он утверждает, что с подобным подбором гири капитан мог вести торговлю в любой части Восточного Средиземноморья -- в Трое, Сирии, на Кипре, в Палестине, на Крите, в Египте и, возможно, даже в Греции. Обширны были торговые связи уже и в те времена: в Средиземноморье находки свидетельствовали об этом вполне определенно!

29. Последовал еще один набалдашник, кусок хрусталя, точильный камень.

Надо сказать, что, хотя все, как и полагалось (это было железным законом), зарисовывалось и фотографировалось, исследователям долгое время было не очень понятно расположение предметов в устье расселины. Они явно принадлежали к "одной компании" (в этом не было сомнения), но, вероятно, здорово перемешались в тот момент, когда корабль пошел ко дну и корпус его оказался между расселиной и скалой.

На полпути к "дивану" находился пласт в несколько футов толщиной. Сначала было решено, что здесь часть остова корабля вместе с остатками груза. Но оказалось, что это остатки досок, а поверх них -- своего рода настил из брусьев или обрубков прутьев толщиной с палец. Сверху лежал груз -- медные бруски и орудия.

30. Помните то место в "Одиссее", где подробно описывается, как, готовясь возвратиться домой, Одиссей с помощью нимфы Калипсо строит плот: "[Сначала] медный вонзил он топор, большой, по руке его точно сделанный, острый с обеих сторон". (Экспедиция нашла много двойных бронзовых топоров и один из них, мы упоминали об этом, прекрасно отточенный с обеих сторон.) "Тою порой Калипсо с буравом возвратилась. Начал буравить он брусья. И все, пробуравив, сплотил он".

Далее у Гомера сказано, что, закончив строить плот, Одиссей "сделал потом по краям загородку из ивовых прутьев, чтоб защищала от волн, и лесу немало насыпал".

Вот этот "лес", эти "брусья" немало хлопот доставили переводчикам. И прежде всего потому, что непонятно было, что это, собственно, за "лес".

Теперь, кажется, на этот вопрос можно было ответить совершенно точно: речь идет о своего рода предохранительном слое, защищавшем тонкие обшивные доски корабля изнутри. Этот защитный слой не давал грузу кататься по палубе, предохранял обшивку изнутри. Подобная конструкция и ныне встречается на Кипре.

31. Участники экспедиции успели еще поднять со дна остатки корпуса. Это оказалось очень трудный. Бренными, хрупкими были сии остатки. Чтобы доставить их наверх, пришлось подрезать весь слой, на котором они лежали.

На этом работы прекратились. Лагерь начал свертываться.

Последними по трапу поднялись Кемаль и Трокмортон.

Корабль дал прощальный гудок и взял курс на Бодрум.

32. После тщательной работы ученым удалось реконструировать общий вид и размеры найденного судна.

...Длина его достигала девяти метров, ширина -- двух. И, судя по весу найденных слитков и орудий, грузоподъемность его составляла примерно полторы тонны.

Он шел, вероятно, с острова Кипр. Застигнутый штормом, капитан пытался провести его сквозь рифы. Так и осталось с тех пор на дне древнее судно. Вместе со слитками, с тремя комплектами весов и разновесов, маленькой бронзовой наковаленкой, четырьмя (а может быть, больше?) скарабеями. И остатками трапезы -- рыбьими и прочими костями, косточками от маслин...

Подводя итоги, руководитель экспедиции Джордж Басс напишет: "Самое крупное и наиболее значительное из подобного рода открытий. Оно принадлежит к числу тех открытий, которые дают нам возможность увидеть облик эпохи".

* * *

А в Бодруме, в рыцарском зале сооруженного крестоносцами замка, ныне музей подводной археологии. Здесь посетители могут увидеть все, что сохранило море от корабля бронзового века, самого древнего из кораблей, чьи остатки были когда-либо подняты с морского дна.

И здесь же находятся остатки византийского корабля VII века нашей эры и его груза. Их доставила сюда экспедиция, работавшая под руководством Басса в 1961--1963 годах. В числе трофеев шесть золотых монет с изображением императора Гераклия, пятнадцать светильников, семь якорей, большие шаровидные амфоры. И котел для приготовления пищи. Точно такой же, какой и сейчас не редкость в Бодруме.

ПО СЛЕДАМ АРГОНАВТОВ

1. Вероятно, в свое время это действительно был большой город. И достаточно известный. Древнегреческий географ Страбон в I веке нашей эры писал: "Диоскурия служит началом перешейка между Каспийским морем и Понтом и общим торговым центром для народов, живущих выше ее и вблизи; сюда, в Диоскуриаду, приходят главным образом для покупки соли". А историк Плиний в одной из своих книг отметил: "Теперь этот город находится в запустении, но некогда он был до того знаменит, что, по словам Тимосфена, туда сходились 300 племен, говоривших на разных языках! И после того наши римляне вели здесь свои дела при посредстве 130 переводчиков".

Поясним: Понт -- это Черное море, которое некогда произвело на греков

весьма неблагоприятное впечатление, настолько неблагоприятное, что они даже дали ему прозвище Понт Аксинский, то есть "негостеприимное море". Может быть, и в самом деле на первых порах после теплого Эгейского моря, где плывешь от одного острова к другому, Черное море показалось им более суровым, более холодным. Может быть, вначале негостеприимными показались и здешние берега. Впрочем, лихие греческие мореходы, которые лет за семьсот до нашей эры проникли в Черное море, довольно быстро убедились в том, что и море-то, как говорится, не из худших, и земли богатые, и с местными племенами и народами торговать можно. И Понт Аксинский стали именовать Понтом Евксинским -- "морем гостеприимным".

Между прочим, по мнению современных ученых, Черное море стало таким, каким мы его теперь знаем, лишь примерно три тысячелетия назад. Еще десять тысяч лет назад оно было большим пресноводным озером.

Что же касается города, то древнегреческие историки и писатели сообщают, что основали его в VI веке до нашей эры купцы из Милета, знаменитого в Древней Греции полиса. Впрочем, задолго до милетских купцов существовали в здешних местах поселения, обжиты были тут земли местными племенами. И охотно меняли те племена шерсть, шкуры, рыбу на расписные вазы, оружие, на орудия, которые доставляли им пришельцы.

Колхидой называли эти богатые причерноморские земли греки.

2. Рассказывали, в древней области Беотии, в Средней Греции, правил некогда сын бога ветра Эола царь Афант. От богини облаков Нефеллы у него было двое детей -- сын Фрикс и дочь Гелла. Потом разлюбил жену Афант, женился на другой. А мачеха невзлюбила пасынков, решила погубить их. И уже было едва-едва не осуществила свой злодейский замысел: пасть под ножом жреца должен был юный Фрикс, но вдруг предстал перед детьми златорунный овен -- баран, присланный богиней Нефеллой. Сели на овна Фрикс и Гелла, и помчал он их над полями и лесами, над реками, выше гор. Вот уже море виднеется. Испугалась Гелла, не удержалась на овне и упала прямо в море. С тех пор оно стало называться морем Геллы, Геллеспонтом (ныне -- Дарданеллы).

А овен с Фриксом продолжил свой путь и достиг берегов Фасиса, в далекой Колхиде. Здесь правил сын бога Гелиоса -- Эет. Когда Фрикс подрос, Эет женил его на своей дочери. Овна Фрикс, исполняя волю богов, принес в жертву Зевсу. А его руно повесил в священной роще. Не смыкая глаз, огнедышащий дракон денно и ночью охранял золотое руно.

Тем временем в Фессалии, на востоке Северной Греции, брат царя Афанта воздвиг город. Потом в городе стал править его сын Эсон. Но недолго пользовался он властью. Сводный брат Пелий сместил его.

Когда у Эсона родился сын, он нарек его Ясоном, но, опасаясь, что Пелий погубит младенца, объявил, будто мальчик захворал и скончался. На самом деле он отдал его на воспитание кентавру Хирону. Рос мальчик сильным, крепким. Научил его Хирон стрелять из лука, владеть мечом и копьем, научил игре на музыкальных инструментах и многому другому.

Когда Ясону исполнилось двадцать лет, он пришел к Пелию и потребовал, чтобы возвратил тот ему власть, отнятую у отца. За Ясона вступились и его дяди. Пелий решил схитрить.

-- Ладно, -- сказал он, -- я верну Ясону власть. Возвращу и богатства, отнятые у его отца. Но с одним условием: пусть Ясон умиловит подземных богов. Фрикс умер в далекой Колхиде. Его тень открыла мне в сновидении, что молит он: пусть кто-нибудь отправляется в Колхиду и завладеет золотым руном. Сам я стар. Ты же, -- сказал он обращаясь к Ясону, -- молод. Сверши это деяние, и будет все по-твоему.

Вот тогда-то и кликнул клич Ясон, и на зов его -- отправиться в страну Золотого руна собрались со всех уголков Греции знаменитейшие герои, в том числе и Геракл.

3. Долго плыли на своем девятивесельном, легком и быстром, словно чайка, корабле "Арго" герои, немало приключений испытали. Побывали на острове Лемнос, выиграли сражение у шестируких великанов на одном из полуостровов Мраморного моря, оставили в Мизии, на западном берегу Малой Азии, Геракла, который по воле громовержца Зевса должен был возвратиться назад в Грецию (здесь он совершит свои двенадцать великих подвигов). Побывали в северо-восточной части Балканского полуострова. Пересекли Черное море и долго плыли вдоль его берегов. И наконец засинели на горизонте горы Кавказа, и подплыли путешественники к благодатной Колхиде. Вскоре они

увидели устье Фасиса (Риони). Мореплаватели поднялись вверх по его течению и бросили якорь в заливе реки. Здесь находилась столица Колхиды.

4. Царь Эет поставил Ясону несколько условий. Лишь в том случае, если Ясон исполнит их, соглашался Эет отдать золотое руно.

Младшая дочь Эета, волшебница Медея, по воле богов влюбилась в Ясона и помогла ему: вручила мазь, приготовленную из сока корней растения, выросшего высоко в горах на крови Прометея. Тот, кто натирался этой мазью, становился неуязвимым.

...Все исполнил Ясон: распахал поле плугом, запряженным медноногими, огнедышащими быками, засеял поле зубами дракона, а когда из этих зубов выросли закованные в доспехи воины, он перебил их всех до одного. Но Эет нарушил клятву, не захотел отдать руно, и, если бы снова на помощь Ясону не пришла Медея, не сумел бы тот одолеть дракона, охранявшего сокровище.

Теперь надо было спешить. Обрубили аргонавты канаты, которыми привязан был "Арго" к берегу, дружно налегли на весла, и стремительно помчался корабль вниз по течению Фасиса к морю, увозя золотое руно и волшебницу Медею...

Среди героев, отправившихся вместе с Ясоном за золотым руном, были два кормчих, два брата Диоскуры: Полидевк, искуснейший кулачный боец, и Кастор, которого никто не мог превзойти в искусстве править колесницей.

Именно они -- так рассказывается в мифе -- основали на берегу Понта Евксинского на обратном пути город, названный в их честь Диоскурией.

5. Быль и небыль, легенды и факты... Знакомый нам уже Страбон в своей "Географии" сказал: "Известны рассказы... о богатстве этого края: золоте, серебре, железе, дающих основу для предположений об истинных причинах похода аргонавтов, причину, по которой до них снарядился в плавание Фрикс". И добавил: "Говорят, что там [в Колхиде] потоки сносят золото и что варвары собирают его при помощи просверленных корней и косматых шкур. Отсюда и сложилась басня о золотом руно".

6. У нас нет точных данных о том, как выглядела Диоскурия. Известно лишь одно: город славился красотой и богатством и благоденствовал и процветал на протяжении по крайней мере четырех столетий!

Древний торговый путь шел от Диоскурии в глубь современной Абхазии и далее через Клухорский перевал на Северный Кавказ.

Не только с народами и племенами, населявшими Кавказ, торговали жители Диоскурии, но и с другими греческими колониями и, конечно, с Грецией. Даже собственную монету чеканил город!

7. В I веке до нашей эры, разгромив Боспорское царство Митридата VI Евпатора (как известно, не желая попасть в руки своих врагов, Митридат покончил с собой на вершине холма в Пантикапее, ныне Керчи, -- холма, который и сейчас называют холмом Митридата), римские легионы под предводительством Помпея вторглись на кавказское побережье. Они захватили Колхидское царство, напали на Иберию, лежащую к востоку от Колхиды. Уменьшилась торговля, в упадок пришли ремесла.

Прошло еще некоторое время. В 134 году нашей эры правитель римской провинции Каппадокии по повелению императора Адриана проехал -- это была инспекционная поездка -- по всему побережью Колхиды. Случаю оказалось удобным, что его подробный отчет с перечислением всех посещенных им поселений, с дотошными записями обо всем, что он видел в пути, -- о реках, кораблях, дорогах, бурях, дошел до нас.

В этом отчете сказано: "...мы успели раньше полдня прибыть в Себастополис. Поэтому в тот же день сумели выдать жалованье солдатам, осмотреть коней, оружие, поглядеть упражнения всадников, осмотреть больных и хлебные запасы, обойти стены и ров. Себастополис основан милетянами. Прежде он назывался Диоскурией".

Четверть столетиями позднее, в 550 году нашей эры, в самый разгар борьбы, которую вели за овладение Кавказом Византия и Иран, византийские войска оказались вынужденными временно уступить свои позиции. Чтобы не оставлять врагам свои укрепленные места, они разрушили стены ими же построенных крепостей в Питиусе (Пицунде) и Себастополисе.

Когда же персидское войско ушло и византийцам удалось вновь вернуться, они заново отстроили крепость.

Известный византийский историк Прокопий Кесарийский писал: "Император Юстиниан возобновил и расширил этот самый Себастополис... обнес его стенами,

и город сей по обширности и богатству стал одним из первых на восточном побережье Черного моря".

В XIV--XV веках здесь находилась генуэзская фактория -- на картах того времени ее именуют Сан-Себастьян, Севаст, Себастополис. Но эта фактория не была прямой преемницей римского города.

В XVIII веке итальянский историк Арканджело Ламберто первым на Западе упомянул о том, что древний Себастополис был взят морем.

О городе, исчезнувшем в морских волнах, рассказывали, естественно, и в Грузии. Многие даже называли место, где находился этот город, -- там, где сейчас Сухуми. И уверяли, что в тихую погоду на дне Сухумской бухты видны остатки домов и улиц.

...1864 год. Море выбросило в Сухуми на берег настоящий клад: "золотую корону в виде обруча, толщиной в гусиное перо с привесками". И до этого и после этого довольно часто на берегу находили древние монеты: золотые, серебряные, медные -- и предметы из металла. Так же как в Пантикапее, тут в земле при постройке домов, да и при других обстоятельствах нередко были находки древней утвари, украшений, черепков.

8. Ученых давно уже интересовало, где же все-таки находилась древняя Диоскурия? На том месте, где нынче привольно раскинулся красивый, яркий, цветущий Сухуми? Или же где-то в стороне от него? Спорили, опираясь главным образом на свидетельства древних писателей и путешественников. А к единому выводу прийти не могли. В основном из-за того, что сами древние авторы по-разному оценивали расстояние, скажем, от того же Питиуса до Диоскурии. Удивительного тут ничего нет, нередко ведь расстояние определяли "на глазок" с моря, плывя на корабле. А случалось и так, что спрямлялась дорога или менялась и конфигурация берега.

Никто, разумеется, не утверждал, что Диоскурия находилась далеко от Сухуми. Но все же некоторые исследователи доказывали, будто следы Диоскурии следует искать на левом берегу реки Кодор, возле мыса Искурия (Скурга), что находится в двух десятках километров южнее современного Сухуми. Бралось это, разумеется, не "с потолка". Приводились аргументы, в ряде случаев они казались достаточно весомыми.

9. В 1874 году известный в то время археолог Брунн, скрупулезно проанализировав все имевшиеся в его распоряжении данные, пришел к выводу, что все-таки Диоскурию следует искать в Сухуми. Еще точнее: Сухуми находится на том самом месте, где некогда располагалась Диоскурия.

Двумя годами позже большой энтузиаст изучения древностей Абхазии, историк и краевед Владимир Чернявский поддержал Брунна. Но высказал при этом мысль, что остатки Диоскурии следует прежде всего искать в море. Вместе с двумя молодыми помощниками, Метаксой и Шангиреем, он и занялся поиском остатков древних сооружений на дне Сухумской бухты. И кое в чем преуспел. Одну из своих находок он назвал замком. "Замок этот, -- писал Чернявский, -- имеет два сомкнутых отделения, одно совершенно круглой формы, другое -- четырехугольной, последнее более разрушено".

Позднее, уже в 90-х годах XIX века, неподалеку от Сухуми, на берегу реки Келасури, впадающей в Черное море, был найден клад: довольно значительное число древних монет, в том числе монеты, увидевшие свет в Диоскурии, в первые века нашей эры.

10. В августе 1953 года физрук одного из сухумских санаториев Юрий Мовчан увидел на дне Сухумской бухты, неподалеку от того места, где речка Басла, или, как ее называют в просторечии, Баслетка, впадает в море, на незначительной сравнительно глубине, плиту. Когда ее подняли на берег, то оказалось, что Мовчану посчастливилось найти редкостной красоты мраморную надгробную стелу, которая, как напишет исследовавший ее Л. Шервашидзе, "не имеет равных среди известных мраморных барельефов в Советском Причерноморье".

Она и в самом деле очень красива, эта двухметровой высоты, чуть расширяющаяся книзу серовато-белая плита с чудесной барельефной сценкой: молодая женщина, сидя в кресле, нежно прощается с сыном. Она положила ему на плечо руку и глядит не наглядитса, прощаясь. На заднем плане еще одна женская фигура с ящиком на плече. Служанка? Возможно, что так, и держит она, вероятно, ящик с драгоценностями.

Плита сохранилась не полностью, ее левый край обломан.

Удалось установить: стелу изготовили в V веке до нашей эры и привезли

из Греции. А вот, над чьей могилой она находилась, кто автор барельефа, этого, наверно, вообще не узнать. Дело в том, что, как пишет Л. Шервашидзе, подобные стелы имели обычно наверху, на котором помещалась надпись. Было наверху и на нашей стеле, но найти его не удалось.

Так или иначе, но находка вызвала большой интерес. Прежде всего потому, что она действительно уникальна. А во-вторых, она вновь напомнила ученым о тайне Диоскурии.

Заметьте: нашли стелу в море. Естественно, что это навело ученых на мысль продолжить те поиски на дне Сухумской бухты, которые успешно начал Чернявский. Собственно, их собрались продолжить еще в начале века, но все что-то мешало.

Кстати говоря, именно возле устья реки Баслетки волны частенько выбрасывали античные черепки, монеты, а порой украшения и всякого рода погребальную утварь.

Может быть, тут некогда находился некрополь?

11. 1957 год.

"Сменяя один другого, мы уходили на дно, чтобы тщательно, метр за метром, просмотреть грунт, проверить лежащие на дне камни. Время от времени приходилось приостанавливать работу, чтобы дать улечься темным клубам тумана, который образует потревоженный ил...

Обследование дна на месте находки стелы -- единственная цель наших работ. Мы изучаем также находящиеся поблизости, под водой, остатки древнего сооружения. Эти руины и были причиной курьезной ошибки, допущенной известным английским писателем Джеймсом Олдриджем. В своей книге "Подводная охота", упоминая о затонувшем на дне Сухумской бухты городе Диоскурии, Олдридж пишет, что, по дошедшим до него сведениям, на одном из зданий этого подводного города сохранилось даже изваяние пловца... Никакой такой скульптуры вообще нет. Видимо, просто переводчик не очень точно передал, что пловец, взобравшийся на стену подводных развалин, будет возвышаться над поверхностью моря.

Развалины, которые мы собирались изучать, были сплошь покрыты водорослями и острыми ракушками. И прежде всего нам пришлось, вооружившись водолазными ножами, начать очистку поверхности стен. Лишь после того стало возможно произвести обмер этих руин, снять их план, зарисовать характер кладки.

Оказалось, что это остатки круглой башни с примыкающим к ней, еще больше, чем она сама, разрушенным прямоугольным помещением. Стены имеют толщину более метра и выложены из крупного, неоколотого булыжного камня на известковом растворе. Башня небольшая, ее наружный диаметр -- около шести метров. В башне с одной стороны сохранился узкий дверной проем, с другой -- три узкие оконные щели в виде бойниц".

Это описание принадлежит Л. Шервашидзе. И речь в нем идет о том самом "замке", о котором в свое время писал В. Чернявский. Но вот что небезынтересно. По необъяснимой причине (явно произошла какая-то путаница в записях) у Чернявского "замок" был помечен совсем в другом месте: напротив развалин Сухумской крепости, построенной в XVIII веке турками. Но там нет никакого замка. Он находится неподалеку от устья Баслетки.

И все же именно возле Сухумской крепости, после того как на протяжении двух с лишним месяцев аквалангисты километр за километром безрезультатно прочесывали дно Сухумской бухты, были сделаны прелюбопытнейшие находки.

12. Сначала нашелся фрагмент стены, сложенной из булыжника, под ними виднелась кирпичная кладка, стены располагались перпендикулярно по отношению к берегу. Дальнейшее ее изучение показало: рядом со стеной дно покрыто камнями. Тут была какая-то постройка. Немного дальше нашелся еще один фрагмент стены, затем другой. В целом создалось впечатление, что это обломки одной и той же частично разрушенной до основания стены.

А потом нашлись руины других стен. Однажды посреди ставших уже привычными глыб аквалангисты увидели жернов ручной мельницы. Нашли тесаный камень, вероятно, обломок арки. Нашли большую каменную ступу с крестообразными вертикальными ребрами-утолщениями, расположенными с наружной стороны.

Обследованная площадь -- метров триста вдоль берега и метров полтора в глубь моря -- свидетельствовала: именно здесь, а не в районе пляжа сохранились в море остатки какого-то древнего (похоже, что римских времен)

крепостного сооружения -- какого именно сказать было трудно.

Найденные под водой фрагменты образовывали в плане фигуру, напоминающую удлинённый прямоугольник, тянувшийся параллельно берегу.

Конечно, это в лучшем случае можно было считать лишь началом, но обнадеживающим началом.

13. Весной 1958 года рабочие, удлиняя Приморский бульвар в Сухуми, копали траншею вдоль набережной, возле турецкой крепости. Траншею хотели заполнить плодородной землей и посадить деревья и цветы.

Л. Шервашидзе, проходя мимо, случайно обратил внимание на то, что в раскопе виднелась по меньшей мере двухметровой толщины стена. Она тянулась вдоль всей траншеи и заворачивала по дуге в сторону моря. Исследователь остановился как вкопанный. Где-то он уже видел эту характерную кладку: булыжники, положенные на известковом растворе, кирпичную прослойку.

Но где?

...Тогда стена была под водой, покрытая водорослями, облепленная ракушками.

Ну, конечно, именно так. И эта находящаяся в море стена имеет непосредственное отношение к той, что раскопали рабочие! Она и расположена даже параллельно к последней!

Работы по сооружению сквера были прерваны. Было прекращено и разрушение стены.

Участок перешел в распоряжение ученых. И вот тогда, как пишет Л. Шервашидзе, началось самое интересное. "День за днем все больше и больше освобождались из земляного плена скрытые в течение многих веков руины: толстые стены, укрепленные контрфорсами, мощные башни, тесаные камни, образующие арку; пол, выложенный из очень больших квадратных керамических плит; круглые кирпичи, такие, какие употреблялись при постройках бань. Черепки краснолаковой керамики, чудесные блюда, украшенные кругами и волнистыми линиями, большие кубки, всевозможные кувшины и чашки... Бронзовые монеты. Одни сильно разрушены, зато другие удивительно хорошо сохранились".

Самые ранние из сооружений относились к I веку нашей эры; башни, обнаруженные на берегу, и те остатки стен, которые ранее были обнаружены в море, -- это один и тот же комплекс сооружений. А самое главное заключалось в том, что руины, несомненно, были руинами Себастополиса. Разыскали ученые много амфор, обломки посуды, массивные ступы, обломки кувшинов, зернотерок. Нашли кусок необработанного металла, спекшегося со шлаком, -- красноречивое свидетельство того, что здесь выплавляли металл. Нашли трубы, бассейн со сливом, монеты -- римские, персидские, из стран Малой Азии. Нашли золотой перстень, видимо принадлежавший знатному римлянину, а также глиняные светильники.

Найденное свидетельствовало о том, что Диоскурия -- насколько можно судить, -- очевидно, действительно находилась некогда там, где ныне находится Сухуми.

Где же именно?

-- На дне, -- отвечает на этот вопрос археолог и краевед Л. Соловьев, многие годы занимающийся поисками Диоскурии. -- На дне Сухумской бухты.

14. Вкратце его рассуждения сводятся к следующему. Известно, что дно в Сухумской бухте резко уходит вглубь. Уже в трехстах--четырехстах метрах от берега глубина достигает чуть ли не восьмидесяти метров, в пятистах метрах от берега она переваливает за сто. Быть может, тому виной какая-то тектоническая катастрофа? И сравнительно недавняя? Ведь в абхазских преданиях сохранились сведения о сильнейшем землетрясении в городе чужеземцев, -- городе, который поглотило море.

При этом следует принять во внимание то обстоятельство, что, судя по целому ряду фактов, две с половиной тысячи лет назад, то есть в те времена, когда в здешние края прибыли милетские купцы, Сухумской бухты -- так во всяком случае считает Л. Соловьев -- вообще не было! А ее место занимала низменность, на которой находилась общая дельта рек Келасури и Гумисты.

Соответственно по-иному была расположена и линия древнего берега. Его легко представить себе, если мысленно соединить оконечности нынешнего Гумистинского мыса и устье реки Маджарки. На песчаном берегу рядом с гаванью, считает Л. Соловьев, находились склады, крепость, а сзади сама Диоскурия.

...Сначала переменяла свое русло Гумиста, ушла на шесть километров к

западу. Потом стала передвигаться дельта реки. Затем морское течение, раньше приносившее наносы, стало уносить их. Повысился, пусть не очень значительно, уровень моря. Оно прорвало песчаные валы и перешло в наступление на город. Свою роль, несомненно, сыграли и оползни. Это хорошо видно на примере Севастопольской крепости: она частично "сползла" в море. Этому пытались воспрепятствовать, строили всякие контрфорсы. И все-таки с течением времени значительная часть крепости оказалась под водой.

Но наступлением моря и оползнями тут всего не объяснишь. Ведь аквалангистам пока что не удалось найти мало-мальски крупных сооружений или руин, относящихся к древнегреческим временам. Не найдены они и на суше. Не на дне ли Сухумского подводного каньона, этого своеобразного провала, который, по мнению ряда исследователей, образовался сравнительно не так уж давно, следует искать следы поглощенного морем города?

Может быть, именно в I веке нашей эры произошла катастрофа? После того как Диоскурия оказалась изрядно разрушенной во время войн Митридата с Помпеем?

Ясно одно: Диоскурия находилась на месте Сухуми и искать ее руины, очевидно, следует на дне Сухумской бухты, вероятно, на линии Гумистинский мыс -- устье Маджарки.

МОРСКИЕ ПОМПЕИ

1. Как известно, в мае 79 года Везувий, внезапно разбушевавшись, уничтожил Помпеи, Геркуланум и Стабию. Очевидец писал: "Мы видели, как море отходит от берега; земля, сотрясаясь, как бы отталкивала его от себя. Оно отступало: на песке лежало много морских животных. С другой стороны (со стороны Везувия. -- \textit{A. B.}) в черной, страшной туче там и сям вспыхивали и перебегали огненные зигзаги, и она раскалывалась длинными полосами пламени, похожими на молнии, но большими... Туча эта стала опускаться на землю, покрыла море, опоясала Капреи (остров Капри) и скрыла их... Стал падать пепел, пока еще редкий; оглянувшись, я увидел, как на нас надвигается густой мрак -- не такой, как в безлунную или облачную ночь, а такой, какой бывает в закрытом помещении, когда огни потушены. Слышны были женские вопли, детский писк и крики мужчин: одни звали родителей, другие -- детей, третьи -- жен или мужей, силясь узнать их по раздававшимся зовам; одни оплакивали свою гибель, другие -- гибель своих; некоторые в ужасе перед смертью молили о смерти... Чуть-чуть посветлело; это был, однако, не дневной свет, к нам приближался огонь. Он остановился вдали; вновь настали потемки; пепел посыпался тяжелым дождем. Мы все время вставали, стряхивали его, иначе нас раздавило бы под его тяжестью..."

Катастрофа была неслыханной.

Долгие годы из поколения в поколение передавались страшные подробности трагической гибели цветущих городов.

Потом все забылось.

2. На средневековых картах можно было, однако, увидеть оба этих города. Объяснялось это просто: картографы пользовались устаревшими картами Римской империи.

Городов не было уже давно. В этом ничего не стоило убедиться собственными глазами.

Письма упомянутого нами очевидца, знаменитого ученого Плиния Младшего сохранились. Опубликованные во времена Возрождения, они напомнили людям о судьбе Геркуланума и Помпеи.

Тем не менее никто не изъявил желания заняться поисками погибших городов.

Означало ли это, что сбывается меланхолическое пророчество еще одного современника, римского поэта Стация: "Поверят ли грядущие поколения, когда эта пустыня вновь зазеленеет, что под ней скрываются города и люди?"

Она действительно зазеленела. И на почве, образовавшейся из смеси пепла и вулканического шлака, давным-давно стояли поверх умерщвленных городов дома.

Так во всяком случае обстояло дело в Геркулануме. Там, где находились некогда Помпеи, поселения не было.

3. Между тем Везувий, который примерно раз в столетие напоминал людям о том, что он вовсе не мертвый вулкан, в 1631 году вновь проявил беспокойную активность. Утром 16 декабря из его чрева взметнулся ввысь огромный столб

дыма, слышались громовые раскаты. А дальше все пошло почти так же, как и в тот злосчастный день, когда погибли Геркуланум, Помпеи и Стабия. Взлетали в воздух, словно шрапнель из жерла невиданной мощи пушки, маленькие, величиной от горошины до грецкого ореха, и побольше, с добрый кулак, вулканические бомбы, стлался по земле зловещий черный пепел, мчались со склона вулкана грязевые потоки.

У Везувия даже сорвало макушку, что с удивлением увидели охваченные ужасом местные жители.

Потери и убытки были, пожалуй, еще более тяжелыми, чем в 79 году. Погибло около четырех тысяч людей. Наводнение и лава разрушили множество деревушек, главным образом к востоку и западу от вулкана. На девяносто километров в окружности разлетелись камни, выброшенные силой взрыва. В Неаполе пепел покрыл город слоем толщиной тридцать сантиметров.

Деревушке, находившейся на месте Геркуланума, повезло: хотя ее окрестности и оказались погребенными под лавовым потоком толщиной пять метров, сама она не погибла. А холм, под которым были скрыты руины Помпеи, лава вообще обошла, точнее сказать, обтекла.

Вторично заставить закаменеть жизнь здесь Везувия не было дано.

И это, быть может, в конце концов несколько упростило розыски погибших городов.

4. Еще за тридцать девять лет до этого извержения, в 1592 году, губернатор Кампании граф Муциус Туттавила решил построить водопровод, чтобы подвести воды Сарна к городку Торре-Аннунциато, жители которого давно жаловались на сушь. Туттавила обратился к знаменитому римскому архитектору Доменико Фонтана, и тот составил проект.

По мысли Фонтана, канал (а он собирался вести его напрямую) должен был среди прочих пересечь и холм, давно известный местным жителям под именем Чивита. Никто против этого не возражал, и архитектор приступил к делу.

Под холмом Чивита и были скрыты Помпеи. Но этого тогда не знали. И когда однажды рабочие наткнулись на остатки стены, никто, в том числе и сам Фонтана, не придал ей особого значения, впрочем, как и монетам с изображением императора Нерона. Найденная мраморная плита, на которой сохранилось какое-то упоминание о Помпеях, тоже в общем прошла незамеченной: решили, что речь идет об известном сопернике Цезаря Помпее.

Траншею рыли не очень глубокую, а город лежал под восьмиметровой толщей. И этими находками, собственно, все и завершилось.

5. Одним из первых, если не самым первым, кто отождествил холм Чивита с Помпеями, был некто Лука Гольстениус. В 1637 году он посетил Неаполь и прилегающую округу. Он долго осматривал холм и в своей вышедшей годом позже книге заявил, что Помпеи следует искать именно здесь.

"Нет, -- возражали ему, -- Чивита стоит на месте другого городка, Стабии, тоже чуть не полностью уничтоженного в 79 году".

В 1689 году неподалеку от Чивиты при рытье колодца были найдены кое-какая утварь и камень с надписью: "Помпеи". Но и на этот раз решили, что речь идет о Помпее.

Странно? Но так оно и было. Очевидное отнюдь не всегда становится общепризнанным.

6. Случаю было угодно, чтобы первыми перед восхищенными взорами людей XVIII века предстали не Помпеи, а Геркуланум. В деревушке Резина, возникшей на месте древнего города, в 1710 году некий крестьянин решил углубить свой колодец. Он неспешно орудовал лопатой, когда внезапно увидел обломки мраморной плиты. Выбрав те, которые показались ему получше, крестьянин продал их каменотесам в Неаполе.

Находка не осталась незамеченной. Заинтересовавшись обломками, местный военачальник князь Эльбеф -- он в это время был занят отделкой своей виллы -- откупил весь участок и приступил к раскопкам. Несколько дней спустя были найдены две скульптуры: одна, как предположили, Геркулеса, а другая -- Клеопатры.

Сам того не ведая, Эльбеф наткнулся на театр в Геркулануме. Но в этом он не сумел разобраться. Зато он понял другое: найденные сокровища могут помочь ему добиться благорасположения дальнего родственника, известного военачальника принца Евгения Савойского, возглавлявшего в Австрии (а многие земли Италии в ту пору находились под властью Австрии) Государственный совет. И потому отправленные Эльбефом в Вену несколько найденных скульптур,

хотя их посылка и сопровождалась письмом, в котором было немало восторженных фраз по поводу того, что скульптуры попадут в руки "отличного знатока и ценителя искусств", можно совершенно спокойно рассматривать как тривиальную взятку. В конечном итоге выгадал от всей этой истории Венский музей. Скульптуры и нынче находятся там, свидетели первых, еще робких начал открытия Геркуланума.

За первыми успехами, однако, последовали неудачи, в том смысле, что кладов (а ведь именно это только и интересовало Эльбефа) больше не стало. Как только прекратились находки статуй и мраморных плит, а пошли все больше какие-то стены и лестницы, Эльбеф покончил с поиском. А некоторое время спустя продал свою виллу с собранными в ней древними статуями, продал и участок.

Но начало все же было положено. В октябре 1738 года по повелению Карла IV, короля обеих Сицилии, раскопки были продолжены: король хотел разыскать античные статуи для своей супруги. Взяв за отправной пункт все тот же использованный Эльбефом колодец, рабочие -- землекопы и солдаты, находившиеся под командованием Рокко Алькубиерри, -- натолкнулись на остатки бронзовых коней необычайной величины и какие-то статуи. За ними последовали обломки каменных плит, снова статуи. 11 декабря 1738 года все стало ясно: была найдена надпись, из которой явствовало, что некий Люций Анний Руф оказал денежную поддержку строительству "театра Геркуланума".

А в марте 1748 года Алькубиерри начал зондаж по соседству с Чивитой. И сразу напал на след. Двенадцать его каторжников (по королевскому повелению их использовали в качестве землекопов) работали довольно усердно и 1 апреля натолкнулись на какие-то руины. Как выяснилось позже, Алькубиерри попал в самый центр Помпеи, очутившись примерно в двухстах метрах от храма Августа...

7. Сейчас Помпеи в основном уже давно раскопаны. По расчищенным улицам мертвого города день-деньской бродят толпы туристов, с любопытством взирающих на древности. Это и в самом деле не лишено интереса: перенестись на двадцать с лишним веков назад, увидеть своими глазами римский город.

Все сохранилось неприкосновенным: и дома, и виллы, и храм Изиды, и фрески. Жизнь в городе замерла, и так и остались на своих местах посуда, утварь, мебель. В мастерских лежали брошенные впопыхах орудия и изделия, в канцеляриях -- таблички. В одной из таверн на столе остались деньги: прежде чем выскочить на улицу, их оставил кто-то из посетителей...

8. Помпеи давно уже стали именем нарицательным. Но очень немногие знают, что сравнительно недалеко от Помпеи и Геркуланума, всего лишь в каких-нибудь двадцати километрах, находятся еще одни "Помпеи", на сей раз захороненные на морском дне.

9. Городок Бая, что располагается на берегу Неаполитанского залива, чуть западнее Неаполя, нынче ничем особенным не знаменит. Его приземистые домики, его маленький порт, его сонное спокойствие вряд ли могут навести человека, попавшего сюда впервые, на мысль, что некогда тут был прославленный город-курорт, в котором проводил время "весь Рим", город с красивыми прямыми магистралями, город императорских дворцов и богатых вилл.

"...Ничто не сравнится со взморьем милой Баи", -- писал Гораций. И он был прав: здесь чудесный мягкий климат, много солнца, лес, море и ко всему этому еще и редкостной красоты вид на голубые воды залива.

Римляне умели ценить красоту. Но не в меньшей степени они ценили удобства и покой. Курорт Бая был издревле знаменит: там на берегу и даже в море находилось множество источников минеральной воды, соленой, щелочной, сернистой, содержащей известь воды, подчас такой горячей, что в ней можно было сварить яйца.

Говорили, что источники эти помогают при многих недугах. Римские патриции и богачи приезжали сюда лечить ревматизм, ишиас, подагру и желудочные болезни, головные боли, переломы, вывихи. И просто отдыхать.

Так Бая стала модным курортом. Сановники воздвигали себе виллы не только на берегу, но даже и в самом море -- на сваях, на молах, дома с колоннами, с резервуарами для воды, со спортивными залами, купальнями. Здесь состязались в том, кто построит самый невиданный, самый оригинальный дворец. Одним из самых богатых был дворец Цезаря: словно крепость возвышался он на одном из прибрежных холмов, и прекрасный вид открывался с его террасы.

Год от года множилось здесь число роскошных особняков с залами,

расписанными художниками, со скульптурами, обширными дворами, с галереями и садами; в прохладных тенистых двориках журчали фонтаны и радовали глаз бассейны с экзотическими рыбками.

Прежде чем украсить тот или иной дворец, порой целыми месяцами совершали путешествия на спинах верблюдов или в трюмах кораблей эбеновое и красное дерево, бесценной работы шелка, гобелены, равно как и ароматные масла, духи, пряности.

Со всех уголков Средиземноморья, из Греции, Малой Азии, Северной Африки, Италии доставляли лучшие сорта мрамора, драгоценные породы деревьев, слоновую кость, чеканные серебряные вазы, статуэтки, сосуды, драгоценную утварь, золотые и серебряные ювелирные изделия.

Янтарь, греческие вазы, египетские благовония -- все было самое дорогое, самое роскошное, самое модное.

Из Нумидии привозили цесарок, из Франции -- соус к рыбным блюдам и жареных дроздов, из Германии -- мед. Устриц поставляли местные рыбаки.

10. От древней Баи в нынешнем городишке, расположенном в бухте Поццуоли, мало что осталось: древняя Бая, -- она под землей. Впрочем, не вся. Значительная часть площади, которую в свое время занимал знаменитый курорт, ныне находится под волнами Тирренского моря.

Рыбаки, да и не только рыбаки, давно уже рассказывали о том, что в ясную погоду в море видны стены, колонны и улицы. В 1930 году этими слухами заинтересовались ученые. На дно бухты спустились водолазы. И они действительно обнаружили и здания и улицы и подняли наверх много беломраморных и бронзовых статуй.

Работать тут было труднее. Мало того, что водолазы в те годы спускались под воду в тяжелых доспехах, больно мутной была здесь вода: подчас и в полуметре невозможно было что-либо рассмотреть.

11. Прошло двадцать восемь лет. В 1958 году некто Раймондо Бухер, аквалангист из Неаполя, вновь напомнил о затонувшем городе, опубликовав репортаж и несколько фотографий. В принципе Бухер не сообщил ничего нового. И все же его репортаж принес известную пользу: древней Баей и историей ее гибели заинтересовался профессор Нино Ламболя, который восьмью годами ранее организовал экспедицию по обследованию затонувшего у берегов Лигурии римского корабля II -- начала I века до нашей эры (поднято было более 700 амфор), а теперь возглавлял экспериментальный центр подводных исследований.

В сентябре 1959 года в воды Поццуоли вошел корвет "Дайна". С него временно были сняты пушки и пулеметы, а их место заняли воздушный компрессор, помпы и прочее снаряжение.

Все оказалось верным. Перед взором удивленных аквалангистов предстали и стены зданий, и колонны, и галереи, и бывшие залы, некогда отводившие воду из терм, и таверны, и мраморные и мозаичные полы, и фрески, и обломки разнообразной и дорогой посуды, и руины храмов, и даже алтарь.

Два тысячелетия назад здесь слышалась латинская речь, улицы и площади, игорные дома и пляжи были полны народа, в праздничных шествиях участвовал чуть ли не весь город.

Теперь в давно пустых помещениях обитали лишь рыбы.

12. ...На протяжении более полутора веков гремела слава Баи. В августе 79 года земля пошла ходуном. С ужасом смотрели вышедшие на улицы люди, как над Везувием к заоблачным высям поднялся похожий на огромный кедр столб дыма.

Баю миновала судьба Помпеи, Геркуланума и Стабии. Здесь не было ливня из лапилы, грязевых потоков и потоков лавы, вулканического пепла, не было стелющихся по-над улицами, заползающих во все щели ядовитых серных паров, не было страшных толчков и тех трагических сцен, которыми изобиловала история гибели этих городов.

Но в конечном итоге Бая тоже стала в какой-то мере жертвой этого извержения, точнее, жертвой катаклизмов, связанных, как полагают, с тектонико-вулканологическими процессами, в силу коих и пришел в неистовство Везувий.

13. Мы не очень хорошо осведомлены о том, что именно произошло в Бае, тем более что все это случилось не вдруг, а растянулось на года.

Известно, однако, что вначале море на какое-то время отступило от берегов, а суша поднялась. Впоследствии начался обратный процесс: море вернулось, а суша принялась медленно опускаться.

Менялась конфигурация берега. Все ближе подбиралось море к пляжам и площадям города, все выше поднимались волны, пока наконец воды не сомкнулись над большей частью Баи.

14. Профессору Ламболье и его помощникам удалось составить довольно точный план подводного городка.

Конечно, многие стены здесь повреждены, немало зданий превратилось в руины. Повсюду много ила. Его слои покрывают драгоценные мозаичные полы в виллах, местами даже и сами дома.

Но к тщательным раскопкам исследователи так и не сумели приступить: нужны большие средства. На поверхность надо поднять десятки тысяч тонн ила, и это тоже не просто.

Короче, изыскания пока что приостановлены, и работы не ведутся.

Но быть может, когда-нибудь настанет все-таки черед Баи, как в свое время настал через Геркуланума и Помпеи или как настал черед некогда знаменитого этрусского города и крупнейшего порта Спины.

15. О том, что он некогда существовал, этот значительнейший этрусский порт на Адриатике (в ту пору Рим был еще никому не известной деревушкой), ученые знали давно. И, судя по свидетельствам, это был действительно крупный порт. Ведь он был едва ли не главным портом античной Этрурии, мощного государства, которое охватывало не только Тоскану, но и некоторые районы Умбрии и весь северный Лациум -- территорию в двести километров с севера на юг и примерно сто пятьдесят километров с запада на восток, между Тирренским морем, рекой Арно и Тибром. Она была в свое время знаменита, Этрурия.

В противоборстве с греками, умбрами, лигурами, сабинами и другими племенами, населявшими нынешнюю Италию, постепенно наращивала она свою мощь. И к середине V века до нашей эры разве что только Карфаген да материковая Греция -- страны, лежавшие далеко от ее границ, -- оставались реальными соперниками Этрурии. В периоды мира со многими государствами вели обширную торговлю многочисленные и мощные этрусские города.

В Спину товары стекались едва ли не со всех концов тогдашнего мира: с Балтийского моря доставляли столь высокоценовый древними народами янтарь, с Востока -- античные вазы, ткани, домашнюю утварь, оливковое масло, египетское дерево, благовония. Тесными узлами была связана Спина с Афинами; утверждают, что и основали Спину выходцы из Греции. Через Спину вывозила Этрурия и вино, и хлеб, и свои знаменитые железные и бронзовые изделия.

В древности порт был расположен в трех километрах от моря, с которым его соединял канал.

Так было в V--IV веках до нашей эры. А потом город постепенно стал угасать. Песчаные наносы и отложения ила заставили отступить море. В I веке нашей эры деревушка, расположенная на месте Спины (сам город давно исчез, затонувший болотами, занесенный илом и водой), находилась примерно в восемнадцати километрах от моря.

16. Века сменялись веками, и там, где некогда бороздили море груженные ценными товарами суда, все больше становилось болот. А затем тут образовалось лагунное озеро Валлиди-Комакьо. Дельта По тоже не раз за эти столетия меняла свой рельеф.

...Мокрая серая пустыня: грязь, болотные озерца воды, кое-где заросли тростника, низкие редкие кустики, низкое, даже в солнечную погоду мутное от вечных испарений небо, стелющийся по-над болотами туман -- так выглядит ныне долина Комакьо, в которой погребен древнейший этрусский порт. Надо ли говорить, с каким вожделением уже давно взирали на эти места ученые!

Подумать только: здесь должны находиться своего рода этрусские Помпеи!

Но эти Помпеи надо было найти. А поди узнай, где находится Спина, ведь тут менялось все: и конфигурация берега моря, и русло По, и зеркало воды озера Комакьо, и даже высота здешних мест (когда-то часть этой местности поднималась над водами лагуны). Сейчас вся долина ниже уровня моря.

И никаких или почти никаких ориентиров! Мало кто из ученых верил, что удастся когда-нибудь разыскать Спину. И если этот древний, дорийский город нашли, то наука обязана этим начинателем здесь еще в двадцатых годах нашего века осушительным работам и упорству, трудолюбию и высоким знаниям итальянского исследователя Нерео Альфиери. И новой технике, ибо без новейших приемов исследования, без смелого экспериментирования с новыми техническими средствами вряд ли удалось бы достигнуть успеха.

17. Греко-этрusco-этрusco-этрusco некрополь был здесь случайно найден во время рытья

сточных каналов и осушения болот в 1922 году. Можно было предположить, что неподалеку находится и сам город. Вплоть до 1935 года велись здесь поиски. Было обнаружено более тысячи захоронений. А вот города не нашли!

Работа по розыску Спины возобновилась лишь в 1953 году. Сначала в соседней долине нашли еще одно кладбище. А два года спустя в этом районе был осушен участок болота, примерно тот, где, по расчетам Альфиери, должен был скрываться под зеркалом воды затаенный илом и тиной город. Впрочем, когда отступила вода и показалась мокрая земля, ничто вначале не подтверждало эту догадку. Грязь, кое-где начавшая просыхать, и ничего больше.

Но рано было отчаиваться. Еще целый год участок оставался голым. Весной 1959 года он, однако, зазеленел. Это упрощало дело. Почему? Потому что теперь можно было прибегнуть к методу, который уже оправдал себя в других местах, -- к аэрофотосъемке. Местность была сфотографирована с высоты 3600 метров. Альфиери помчался в Равенну, где должны были проявить пленку.

Менее одержимый и менее уверенный в своей правоте человек, быть может, даже и не обратил бы особого внимания на какие-то пятнышки, смутно видимые на отпечатках. Но только не Альфиери. Он тут же договорился с профессором Вальвассори (бывшим военным летчиком и искусным фотографом) и попросил его сделать новую серию снимков, на этот раз с различной высоты, при различном освещении, с разных ракурсов и на разных пленках. Вот тут-то и появились на свет изображение города площадью примерно тридцать--пятьдесят гектаров и следы канала шириной восемнадцать метров.

Первые же раскопки дали отличнейшие результаты. Были найдены фундаменты построек, глиняные сосуды, вазы, относящиеся к V веку до нашей эры. Хуже обстояло дело с изделиями из металлов. Они почти все оказались деформированными до неузнаваемости -- коррозия! И не только железные, но и бронзовые тоже. Одновременно с раскопками в Спине шли и раскопки в ее некрополе. Там тоже работе мешали вода и ил. И ведра на палках играли не меньшую роль, чем лопаты, и каждый метр земли приходилось брать с боем.

В 1955--1958 годах Нерео Альфиери вскрыл в Комакьо две тысячи могил. Сейчас их число дошло уже до восьми тысяч.

...Тонкий слой осушенной влаги или жидкой грязи. Потом слой с многочисленными морскими ракушками и перегнившими водорослями. Далее глина и песок.

В песках, на дюнах, окружавших в старину лагуну, находились могилы.

Тысячи и тысячи ваз, в основном греческих, разыскали в некрополях исследователи. Расписных, ярких, драгоценных. Целый каталог творений греческих горшечников и вазописцев с V до середины IV века до нашей эры.

Едва ли не весь греческий Олимп представлен здесь, весь сонм богов. И деяния гомеровских героев, и огромное число всяких других персонажей: атлетов, куртизанок, живые и бытовые сценки -- комические, трагические, эпические.

Удивляться нечему -- это золотой век греческой керамики. И одновременно время величия и расцвета Спины.

Но все же почему здесь так много привозных сосудов? Мода? Не без того, вероятно. Но к тому же, очевидно, проще было в обмен на свои товары привозить керамику (и действительно отличную!) морем из Аттики, чем доставлять ее на спинах ослов по плохим горным дорогам из Тосканы. Впрочем, этрусские вазы тоже встречаются, но в основном небольшие. Их, очевидно, легче было доставлять, чем громоздкие.

Наиболее древние захоронения в Спине относятся к 500 году до нашей эры.

А самые поздние? Примерно к III веку до нашей эры. Это время гибели Спины.

...Когда глядишь на болотную жижу, на лагуну без конца и без края, даже трудно себе представить, что некогда тут находились дома, что барки и корабли поднимались по каналам в город, что тут кипела жизнь.

Нашествие варварских племен лишило Спину тыла. Некоторое время она все же продолжала благоденствовать, но недолго. Рвутся связи с Афинами: столица Аттики втянулась в войны со Спартой. Меняется обстановка в других странах.

Уходило все дальше море.

КОРОЛЕВСКИЙ ФРЕГАТ "ВАЗА"

1. Еще многое было впереди, в том числе и вторжение шведского короля Густава II Адольфа в Германию, где он с присущей ему изворотливостью объявит

себя не завоевателем (упаси бог!), а всего лишь защитником обиженных императором немецких протестантов. Еще предстояло крушение планов Валленштейна, командовавшего императорскими войсками. Еще погибнет он от руки заговорщиков. Все это, так же как и смерть Густава II Адольфа, убитого немецкими кирасирами, случится позднее. А тогда еще шел только девятый год Тридцатилетней войны, и было ясно: датчане терпят поражение, а Валленштейн явно намеревается вести свои войска к побережью Балтики. Он это сделает и получит звание генерал-фельдмаршала, станет герцогом Фридрихским и даже "адмиралом Немецкого и Балтийского морей".

Но еще до того, как Валленштейн, сокрушая датчан, попытается овладеть портовыми городами Балтики, шведский король во всеуслышание заявит, что это "море было и будет шведским озером". И добавит: "Благодеяние нашего королевства находится в руке божьей. Бесспорно, однако, что оно зависит от силы и мощи нашего флота".

...На верфях Швеции закипела работа. Собственно, они и раньше-то не пустовали. Теперь все это приобрело более обширные масштабы.

2. Да, король с энергией взялся за создание большого флота. Он даже попытался ввести новые методы: поручал строить корабли частным подрядчикам, правда, сооружались корабли в королевских доках. Последние в начале века перенесли со старого места, рядом с королевским дворцом, немного подальше, на небольшой островок Блазихольмен.

Эксперимент с частными подрядчиками, очевидно, оказался не слишком удачным, во всяком случае в 1628 году от новой системы отказались.

Одним из последних кораблей, построенных по этой системе, был флагманский фрегат "Ваза".

Вазой именовался род короля. Корабль вместе с еще тремя другими было поручено построить датчанину Гибертсону. Речь шла о кораблях, которые -- так пожелал король -- должны были быть самыми мощными и быстроходными в мире. Король же одобрил представленные планы и модель "Вазы".

Фрегат спустили на воду в 1627 году. Весной следующего года его пришвартовали немного ниже королевского дворца. Здесь на него погрузили балласт, оснастили, вооружили.

Корабль действительно вроде бы удался на славу: величественный, высокий, импозантный -- от киля до грот-мачты длина его составляла 180 футов, трехпалубный, он выглядел очень эффектно и, несомненно, представлял собой громадную силу.

3. Всего на "Вазе" насчитывалось шестьдесят четыре пушки. Из них сорок восемь тяжелых, двадцатичетырехфунтовых, восемь двухфунтовых, две однофунтовых и шесть мортир.

Пушки были бронзовые и все вместе весили примерно восемьдесят тонн.

Численность экипажа и морских пехотинцев точно неизвестна, но для корабля такого класса и такого водоизмещения, по существовавшим в то время нормам, она должна была составлять примерно 130 моряков и 300 солдат.

Некоторых из них мы знаем по именам:

капитан -- Северин Хансон; лейтенант -- Петер Гирдсон; главный пушкарь -- Джоен Ларсон; мастер по парусам -- Джеран Матсон; главный боцман -- Пер Бертильсон; флаг-офицер -- Эрик Джексон.

4. В воскресенье 10 августа 1628 года "Ваза" -- на нее уже был погружен четырехмесячный запас продовольствия, в том числе 1200 бочек с пивом, -- должна была совершить свое первое плавание на один из островков Стокгольмского архипелага. Здесь, согласно королевской инструкции, фрегат должен был ожидать "дня и часа, которые мы сочтем нужным, для того, чтобы поднять паруса и отправиться туда, куда мы сочтем необходимым".

...В Большом Стокгольмском соборе как раз закончилась вечерня. Три часа пополудни уже миновало, но четыре еще не наступило. На "Вазе" все было готово к отплытию. Помимо команды и солдат на нем находилось некоторое число женщин и детей: им разрешили прокатиться на корабле. Небо было голубым, безоблачным, погода теплой, необычно теплой.

Корабль прошел всего несколько сот ярдов, когда внезапно налетел невесть откуда взявшийся шквальный ветер. Флагман накренился так, что вода хлынула в нижние пушечные люки.

Выровняться он так и не сумел. Крен все увеличивался. С шумом и плеском судно стало уходить под воду. Все это произошло очень быстро.

В одном из документов того времени сказано: "Судно затонуло буквально в

течение нескольких минут с парусами, флагами и всем тем, что было на борту".

Утонуло примерно пятьдесят человек.

5. Все члены команды, которым посчастливилось остаться в живых, равно как и все те, кто конструировал и строил "Вазу", за исключением Гибертсона, который к тому времени умер, были арестованы и подвергнуты обстоятельному допросу. Заседание суда длилось несколько недель.

Материалы следствия частично сохранились. Капитана Северина Хансона среди прочего спросили, хорошо ли, по правилам ли были установлены и закреплены пушки. Капитан принес клятву, что все было сделано, как полагается, и добавил: "Пусть меня изрубят на тысячу кусков, если хотя бы одна пушка не была закреплена самым тщательным образом".

Главный боцман Пер Бертильсон поклялся, что, слава богу, он был трезв как стеклышко и может с чистой совестью засвидетельствовать: паруса, канаты, вся оснастка в целом находились в полном порядке.

Один из корабелов, Хайн Якобсон, родом из Голландии, когда его спросили, почему он построил корабль таким узким, ответил: все пропорции утвердил король.

Суд так и не пришел к какому-либо заключению. Причина гибели судна не была названа. Никто не понес наказания.

Заметим, что в те давние времена при постройке кораблей не пользовались детальными чертежами, как, скажем, теперь. Указывалось назначение корабля, давались общие размеры, перечислялись материалы. Остальное предоставляли строителям, их опыту, их знаниям. Иногда -- но отнюдь не всегда -- предварительно сооружали модель. Теоретические выкладки, должествовавшие обеспечить устойчивость корабля, появились позднее, в XVIII веке.

Сохранилось немало сведений о кораблях, затонувших в XVI и XVII веках в закрытых гаванях из-за того, что вода попала в нижние отверстия для пушек. В особенности в этом смысле не везло крупным кораблям. "Мари-Роз" уже выходила из Портсмутской гавани, когда внезапно перевернулась, имея 700 человек на борту. В той же Портсмутской гавани затонул в 1782 году другой крупный военный корабль -- "Ройял-Джордж". На борту находилось 900 человек.

6. Почему же все-таки затонул и так мгновенно "Ваза"? Мы упоминали уже о том, что даже специальный трибунал не сумел ничего установить с достаточной степенью определенности.

Специалисты допускают следующие возможности:

- а) порочная или ошибочная конструкция,
- б) на корабле был неправильно размещен груз,
- в) не исключено и то, что судном просто плохо управляли.

Но никаких мало-мальски заслуживающих внимания свидетельств о некомпетентных действиях экипажа или офицеров нет. Наоборот, все вроде бы говорит об одном: все шло нормально, никаких срывов не было.

Что касается самого корабля, то строили его, насколько можно судить, без каких-либо особых новшеств. Никаких отклонений тут как будто тоже не было.

Может быть, все-таки действительно неравномерно распределили груз, балласт и пушки? Не следует также забывать о невесте откуда взявшемся шквальном ветре: возможно, дело заключается в том, что не подготовленной к такому напору ветра оказалась оснастка?

...Он затонул в Стокгольмской гавани, так и не успев отправиться в шхеры, где должен был возглавить резервную эскадру. По плану короля эта вспомогательная эскадра должна была в случае необходимости оказать немедленную помощь тем его кораблям, что блокировали Данциг и другие гавани на Прибалтийском побережье.

Война продолжалась. И борьба в ней велась не только за господство на Балтийском море. На карту было поставлено будущее Европы.

7. Нельзя сказать, чтобы о затонувшем корабле так уж сразу забыли. Помнили. В особенности охотники за сокровищами, которых и тогда насчитывалось немало. Но как будто не слишком удачными оказались их попытки. Удивляться тому не приходится. Еще достаточно несовершенными были "орудия производства", так, по старинке работали.

Удивляться следует другому: тому, например, что английский инженер Ян Бульмер умудрился на тридцатидвухметровой глубине посадить судно на киль, чем, кстати сказать, сам того не ведая, оказал важную услугу людям XX века.

Успешными оказались и работы (собственно, они сводились к тому, чтобы

снять с судна, точнее, с палубы судна все, что сулило какую-то выгоду), проведенные инженером Гансом фон Трейлебенем совместно с Андреасом Пеккелем. В 1664 году они подняли со дна большинство бронзовых, украшенных резьбой тяжелых пушек с "Вазы", многие в тонну или две весом.

Некий итальянский священник и исследователь Франческо Негри в своей книге, вышедшей в Падуе в 1700 году (он сам побывал в Стокгольме и видел ныряльщиков, спускавшихся к "Вазе"), рассказывает о том, как это происходило.

По его словам, ныряльщики облачались в водонепроницаемые эластичные кожаные костюмы. Колокол изготавливался из свинца. Он был высотой четыре фута и два дюйма. На расстоянии двадцати дюймов от кромки колокола находилась квадратная платформа из свинца, прикрепленная к колоколу цепями. Именно на нее становился при погружении ныряльщик, вооруженный шестифутовым багром и крюками.

На дне водолаз пребывал не более четверти часа. Необходимые сигналы он подавал, дергая за веревку, привязанную к колоколу.

По мере того как колокол погружался, вода поднималась, но она никогда не заполняла колокол полностью: под давлением воды в его верхней части всегда оставался воздух. Именно это и было необходимо водолазам.

Опасность заключалась в том, чтобы при опускании на дно колокол не накренился -- уйдет воздух, именно поэтому колокол делали из свинца.

...Трейлебену и его компаньону в конце концов изменило счастье. Проработав два года подряд впустую, они прекратили поиски.

8. Прошло триста с лишним лет. Закончилась очередная опустошительная и несправедливая война, в нее оказались втянутыми чуть ли не вся Европа, Соединенные Штаты, Австралия, Япония, Канада и множество других государств. Она вошла в историю под именем первой мировой войны.

Швеция в войне не участвовала, Швеция с 1815 года придерживалась нейтралитета. Именно поэтому в 1920 году она жила более или менее благополучно. И если те или иные жители Стокгольма и сидели с удочками возле моря, то главным образом ради собственного удовольствия: моцион, спорт.

Не то у рыбаков. Для них рыба -- это нелегкий труд. Это "хлеб наш насущный даждь нам днесь", это соленый пот и соленая волна, это источник пропитания. И потому, когда летом 1920 года некий рыбак убедился, что его якорь словно прирос ко дну, он, естественно, не очень обрадовался.

К счастью, неподалеку находился спасательный катер и один из ныряльщиков согласился за бутылку водки высвободить якорь.

С этого, собственно, все и началось. Выяснилось, что внизу остатки какого-то корабля и даже бронзовые пушки.

Происходило то, о чем мы рассказываем, возле островка Ландсорт, что в начале Стокгольмского архипелага. Стали доискиваться, что это могло быть за судно. И тогда вспомнили, что в 1628 году здесь сентябрьской ночью наткнулся на подводную скалу фрегат "Рихсникельн".

Пушки с "Рихсникельна" оказались немецкими, польскими и шведскими. Попали они после того, как их очистили, в Национальный морской музей в Стокгольме.

В общем все были довольны: моряк, который мог теперь безбоязненно опускать якорь в облюбованном месте; водолаз, получивший обещанную бутылку; музейные работники, заполучившие пушки начала XVII века, да еще из трех стран сразу.

И вот тут-то вспомнили о "Вазе". Пушки, правда, с нее в основном сняли давно. Но ведь не худо было разыскать само судно или хотя бы его остатки. Очень много интересных вещей можно, если повезет, разыскать на старом корабле. Если его не разметало в щепы, конечно, если оно, паче чаяния, как-то сохранилось.

Судя по тому, что писал Трейлебен, "Вазу" еще в его время начало заносить илом. Но может быть, это способствовало консервации судна?

Работы было начались (следовало прежде всего разыскать место, где потерпел крушение "Ваза"), но доведены до конца не были. Требовалось много денег, а будет ли толк -- неизвестно. Все-таки столько лет прошло. Может, кроме нескольких пушек да гнилых досок ничего и не добудешь? Стоит ли заниматься этим?

Все же кое-какие документы, относящиеся к гибели "Вазы", разыскали. И эти документы впоследствии сыграют свою роль, в особенности когда за дело

возьмется Андерс Францен, сын архивариуса и сам по призванию ученый.

9. С юношеских лет увлекается Андерс Францен подводной археологией, проводит все свободное время в архивах, собирая сведения о затонувших на Балтике шведских военных фрегатах XVI и XVII веков. Ему хочется поднять такой фрегат.

Затея Францена вызывает улыбки. Находятся и такие, кто без обиняков говорит ему: "Несерьезно. Расстаньтесь со своей мечтой. Ничего путного не получится".

Но Францен -- человек упорный.

На одном из первых мест в его списке "Ваза".

К 1953 году Францен, как он сам потом расскажет, собрал вполне достаточную информацию. Можно было приступать к поискам.

Трудно сказать, вспоминал ли он в ту пору слова французского исследователя морских глубин и писателя Филиппа Диоле о том, что "затонувший корабль -- это целый мир, давно ушедший в небытие, это кусок застывшей жизни. На небольшом пространстве здесь собрано, сконцентрировано все, чем богата та или иная эпоха". Но впоследствии он поставит эти слова эпиграфом к изданному им фотоальбому.

В 1953 году до фотоальбома было еще далеко. Нужно было сначала разыскать "Вазу". Разыскать, ибо ни одна живая душа не знала, да и не могла знать, где же именно затонул корабль. Долгое время Францену не удавалось найти никаких данных в архивах, кроме самых общих упоминаний, что-де затонул корабль, едва отойдя от берега.

Представьте же себе радость исследователя, когда ему в руки попало датированное 12 августа 1628 года официальное донесение шведского парламента королю о происшествии с "Вазой", в коем упоминалось, что корабль затонул у Бекхолемзуддена и находится на глубине тридцати с лишком метров!

Это было уже кое-что.

10. С помощью тралов и щупа собственной конструкции Андерс Францен на своей моторной лодке принимает, придерживаясь заданных квадратов, за обследование дна Стокгольмской бухты.

Немало потешались портовые острословы над упорным инженером, вылавливавшим всякую рухлядь (банки, склянки, сломанные кровати, ржавые велосипеды -- чего там только не было!).

Францена это не обескураживает.

Проходит одно лето. Второе. Третье.

В августе 1956 года примелькавшийся уже портовикам молодой человек в очередной раз курсирует на своей моторке по заливу. Время от времени он, словно заправский рыбовод, забрасывает в море длинную леску с крючком на конце.

И уже собирается возвращаться домой -- опять тщетны его поиски, -- когда внезапно леска приходит назад с кусочком дерева. Это кусочек дубовой доски или, может быть, дубовой обшивки и явно давнего происхождения.

Неужели удалось разыскать место гибели "Вазы"?

Похоже, что так.

11. Это, однако, надо доказать. А доказать можно только одним путем: нужно разыскать судно.

Не известно, чем бы окончилось дело, если бы среди друзей Францена не было Пэра Эдвина Фальтинга.

Он, бесспорно, лучший водолаз Швеции.

4 сентября все того же 1956 года Фельтинг начинает спуск под воду. Все идет нормально. На дне он чуть ли не по грудь опускается в ил. "Ничего не вижу, -- сообщает он по телефону, -- кругом ил".

Все же в кромешной темноте он понемногу начинает продвигаться вперед и вскоре нащупывает какую-то деревянную стену. Борт корабля? Весьма похоже.

Проходит еще некоторое время, и становится совершенно ясно: корабль. Старый деревянный парусник с двумя батарейными палубами, с фок-мачтой, с люками для пушек, с оставшимися кое-где пушками.

Сомнений нет, это действительно "Ваза".

Теперь пора подумать и об организации экспедиции: нужны понтоны, снаряжение для глубоководных исследований, тросы, лебедки -- много чего нужно.

Но прежде всего нужны деньги.

По примерным подсчетам, подъем "Вазы" со дна морского (а именно этого

добивается Францен) обойдется в десять миллионов крон. Изрядная сумма. И хотя речь идет о действительно интересной работе, в какой-то степени даже патриотической, министерство финансов Швеции отказывается предоставить такие деньги: предприятие, по мнению многих экспертов, является более чем сомнительным.

Докажите, говорят Францену, что есть хоть какие-то шансы поднять в целостности и сохранности на поверхность это увязшее на тридцатитрехметровой глубине в иле судно, что его можно хотя бы вытащить из ила и подтащить до того места, где глубина вдвое меньше, -- все легче будет его оттуда поднимать.

12. И все же это было чертовски заманчиво! Подумать только, корабль XVII века посреди Стокгольмской гавани! Неужели так и оставить этот единственный в своем роде корабль на дне? При том благоприятном для подъема стечении обстоятельств, что затонул он в закрытой тихой бухте, в которой не приходилось опасаться таких штормов и ветров, как в далеких просторах суровой Балтики.

Ни течения, ни черви не нанесли ему, насколько можно было судить, никакого вреда. Балтика вообще обладает удивительной особенностью. В ее водах не водятся в силу разных причин эти "морские термиты", и потому тут, как правило, хорошо сохраняются деревянные части кораблей.

Эти и многие иные аргументы приводили сторонники Францена. Даже в газетах стали писать, что "Ваза" представляет огромный интерес не только для моряков, что судно пополнит наши сведения о культуре Швеции XVII века и ее промышленном производстве, что с любой точки зрения необходимо сделать все возможное, дабы поднять уникальный военный корабль.

13. Весной 1957 года был создан Временный комитет, объявивший, что он ставит своей целью осуществить подъем "Вазы". Идея становилась все популярнее. Заявила, что примет участие в задуманном предприятии, компания по спасению имущества на воде: поможет поднять судно, если шведские подводники подготовят его к подъему. Объявили о сборе денег. На соответствующий банковский счет мог переслать деньги любой желающий... Предприимчивый владелец пивных заводов даже пиво выпустил новой марки -- "Ваза".

Францену и Фельтингу удалось договориться с начальником морского училища о том, что группа учащихся -- водолазов и аквалангистов -- в порядке учебной тренировки примет участие в работах по подъему судна.

В основном, однако, пришлось потрудиться водолазам.

"Подводные легкие", освободив человека от громоздкого скафандра, от пут воздушных шлангов, открыли перед ним широкие горизонты для подводного плавания и подводных исследований.

Это было великое открытие.

Здесь, однако, самое время заметить, что акваланги вовсе не вытеснили, да и не могли вытеснить старое, добротное, верное водолазное снаряжение. Тяжелые и легкие водолазные костюмы не исчезли. Там, где нужно уйти на изрядную глубину и провести какие-либо ограниченные в пространстве долговременные работы, ну, допустим, подвести под увязшие в иле остатки корабля стальные тросы или провести другие какие-либо трудоемкие работы, без водолазов не обойтись.

В Стокгольме был именно такой случай. Прежде всего -- так решили специалисты -- необходимо было проделать шесть ходов в иле, под днищем корабля. Ходы были нужны для того, чтобы подвести стальные тросы, которые должны были опоясать затонувший фрегат.

...Они уходили под воду в скафандрах, в обуви со свинцовыми подошвами, в круглых металлических шлемах со стеклом хорошего обзора. Системы подачи воздуха, электроподогревательная система, телефонная связь, спасательный конец, переговорные устройства -- все это, равно как и герметичность костюмов, проверялось самым тщательным образом. За поясом у водолазов были ножи, в правой руке они держали брандспойты: мощная водяная струя прорубала дорогу в слежавшемся иле для толстых стальных тросов. Одновременно велись подготовительные работы и на самом корабле. Фок-мачта стояла невредимой, такой же, как и за триста тридцать лет до этого. Ее решили снять, поскольку она представляла опасность для водолазов. На верхушке мачты находилась деревянная скульптура, ее сбили, и она так и пропала.

14. Но это был едва ли не единственный случай. Очень бережно и

внимательно доставляли с затонувшего фрегата все мало-мальски ценное, очень внимательно. В общей сложности на поверхность еще до того, как подняли само судно, водолазы доставили более семисот предметов! Среди них следует в первую очередь назвать интереснейшую деревянную скульптуру льва с оскаленной пастью, с мощной гривой, готового к прыжку. Фигура эта, сделанная во весь рост, находилась на носу. Резная, очень красивая, она символизировала силу, удачу, мощь и была достаточно увесиста -- две тонны. На ней сохранилась позолота!

В передней части корабля находилось много скульптур с изображением различных римских императоров, в том числе -- так свидетельствует надпись, сделанная на небольшом постаменте, -- и императора Тиберия, которого некогда назначил своим преемником знаменитый Август Октавиан. Он закутался в мантию, на голове у Тиберия лавровый венок. В левой руке он держит книгу и яблоко, символизирующие знание, правой некогда, вероятно, он сжимал копьё.

...Геркулес в классической мифологии олицетворял силу. Таким он и изображен на найденной скульптуре -- после свершения одного из своих подвигов. Широкоплечий, с великолепным торсом борца, с крепкими мускулистыми ногами, веселый, бородатый, шествует он торжествуя: на плече держит дубинку, на левую руку намотана шкура убитого им льва.

Античность, видно, основательно властвовала над умами. Боги, герои и древние правители освящали своей персоной шведский фрегат XVII века и, вероятно, должны были охранять его.

Нашлась и деревянная статуя кюноши-рыцаря, в доспехах, с поножами, в роскошной каске, напоминавшей каску, в коей иногда изображали богиню войны Афину. И это была отнюдь не единственная подобная скульптура. Солдаты, слуги, воины -- целая галерея предстала перед водолазами на корме фрегата. Там же в целостности и сохранности ныряльщики обнаружили шведский герб, который держат в лапах два сидящих льва.

Любопытно, что пушечные люки были разукрашены изображением львиных голов: пусть знает враг, с кем дело имеет.

И снова какие-то причудливые лики, напоминающие демонов или олицетворяющие какие-то страсти. Видно, нужны были и такие изображения суеверным морякам, стремившимся любым путем отвести бесчисленные беды, подстерегающие корабль в плавании, и, разумеется, отвести эти беды и от себя. Чем-то языческим веет от этих фигур: некоторые из них даже в какой-то мере реалистичны, но есть и чисто гротескные, вакханальные персонажи, напоминающие рубенсовских сатиров. Есть и изображения морских богов.

Подняли водолазы несколько оставшихся, отделанных резьбой бронзовых пушек. Одну из них даже в 1961 году доставили на всемирную выставку в Сиэтле, водрузили на лафет и произвели два выстрела. И на этой пушке, и на остальных прекрасно видны инициалы Густава II Адольфа, короля Швеции.

...Сапоги кожаные и не сказать, чтобы очень уж новые, видно, хозяин не успел их починить, широкополые фетровые шляпы, холщовые и шерстяные вязаные штаны, шерстяные жилеты, куртки с широким вырезом и длинными рукавами, холщовые рубашки, матерчатые чулки -- в XVII веке не слишком строго придерживались единой формы, важно было только, чтобы владелец чувствовал себя в ней удобно при работе и чтобы она предохраняла его от брызг и холода.

Нашлось много монет, по преимуществу медных, достоинством в одно эре, отчеканенных в Далекарлии, в Центральной Швеции. В медных копиях Далекарлии добывалось в ту пору меди больше, чем в любых других медных копиях мира. За двадцать четыре эре можно было купить овцу или барана. Курица стоила шесть эре.

Некоторые монеты были необычной формы -- прямоугольные, иногда квадратные -- и назывались клиппингами.

...В ту пору рудные богатства, а также безграничные запасы топлива, которыми располагала Швеция благодаря своим лесам, создали новые возможности для развития экономики. И значительную помощь в реализации меди на рынке, центром которого был Амстердам, шведское правительство получало от Голландии.

До трех с половиной тысяч нидерландских кораблей проходило в год через Зунд! Более ста тысяч ластов (ласт -- это 24 бочки, без малого 2000 килограммов) хлеба вывезли голландцы из Прибалтики в одном только 1618 году. И немало шведской меди доставили в Испанию.

Нужны были и лен, и пенька, и кожа, и мачтовый лес, и канаты, и железо

(оно было первым экспортным товаром Швеции), и многое другое -- великие географические открытия в короткий срок беспредельно раздвинули тесные рамки средневекового мира.

15. Не перечислить всю утварь, орудия, оружия, все предметы, найденные на "Вазе". Стояли тут некогда бочки и ящики со смолой и ворвань, с гвоздями, болтами, шурупами, льняное масло, кокосовое волокно, парусина, запасные канаты. Над килем лежали служившие одновременно и балластом свинцовые пластины, их в случае необходимости накладывали изнутри на обшивку для защиты корпуса корабля.

Порох хранился в задней части трюма, там находились и снаряды -- каменные и свинцовые пушечные ядра. Везли корабли и полное вооружение для мушкетеров. Нашлись лафеты от орудий и подставки для мушкетов, кувшины, бадьи, матросские сундучки и многое, многое другое.

Вовсе не все находки представляли собой музейные редкости, хотя и перекочевали в своем большинстве в музеи. Но резьба по дереву здесь действительно уникальна. Такого обилия и великолепия резьбы по дереву ученые, занимающиеся XVII веком, еще не видывали. Очень декоративны глиняные расписные тарелки. Заняты оловянные и деревянные пивные кружки высотой восемь и десять дюймов. Нашлись и глиняные сковородки, которые хоть сейчас на огонь, довольно удобной конструкции, с четырьмя небольшими ножками.

Но вот уж что оказалось действительно сенсационной находкой, так это бочонок со сливочным маслом. Неплохое было масло и в общем сохранилось неплохо, хотя за 330 лет пребывания в естественном холодильнике немного прогоркло.

Нашли водолазы и несколько скелетов -- некоторые на верхней палубе, другие в нижних помещениях. Их захоронят позднее, в 1963 году, на морском кладбище в Стокгольме.

16. Итак, мы говорили о том, что начиная с 1957 года водолазы принялись проделывать ходы для тросов. Дело продвигалось не очень споро, работали в основном летом, но все же в 1959 году "туннели" были готовы, и в августе два больших понтона занимают исходную позицию для подъема фрегата.

Судно лежит на глубине тридцать три метра и еще на пять метров ушло в ил. Последнему обстоятельству оно во многом обязано своей сохранностью.

С опасностью для жизни проделали водолазы проходы, с опасностью для жизни, ибо стоило, допустим, судну стронуться с места, и оно могло перерезать шланги, подающие воздух. Водолаз мог вообще оказаться погребенным под осевшим кораблем.

Но все заканчивается вполне благополучно: старый корабль в шести местах -- от носа до кормы -- опоясан шестидюймовыми стальными тросами.

"Пойдет или не пойдет?" -- вот вопрос, который волнует всех. Один понтон расположен слева от "Вазы", другой -- справа. Общее водоизмещение понтонов -- 2400 тонн. Их наполняют водой. Двенадцатью концами -- тросами, каждый с руку толщиной, соединены они с "Вазой".

...Пойдет или не пойдет?

20 августа из понтонов принимаются выкачивать воду. Проходит какое-то время, и они потихоньку начинают подниматься. К полудню водолазы сообщают, что судно удалось вытащить из ила и что оно целехонько. На тросах его подводят к заранее облюбованному месту, здесь глубина поменьше, и опускают на дно. Стальные путы поддерживают "Вазу". Затем, уже на следующий год, понтоны снова наполняют водой, кабель натягивается, из понтонов начинают выпускать воду, "Вазу" поднимают еще на метр, на два, на четыре. Эта процедура повторялась восемнадцать раз!

17. Но эпопея подъема еще только начинается. Долгие месяцы проведет "Ваза" на новом месте. С нее смывают и соскабливают грязь и ил, с нее снимают все, что только возможно: чем меньше вес, чем меньше посторонних предметов, тем легче будет судно выдерживать перегрузки при подъеме.

...Неподалеку от острова Кастельхольмен, на глубине восемнадцать метров, лежит судно, и оно еще не скоро будет поднято на поверхность. Необходимо его подготовить, и прежде всего самым тщательным образом задраить и заделать пушечные люки, законопатить все щели, сменить сгнившую обшивку, заделать течи -- короче, сделать судно водонепроницаемым. Одновременно укрепляют и верхние надстройки.

4 апреля 1961 года к тому месту, где находится "Ваза", подходят два понтона -- "Одден" и "Фригг", оба с подъемными кранами. Двойной

шестидюймовый трос, который опоясывал судно с 1959 года, заменяют одинарным, но двенадцатидюймовым, присоединенным к домкратам.

Проходит еще двенадцать дней. Наконец 24 апреля все готово к подъему.

Напряжение достигает своей наивысшей точки. Все, однако, проходит благополучно. К середине дня очертания поднимаемого корабля становятся видными, а потом верхушки двух отшлифованных водой резных деревянных кнехтов разрезают поверхность бухты.

Вскоре над морем появилась верхняя палуба "Вазы". Медленно и словно бы неохотно поднимался из морских глубин корпус корабля. В дополнение к основным понтонам пришлось добавить еще четыре небольших, под килем. Вот показалась верхняя пушечная палуба, вот уже можно установить на борту "Вазы" большие насосы.

Зрелище было необычное: оживающий корабль XVII века и тут же железные и резиновые понтоны, подъемные краны, насосы -- средства для подъема судов, применяющиеся в нашем высокотехническом веке.

4 мая судно можно было ввести в сухой док. Здесь находился большой бетонный понтон. Корабль плавно опустили на эту огромную подушку.

Он стоял теперь у всех на виду, во всей красе, величественный даже без мачт и парусов.

Надо было добиться того, чтобы дерево, столь долгое время пребывавшее под водой, не ссохлось, не съезжилось.

А солнце, как назло, пекло в то лето отнюдь не по-скандинавски. Чуть ли не весь июнь на небе ни облачка. Еще недавно для "Вазы" существовало какое-то установившееся равновесие среды: вода, ил, органические остатки образовали своеобразный защитный слой, в котором судно сохранялось. Теперь среда резко изменилась: воздух, солнце, свет.

День-деньской поливала корабль, не давая ему пересыхать, специальная дождевальная установка. Некоторые деревянные части покрывают в целях предохранения пластиком.

Довольно щедро используют ученые и полиэтиленгликоль. Эта воскообразная масса постепенно вытесняет воду из дерева, заполняя все поры, в результате дерево сохнет, не ссыхаясь и не давая трещин. Из всех испробованных методов этот оказался наиболее эффективным: деревянные части консервируются, не уменьшаясь в размерах и оставаясь целехонькими.

Следовало позаботиться и о том, чтобы на спасенном с таким трудом корабле не завелись ни грибки, ни древоточцы.

Да, было над чем поломать голову и химикам, и специалистам по реставрации, и археологам тоже. Вокруг "Вазы" воздвигли своего рода ангар: бетон, сталь, стекло, алюминий.

18. На восточном берегу острова Беккхольмен ныне вырос музей. Сюда отбуксировали "Вазу" в ее ангаре. На плавающем железобетонном понтоне -- сам корабль, он почти полностью реставрирован -- с надстройками, мачтами, парусами. В зале поддерживается соответствующая влажность и температура. За кораблем ведется тщательное наблюдение.

Так и кажется, что сейчас стронется он с места, сначала не спеша, потом почти стремглав, и попутный будет ему ветер.

Видный через стеклянные галереи всем посетителям, стоит он, и не верится, что еще совсем недавно он находился в многовековом водяном плену.

При музее есть лекционный зал, показывают там и фильм о том, как поднимали "Вазу", как реставрировали.

Есть и мастерские: корабль надо поддерживать в порядке, за этим следят ученые, хранители, рабочие.

Музей этот временный. Предполагается воздвигнуть другое, более монументальное здание.

Вероятно, так и будет. Но только и сейчас трудно сыскать в Стокгольме достопримечательность более знаменитую и привлекающую большее число посетителей.

А нет пока на всем земном шаре другого такого второго корабля, ибо знаменитая "Виктория", с которой Нельсон руководил действиями английского флота в битве при Трафальгаре (французы потерпели там оглушительное поражение), находящаяся в Портсмуте, на сто лет моложе "Вазы". И ее не поднимали со дна морского.

...Затонувший корабль -- это целый мир, где все -- от трюмного груза до гвоздя, скрепляющего обшивку, -- является неоценимым свидетельством далеких

Эпох.

+++Знаменитый Порт-Ройал

1. Предмет напоминал утиное яйцо. Поскольку он весь был облеплен кораллами, аквалангист не сразу сообразил, что это, вероятно, часы. Мужские карманные часы, потерявшие свою форму, с крышкой, словно припаявшейся к корпусу. Они пролежали на морском дне, быть может, с того злополучного дня, когда произошло несчастье, и вот теперь, спустя двести семьдесят три года, вновь оказались в руках человека. Не так-то просто было очистить их от кораллов, открыть. На все это потребовалось немало времени.

Роберту Марксу повезло: Стэн Джюйдж, добровольно помогавший ему в его изысканиях, не только славился как мастер на все руки, но и располагал набором самых различных инструментов, в том числе и для починки часов. Корпус часов был серебряный, на циферблате и на внутренней стороне крышки легко читалось имя часовщика: "Арон Гиббс, Лондон".

Год изготовления Гиббс не указал. Железные стрелки не сохранились. А вот цифры почти не стерлись.

В общем находка была великолепной. Но вот восстановить по следам от стрелок когда, в котором часу остановились часы, -- а подобный прецедент уже был -- на этот раз не удалось. Не помогли и рентгеновские лучи.

Существенного значения это в конечном счете не имело. Просто было интересно перепроверить время, которое ученые сумели прочесть на часах, найденных экспедицией Линка в 1959 году.

Они были не серебряные, а из сплава латуни и меди, поменьше размером и более круглые. В них тоже не оказалось стрелок. И все же рентгеновские лучи засвидетельствовали, что часы остановились в 11 часов 43 минуты.

Судя по сохранившимся сведениям, именно в это время и произошла катастрофа.

2. Утро 7 июня 1692 года выдалось в Порт-Ройале ясным и тихим. Небо было безоблачным и голубым, море спокойным, совершенно спокойным -- это потом подтвердили многие свидетели. Зеркальная гладь его была почти неподвижной. Лишь рыбацьи лодки нарушали время от времени этот покой, да, пожалуй, еще и акулы, молниеносно рассекавшие воды в поисках добычи. Как всегда, оживление царило возле барок, возвращавшихся со свежей водой, набранной в Медной реке (Рио-Кобре). Воздух был немного влажным, как, впрочем, на протяжении нескольких предшествующих дней. Первые месяцы года были жаркими и душными, а май принес дожди, и настолько сильные, что они нарушили нормальную жизнь города. В июне дожди прекратились, но отсутствие ветра мешало кораблям выйти из гавани, и это, разумеется, не улучшало настроения местных жителей.

И не удивительно.

Расположенный в самом центре Карибского моря, на пересечении торговых путей, оплот авантюристов и пиратов, коммерсантов и плантаторов, Порт-Ройал, находившийся на самой оконечности длинного песчаного мыса, существующего и поныне и образующего одну из сторон обширнейшей гавани (в ней, как уверяли современники, могло разместиться хоть полтысячи судов); знаменитый Порт-Ройал, слава о котором гремела и в Новом и в Старом Свете; грозный Порт-Ройал, чье имя заставляло бледнеть от ужаса и зеленеть от ненависти всю колониальную администрацию захваченных испанцами американских земель; разбойный, развратный, грешный "город- контрабандист", "город-вертеп", "пиратское гнездо", как его в сердцах именовали враги, он был самым тесным образом связан с морем, зависел от моря, был просто немыслим без моря.

Погода не только влияла на дела. Старожилы, да и не они одни, знали: именно в безветренные, тихие дни жди землетрясений. А землетрясения случались тут едва ли не каждый год. И хотя особенно сильных вроде бы не запомнилось, но радости от них было мало. Даже у видавших виды морских волков, привычных к бурям и штормам Атлантики, захватывало дух, когда земля начинала ходить под ногами.

...Где-то в конце мая заезжий астролог словно назвал предсказал, что вскоре случится землетрясение. Не побоялся такое сказать и, может быть, имел свой расчет: вот, мол, истины ради готов сообщить и плохие вести.

Астролог вскоре убрался восвояси, но слова его не забылись, да и как было им забыться, если всего лишь четыре года назад подземный толчок разрушил три дома и повредил изрядное число других. Но город продолжал жить

своей жизнью, такой же шумный, буйный, громогласный, как всегда, с королевскими складами, ломившимися от бесконечных заморских товаров: гвоздики, перца, камфоры, муската, шелка, хлопчатобумажных тканей, сандалового дерева, сахара; пил, гвоздей, молотков, зеркал, посуды; с арсеналом; с купеческими конторами и депо; с доками, где ремонтировали и оснащали корабли; с мастерскими гончаров и ювелиров, сапожников и портных, с тремя рынками -- мясным, овощным и рыбным; с игорными домами, в которых порой за одну ночь проигрывались целые состояния.

Восемь тысяч жителей насчитывалось в Порт-Ройале и две тысячи домов, включая глинобитные хижины и деревянные развалюхи. Но много было двух-, трех- и даже четырехэтажных каменных особняков. Были здесь и дворец губернатора, и две большие тюрьмы -- мужская и женская. И серо-коричневый собор св. Павла (местные власти давно уже собирались привезти для него из Англии большой колокол), и три массивных прибрежных форта: на северной стороне -- Карлайл, на северо-западной -- Джеймс и на юго-западной -- Чарлз.

3. ...Он проснулся как всегда рано, Порт-Ройал. Гася ночные фонари, успели совершить свой привычный обход фонарщики. Там и сям потянулся дым из печей -- повара принялись готовить для своих господ завтраки.

Внизу, возле порта, прямо на мостовой предлагали свою нехитрую снедь лоточники: жареную рыбу, устрицы, креветки, фрукты, овощи; расхаживали булочники с большими плоскими корзинами на голове.

На своих постах находились и дозорные в фортах. Согласно некоторым сведениям, недалеко от Ямайки появилась французская эскадра, а это означало, что в любой момент она могла оказаться под стенами Порт-Ройала. Вряд ли, конечно, французы отважились бы атаковать гавань, но следовало все же быть начеку.

Время шло, и вот уже, плотно позавтракав, отправились в свои склады и лавки купцы, а в учреждения -- чиновники колониальной администрации. Дети состоятельных родителей принялись за уроки: гувернеры и учителя обучали их счету и письму, в некоторых случаях даже латыни.

...Шумит под солнцем южный город, кого только не увидишь на его улицах: солдат, идущих строем по мостовой, матросов, успевших уже обойти с полдюжины кабаков, почтенных негоциантов, едущих по своим делам, чернокожих рабов, привезенных из далекой Африки... Слышна английская, испанская, французская, фламандская речь -- пиратская вольница, изъяснявшаяся на странной смеси этих языков, чувствовала здесь себя как дома. И упаси бог, если ей приходило в голову позабавиться. Выкатить на улицу бочку с вином и заставить всех прохожих пить под угрозой расправы до тех пор, пока не свалятся, было одной из самых невинных "шуточек" пиратов.

В порту стужались привезенные по морю товары, попавшие в Порт-Ройал нередко вопреки желанию и первоначальному намерению владельцев, а также и те, что были доставлены по суше: всю Ямайку превратили англичане в гигантскую плантацию, на которой сахар изрядно потеснил все другие тропические культуры.

В Кингсхаусе, резиденции губернатора, шло заседание совета по делам Ямайки, на котором присутствовал исполнявший обязанности губернатора Джон Уайт.

Время постепенно близилось к обеду, а за ним, как и полагалось, должна была последовать сиеста -- послеобеденное отдохновение от трудов, часок-другой дремоты в гамаках.

...Внезапно где-то около двенадцати часов дня последовали три сильнейших подземных толчка.

А затем настало царство хаоса.

4. Трудно сказать, когда на Ямайке впервые появились люди. Известно лишь, что Колумб нашел на острове довольно многочисленное население -- индейцев араваков. Откуда они приплыли, ученые спорят и по сию пору: одни доказывают, что из Флориды, другие уверяют, будто из Венесуэлы. И поныне неясно, населяли ли они песчаную косу, на которой впоследствии был выстроен Порт-Ройал. Но зато твердо известно, что араваки называли эту косу Кагуа. И есть основание считать, что если они и не селились на косе постоянно, то, вероятно, посещали ее часто: залив близ будущего Порт-Ропала и в последующие века славился рыбой и здесь во множестве водились устрицы и крабы.

В 1494 году во время своего второго путешествия Колумб обследовал

северное побережье острова. Затем он отправился в плавание вдоль южных берегов Кубы и вновь вернулся на Ямайку, бросив якорь в большой бухте милях в двадцати к западу от косы Кагуа. Араваки гостеприимно встретили неожиданных пришельцев. Испанские моряки получили вдоволь свежей воды и провизии и продолжили свой путь.

В последний раз Колумб побывал на Ямайке в 1503 году, во время четвертого путешествия в Новый Свет. Обстоятельства сложились так, что он провел здесь более года, прежде чем за ним и его спутниками пришли корабли с Эспаньолы -- нынешнего Гаити.

5. Испанские колонисты принялись обживать остров с 1509 года. Впрочем, первоначально их насчитывалось немного. Ямайка была удивительно живописна: "Самый красивый изо всех островов, которые я видел в Вест-Индиях", -- засвидетельствовал Колумб, но конкистадоров влекли другие страны. Мексика, Перу -- вот куда шел основной поток. На Ямайке, кроме плодородных земель, поживиться было нечем, а земли эти следовало обрабатывать. Превращенные в рабов араваки вымерли быстро. Пробовали ввозить рабов из Африки, из других мест. Спрос, однако, всегда превышал предложение, рабочих рук не хватало, и, следовательно, селиться здесь испанцы не видели особого резона.

И все же с годами население росло. К Новой Севилье (городу, возведенному по приказанию сына Христофора Колумба -- Диего Колумба) и двум другим маленьким городам -- одному на северном побережье, а другому на юго-западе -- в 1534 году присоединилась Вилла-де-ла-Вега, ставшая новой столицей. Не слишком величественно выглядела эта столица, она не шла ни в какое сравнение ни с Лимой, ни, скажем, с Картахеной -- городами на материке. В 1582 году в Вилла-де-ла-Вега обитало пятьсот человек -- вместе с детьми и невольниками. И было в столице четыре каменных здания: одна церковь, два монастыря и резиденция губернатора. Все остальные строения -- глинобитные хижины и деревянные дома.

6. Большие конвои, или, как их именовали испанцы, флоты, доставлявшие орудия, утварь, одежду из Европы и возвращавшиеся из Нового Света, груженные золотом и серебром, как правило, шли мимо Ямайки, и лишь изредка какой-нибудь отставший или отбившийся от эскадры корабль бросал якорь в Пуэрто-де-Кагуайя, маленьком порту в устье Медной реки, славившейся своей отменной ключевой водой. Корабли могли подходить здесь вплотную к песчаному берегу, и для погрузки и разгрузки не были нужны ни шлюпки, ни каноэ.

Тщетно пытались немногочисленные энтузиасты обратить внимание испанской короны на стратегическое значение Ямайки -- в самом центре Карибского моря, на ее возможности -- прекрасно произрастали тут сахарный тростник, бананы. Собственно говоря, в Мадриде это понимали. Но много земель захватила Испания, и все, что могло хотя бы на время отвлечь весьма негустые людские резервы и требовало каких-то дополнительных затрат, для Мадрида не существовало. "Золотой век" империи был уже позади. После разгрома Великой Армады приходилось думать лишь об одном: как бы удержать захваченное и мало-мальски "освоенное". Кстати говоря, чем дальше, тем труднее приходилось недавним полновластным хозяевам Нового Света.

...На Ямайке не было испанских войск, на северном побережье отсутствовали вообще какие-либо укрепления. На южном берегу незамысловатые частокол и земляной вал защищали Пуэрто-де-Кагуайя и вершину холма Гендерсон-хилл, находившегося у входа в гавань, напротив будущего Порт-Ройала: здесь круглые сутки несли службу дозорные, в их обязанность входило давать сигнал тревоги в случае приближения вражеских кораблей.

7. Да, все сложнее становилось с годами положение Испании. Иноземные корабли все чаще вторгались в воды, где некогда безраздельно господствовал испанский флот, иноземные державы захватывали опорные пункты на непосредственных подступах к Американскому континенту. Взгляните на карту: на юго-запад от Больших Антильских островов -- Кубы, Эспаньолы, находившихся в руках Испании, вы увидите целую россыпь небольших островов -- Малые Антильские. В своем большинстве они и в XVI веке, и в первой четверти XVII века входили в зону испанских владений. В 1623 году англичане захватили острова Сент-Киттс, годом позже -- Барбадос, в 1628 году -- Невис, еще четыре года спустя -- Монтсеррат. Голландцы утвердились на Кюрасао, осели на Подветренных островах, совсем рядом с венесуэльским побережьем. Теснить испанцев на главных морских дорогах принялись и французы: в 1648 году они овладели Гваделупой и Мартиникой.

Забегая немного вперед, заметим: у северных берегов Эспаньолы находится неприметный островок Тортуга. Вот на этом маленьком острове в конце 20-х годов XVII века обосновались буканьеры. В 1639 году они стали единственными владельцами острова.

Конечно, появление англичан, голландцев, французов у самых ворот Нового Света, в непосредственной близости от главных торговых путей, не устраивало Испанию. Но все ее попытки взять реванш и изгнать лихих конкурентов окончились неудачно. И было непонятно, как противодействовать дальнейшему нажиму соперников.

8. А он все усиливался. Едва только Оливер Кромвель в 1654 году нанес окончательное поражение сторонникам Карла I, он тут же приступает к реализации давно задуманного плана. По его мнению, интересы Британии (сиречь интересы английских купцов) требуют того, чтобы Англия усилила свои плацдармы в Вест-Индии. Следовательно (Кромвель -- человек действия), не худо бы нанести Испании новый удар и захватить, допустим, Большие Антильские острова или хотя бы один из них.

Кромвеля ничуть не смущает то обстоятельство, что в данный момент Англия находится в мире с Испанией. Какое значение имеет этот официальный мир, если всем, в том числе разумеется и испанцам, ведомо, что оба государства находятся в непримиримой вражде.

Но дабы соблюсти декорум, хитрый дипломат не преминет направить Испании ноту. В ней Кромвель, заранее зная, что испанская монархия, в чьих руках все еще находится чуть ли не вся Южная и Центральная Америка, не пойдет на такие "новшества", потребует свободы торговли с Новым Светом и свободы вероисповедания.

Испания, разумеется, отказывается. Но именно это и нужно Кромвелю. Теперь он может приступить к осуществлению своего "Западного плана".

В декабре 1654 года из главной базы английского флота Портсмута отправляется в далекий поход эскадра под командованием Уильяма Пенна, известного адмирала, и, в ту пору это была редкость, довольно образованного человека.

На кораблях около четырех тысяч морских пехотинцев. На острове Барбадос, куда эскадра прибывает в январе 1655 года, Пенн и командующий сухопутными силами Роберт Венейблз сумели усилить свое войско чуть ли не вдвое. Они завербовали в армию всех тех, кто пожелал освободиться от кабальных договоров, с помощью которых их завезли на этот остров. Еще тысячу двести человек удалось заполучить таким же способом на других, принадлежавших англичанам островах.

Объектом для нападения Пенн и Венейблз избирают Санто-Доминго, столицу и главный порт Эспаньолы. На дворе -- март месяц.

Специалисты впоследствии напишут, что в долгой истории английских колониальных войн этот поход оказался одним из самых неудачных. Моряки напутали с местом высадки, и пехоте пришлось пройти не шесть миль, как предполагалось по диспозиции, а более сорока, большей частью по пояс в болотной жиже. Испанцы успели подготовиться. Три дня штурмовали городские стены англичане и в конце концов вынуждены были отступить.

9. Вот тогда-то, сообразив, что не сносить им головы, если они возвратятся в Европу не солоно хлебавши, Пенн и Венейблз решили попробовать еще одну, "утешительную" кампанию. На сей раз была выбрана Ямайка.

...10 мая 1655 года, на рассвете, английская эскадра подошла к острову. Горстка испанцев, занимавшая форт в Пуэрто-де-Кагуайя, оказала лишь незначительное сопротивление, а затем те из них, кто остался в живых, сбежали в Вилла-де-ла-Вега. Днем позже англичане заняли и этот городок.

Военные действия продолжались. Северная часть острова, западные его земли и горная гряда в центре находились в руках испанцев. Англичане властвовали лишь на южной прибрежной полосе.

10. Именно в те годы и было положено начало Порт-Ройалу. Англичане мгновенно оценили и ключевое значение оконечности мыса Кагуайя, и то, что любое судно, намеревавшееся войти в гавань, должно проследовать непосредственно мимо него: чуть дальше от берега много рифов. Не последнюю роль в выборе сыграло и то обстоятельство, что здесь была прекрасная пресная вода.

Мыс теперь назывался на английский лад -- Кэгуэй. На обращенном к морю берегу англичане соорудили окруженный валом форт и установили несколько

десятков снятых с кораблей пушек. В 1657 году в Порт-Ройал из Вилла-де-ла-Веги перебралось и начальство: здесь оно могло чувствовать себя спокойнее от налетов испанских отрядов.

11. Вернуть потерянное испанцы так и не сумели. Не помогла война, объявленная Испанией Англии, не удалось осуществить высадку десанта с Кубы: у англичан было важное преимущество -- сильный флот. В 1658 году произошла решающая битва. Испанцы были разбиты наголову.

Ямайка стала английской. С 1661 по 1668 год английское население Ямайки возросло в шесть раз и стало насчитывать восемнадцать тысяч человек.

Кэгуэй переименовали в Порт-Роайл. Отстроенный теперь в камне форт получил в честь новоиспеченного короля новое имя: форт Чарлз, и именно в Порт-Ройале, а не в Вилла-де-ла-Вега, оставшейся официальной столицей, обосновался с 1661 года гражданский губернатор.

И тогда же примерно в Порт-Ройале во все большую силу стали входить и пираты. Остров Тортуга послужил им верным плацдармом. Сначала они захватили значительную часть Эспаньолы -- десятки пиратских селений насчитывались тут в укромных бухточках и прибрежных лесах, затем обосновались на острове Провидения, что находится возле берегов Центральной Америки, и на острове Невис, в северной части Малого Антильского архипелага. Они чувствовали себя так вольготно, вошли в такую силу (по примерным подсчетам, их насчитывалось двадцать -- тридцать тысяч человек), так укрепились на морских путях, ведущих из Карибского моря и Мексиканского залива, что порой прерывали всякое сообщение между Испанией и ее американскими колониями.

...В гавани Пуэрто-Бельо на галеоны грузилось перуанское золото и серебро, которое доставлялось по суше сначала в Номбре-де-Дьос. В Веракрусе или в Сан-Хуан-де-Улуа грузились мексиканские сокровища. Затем обе флотилии соединялись в Гаване, а оттуда через Багамский канал -- пролив, отделяющий Кубу от Багамских островов, -- проходили в Атлантический океан.

Вот в этом Багамском канале -- а в нем насчитывается великое множество всяких укромных островков -- и поджидали свои жертвы пираты.

Большую часть Золотого фонда составляли неповоротливые, громоздкие трехмачтовые "грузовики"; именно на них перевозилось золото. Таких кораблей насчитывалось обычно несколько десятков, и золота и серебра они везли много: тонну-полторы золота и пятнадцать -- двадцать тонн серебра.

Конечно, испанцы охраняли свои сокровища: по меньшей мере треть флотилии составляли могучие, хорошо вооруженные фрегаты. Но у пиратов были верткие многопушечные корабли, а уж по части всяческих засад и абордажных схваток мало кто мог с ними сравниться. К тому же в Карибском море часто случались неистовые штормы, и рассеянные ураганами корабли легко становились добычей разбойников.

Когда англичане вторглись на Ямайку, пираты получили еще одну базу: их пригласили туда. Английское правительство придерживалось старой как мир политики, суть которой сводилась к тому, что враги моих врагов -- мои друзья.

Они выступали по сути единым фронтом: джентльмены удачи и джентльмены, гревшие руки на колониальных захватах.

12. Город рос быстро. Это сюда приходили караваны английских купеческих кораблей, груженных утварью, орудиями, одеждой, посудой, стеклом, бумагой -- предметами, необходимыми всем, в том числе и жителям испанских колоний. И это сюда стекались серебряные испанские реалы, золотые эскудо, драгоценный жемчуг, полученные в обмен на товары, а то и просто награбленные флибустьерами. И роскошные ткани, и драгоценные камни. И церковная утварь. И рабы.

Любопытная деталь: многие морские разбойники заключали с английской короной своего рода соглашение, обязуясь отдавать десятую долю добычи. Получив соответствующее свидетельство, они считались уже не пиратами, а каперами. В чем разница? А каперское свидетельство давало "право" грабить испанские торговые корабли: двадцать фунтов в английскую королевскую казну, и, пожалуйста, привози награбленную добычу в Порт-Ройал.

Одним из самых знаменитых среди них и в то же время едва ли не самым жестоким и коварным был Генри Морган. Он родился в Уэллсе в семье зажиточного крестьянина, но еще юношей оставил отчий дом и отправился на поиски приключений. Они не заставили себя долго ждать. В Бристоле Морган нанялся на судно, пришедшее из Барбадоса. Это его вполне устраивало, ибо он

как раз и хотел попасть в те края. Несколько лет работал он на сахарной плантации и, быть может, там и погиб бы от изнурительного труда, болезней, как и десятки тысяч других, если бы не одно непредвиденное обстоятельство. Когда адмирал Пенн и генерал Венейблз вербовали в свою армию всех, кто пожелал освободиться от кабальных договоров и от рабства, он завербовался в отряд Венейблза: участвовал в штурме Санто-Доминго, в захвате Ямайки. В 1666 году он уже первый помощник Мансфельдта, голландца родом, в ту пору предводителя каперов Порт-Ройала. А еще через год (к тому времени Мансфельдт умер) Морган занимает его место.

...Один за другим последовали разбойные набеги на Пуэрто-Белью, на карибском побережье Панамы, куда, как мы уже упоминали, свозили перуанское золото и серебро (1668 год), на Маракайбо и Гибралтар (ныне в Венесуэле) -- здесь Моргану удалось вдобавок на обратном пути разгромить поджидавшую его испанскую эскадру (1669 год), на Панаму (1671 год)...

Тысячу двести человек провел Морган через гористый перешеек, огромное по тем временам войско, и, хотя у испанцев в Панаме был втрое больший гарнизон, победу одержали пираты. Они перебили в городе всех, кто им сопротивлялся, ограбили и сожгли его. А потом принялись рыскать по округе.

Из Пуэрто-Белью Морган вывез двести пятьдесят тысяч реалов, очистил все склады и прихватил триста негров-невольников. В Панаме добыча оказалась еще большей: семьсот пятьдесят тысяч реалов. Чтобы их увезти, понадобилось сто семьдесят пять мулов, целый караван.

Говорят, на обратном пути Морган закопал на одном из скалистых островов Карибского моря часть добычи, которую он якобы утаил от остальных участников набега. И действительно, известно, что, возвращаясь в Порт-Ройал, Морган отстал от остальной эскадры. Но закапывал ли он клад или не закапывал, а если закапывал, то свою ли "законную" долю или какую-нибудь иную, этого, разумеется, достоверно никто не знает. Следует заметить, однако, что очень не просто было бы ему и вообще кому угодно утаить часть добычи.

Однако и по сей день продают на Западе карты с изображением острова и того места, где якобы зарыт клад. И до сих пор эта легенда, нашедшая в какой-то степени свое отражение в знаменитом "Острове сокровищ" Стивенсона, держит в плену многих доверчивых искателей кладов.

...Испанский король довел до сведения Карла II, что в том случае, если виновные не понесут наказания (а с Испанией в то время не было войны), он начнет военные действия.

Пришлось сместить губернатора Ямайки, а Моргана доставить в Лондон в цепях.

Но судить его не судили, да и не собирались судить. Более того, Морган был посвящен в рыцари, а в 1674 году, когда немного уменьшилась напряженность в отношениях с Испанией, его снова отправили на Ямайку, на сей раз как ее вице-губернатора!

В 1682 году Морган ушел в отставку. Умер он в 1688 году. А четыре года спустя воды Карибского моря поглотили его могилу. Это случилось в памятное утро 7 июня 1692 года.

13. ...Один за одним последовали три сильнейших подземных толчка. Затем на город хлынули волны.

Предоставим слово очевидцу.

"Дома, которые еще минуту назад казались такими крепкими, даже самые высокие дома, были в одно мгновение поглощены разверзшейся землей. Они исчезли, они провалились, и можно было подумать, что они никогда тут не стояли. Никогда в жизни не слышал я, и не дай мне бог еще раз услышать такие вопли, такие стенания, и вряд ли может что-нибудь более ужасное предстать перед глазами человека, чем то, что предстало перед моими. В одном месте целая толпа людей, уносимых неистовыми волнами, в другом -- вздыбленная улица с рушащимися домами, в третьем -- колышущаяся набережная, на которую с плеском и шумом накатывалось море. Множество людей погибло, унесенное бешеными потоками воды, были и такие, кто, полузадохшийся, еле живой, сумел все-таки выбраться из этого водоворота: их попросту выбросило назад и кое-кому удалось зацепиться за трубы домов, за остатки кровли или стен! Были и такие, кого засыпало землей по плечи, и, страшно сказать, так и не сумев освободиться от земляного плена, они стали добычей бродячих собак.

Многим удалось спастись, пустившись вплавь, других подобрали лодки и корабли.

Несчастье коснулось даже мертвых: землетрясение разрушило городское кладбище".

Когда полчаса спустя вновь щедро засверкало солнце и безоблачно заголубели небеса, от территории Порт-Ройала осталось не более десяти акров. Сохранилась в лучшем случае лишь десятая часть городских зданий, в своем большинстве совершенно непригодных для жилья. Исчезли форт Карлайл и форт Джеймс, а также множество судов. По приблизительным данным, погиб каждый четвертый житель Порт-Ройала, в общей сложности не менее двух тысяч человек...

14. Десять лет назад, в ноябре 1965 года, по приглашению ямайских властей сюда приехал Роберт Маркс, один из молодых, но весьма опытных подводных археологов. Цель его приезда была проста: продолжить исследование затонувшего города. Продолжить, ибо за несколько лет до того здесь весьма любопытных результатов достигла экспедиция под руководством известного американского изобретателя (он, в частности, сконструировал один из первых вариантов подводных домов) и охотника за подводными сокровищами Эвина Линка.

Собственно говоря, Линк тоже был не первым. Летом 1957 года добрую неделю пытались найти следы затонувшего города группа аквалангистов Люмьер -- Дюпон, двое мужчин и одна женщина. Им повезло лишь в последний день: они обнаружили кирпичную арку и десять ступеней, которые вели к входу в одно из зданий. Шаря в иле, покрывающем дно, они нашли остатки глиняного сосуда и несколько кирпичей, черепицу и штук десять характерной "луковичной формы" бутылей из-под рома.

Группа Линка тоже первоначально принялась за поиски около форта Джеймса и тоже вначале безрезультатно. Они попытались использовать маленькую помпу и убедились, что она явно непригодна, поскольку слой ила и песка над остатками здания был достаточно велик.

Впрочем, это была лишь разведка.

В 1959 году участники экспедиции Линка возвратились на специально сконструированном корабле "Морской ныряльщик". На этот раз у них на вооружении был довольно мощный эжектор (труба, к нижнему концу которой подводится воздух; поднимаясь вверх, пузырьки воздуха всасывают воду и песок) и ряд других приспособлений, в том числе хороший компрессор. Взяли на борт и эхолоты, хотя в общем они не оченьгодились.

Свой раскоп Линк начал там, где, по его расчетам, должны были находиться королевские склады. Предполагалось, что там могли сохраниться какие-нибудь ценности. Надежды эти, однако, не оправдались. Конечно, в момент катастрофы в пакгаузах помимо обычных товаров -- хлопка, сахара, черной патоки -- наверняка находились и драгоценности. Но ведь с того времени два с половиной века прошло! Довольно долгое время здание находилось сравнительно неглубоко, и уж кого-кого, а ныряльщиков в Порт-Ройале всегда было предостаточно. Среди них многие еще в XVII веке умели пользоваться подводным колоколом. А потом, даже если кое-что и сохранилось, то попробуй същи монету или, допустим, драгоценный камень под слоем ила и грязи, под грудями битого кирпича, в остатках здания длиной добрых восемьдесят метров и шириной двадцать с лишним метров!

Ничего, кроме великого множества разбитых бутылей и черепков от глиняной посуды, Линк и его аквалангисты здесь не нашли, хотя и затратили на поиски целую неделю.

Тогда они перенесли поиски поближе к тому месту, где находились руины форта Джеймса.

Здесь дело пошло веселее.

Вначале появился латунный черпак, а вслед за ним несколько оловянных ложек, оловянная тарелка. Затем две дюжины знакомой луковичной формы бутылок из-под рома. Потом кости животных. Впечатление было такое, что аквалангисты угодили то ли на кухню какого-то дома, то ли в таверну.

В общей сложности Линк и его "команда" провели на Ямайке десять недель. Они подняли со дна большой глиняный поднос, затейливые глиняные курительные трубки, что были в моде в XVII веке, медные кастрюли, медный подсвечник и много других предметов, в том числе небольшую пушку.

И они нашли часы, о которых мы упоминали вначале, те самые карманные часы, которые помогли уточнить время катастрофы. Их изготовил около 1686 года Поль Влонден, французский часовых дел мастер, живший в Нидерландах.

Все это было обнадеживающим. Линк, однако, так и не сумел продолжить свои раскопки: в 1959 году началась пора ураганов, а в последующие годы он уже сюда не вернулся, занят был другим. Его преемником и стал Роберт Маркс.

15. Ныне нелегко обнаружить в Порт-Ройале следы былого. Их сохранилось немного. Старого Порт-Ройала давно уже нет. Там, где некогда процветал, быть может, самый крупный порт Карибского моря, остались лишь несколько зданий и пустыри. И остались форт Чарлз и несколько старых стен.

...Впервые Роберт Маркс приехал сюда весной 1954 года восемнадцатилетним юнцом. День был пасмурным, дул северный ветер. Но желание провести разведку было столь велико, что, взяв такси, он сразу же отправился к берегу. Видимость под водой была скверной, и дело кончилось тем, что он поранил руку о морского ежа. Не удалось ему толком ничего обнаружить и тогда, когда рука зажила. С тем он и уехал искать сокровища на одном затонувшем испанском галеоне.

Потом, уже после первых находок, сделанных группой Люмьер -- Дюпон, он вновь приезжал в Порт-Ройал. "Я понял, -- напишет он, -- что затонувший город -- это настоящая золотая жила исторических реликвий. Моей заветной мечтой стало организовать в Порт-Ройале мало-мальски масштабные раскопки".

...Годы ученичества были позади. Теперь, во всеоружии знаний, он мог приступить к осуществлению своей мечты.

16. Два месяца кряду по семь, по восемь часов в сутки проводил он в воде, изучая район будущих изысканий. Но случилось так, что ему пришлось изменить первоначальные планы. Выяснилось, что компания бизнесменов решила в связи с увеличивающимся наплывом туристов построить в Порт-Ройале гостиницу и пирс. Возвести пирс собирались там, где некогда располагались рыбный и мясной рынки и дома многих зажиточных граждан. И следовательно, поиск необходимо было начинать именно в этом месте, и, чем скорее, тем лучше.

В помощники себе Роберт выбрал двух местных жителей: профессионального ныряльщика Кенута Келли и Вайна Рузвельта, прекрасно справлявшегося с техникой. В экспедиции участвовали также жена Роберта, аквалангист-археолог, и упоминавшийся уже нами мастер на все руки Стэн Джюйдж и его дочь.

Любопытная деталь. Вместо аквалангов члены экспедиции пользовались так называемым акванавтом. Сам по себе прибор этот нехитрый. В плавающую на поверхности неширокую трубу вмонтирован небольшой воздушный компрессор. От трубы отходят шланги, по которым воздух поступает к находящимся под водой ныряльщикам. Вот, собственно, и все. Но это освобождало аквалангистов от тяжелых баллонов с воздухом и давало им возможность оставаться под водой целыми часами.

Эжектором решили пользоваться небольшим, четырехдюймовым, с сеткой: опыт показал, что насос делал свое дело и не всасывал такие предметы, как луковичные бутылки и всякая утварь. С ним работали вдвоем: один орудовал на дне с трубкой, другой же шел сзади, наблюдая за тем, чтобы не потерялась ни одна из находок.

17. В первый же день Роберт обнаружил под водой обрушившуюся стену. Вот от нее-то и пошел счет находкам. От нее, поскольку, как и предполагали исследователи, именно за этой стеной, словно в сейфе, сохранилось немало интересного.

Первой появилась на поверхность целехонькая оловянная ложка, затем большое плоское оловянное блюдо и четыре оловянных тарелки.

В тот же день нашлась и первая монета -- серебряная испанская монета достоинством в восемь реалов.

...Поиск шел на глубине пяти-шести метров и достаточно успешно. За месяц удалось разыскать три больших подноса, двенадцать тарелок, шесть ложек, одну вилку, одну большую пивную кружку, суповую миску...

В пору было хоть сервировать стол. Нашелся и медный котел, нашлись две сковороды, подсвечник из желтого металла, латуни, два чугуна, железная решетка, на которой жарили мясо.

А затем одна за другой сыскались шесть стен с перекрывающими их балками и целая груда кирпичей, около четырех тысяч, -- остатки какого-то здания.

Куда угодили аквалангисты? На кухню господского дома? В таверну?

Ответ, во всяком случае возможный, подсказали выгравированные инициалы, находившиеся на двух блюдах, одной вилке и двух ложечках: сверху -- буква С, вероятно начальная буква фамилии, ниже -- буквы I и R, находившиеся на

некотором расстоянии друг от друга. Если бы это были начальные буквы имен владельца, рассудил Роберт Маркс (два и больше имени, как известно, отнюдь не редкость на Западе), они, наверное, стояли бы ближе. Более вероятно другое: это инициалы владельца и его жены.

Осталось проверить догадку. По карте -- а в распоряжении исследователей была составленная Институтом Ямайки карта старого Порт-Ройала с обозначением имен домовладельцев -- получалось, что примерно в семидесяти метрах от того места, где были найдены блюда и ложки, находился дом некоего Ричарда Коллинза. Не исключено, что у него была жена Ирэн или, допустим, Исабел.

И вероятно, этот Коллинз либо сам владел таверной, либо сдавал в аренду часть дома какому-нибудь кабатчику.

Во всяком случае возле дома и на ближних подступах к нему аквалангисты разыскали много битых бутылок, кружки, кубки, луковичные бутылки и... более пятисот глиняных курительных трубок.

Вот эти-то трубки, пожалуй, более всего подтверждали версию о таверне. Бутылки и кубки, не говоря уже о посуде, могли, разумеется, быть и в частном доме. Но такое количество трубок, изготовленных (это видно по клеймам) разными мастерами и в большинстве обкуренных, -- вряд ли. А в таверне, где у каждого постоянного посетителя могло быть по несколько своих излюбленных трубок, это было бы вполне естественно.

Где-то в конце месяца аквалангисты увидели на дне великолепный табачный лист. Упавшие кирпичи вдавили его в ил, где остался он законсервированным на два с половиной века и казался, сохранил даже свой аромат.

18. Июнь выдался ненастный: часто шли дожди, "раскоп" занесло илом, и надо было часами расчищать его. Из-за дождей значительно хуже становилась видимость под водой, труднее было работать. В довершение где-то в середине месяца, когда на несколько дней установилась погода, случилось небольшое землетрясение. Роберт Маркс вместе с Келли находились в этот момент под водой.

Сначала они решили, что в силу каких-то причин начал вибрировать насос, но, когда, поднявшись на плотик, ощутили мелкие толчки и увидели, как с моря одна за другой надвигаются -- и достаточно быстро -- две довольно большие волны, за ними еще две, тут уж сомнений не осталось. Несколько дней спустя произошло еще одно землетрясение, послабее.

Порт-Ройал оставался Порт-Ройалом.

Потом во множестве пожаловали акулы. Роберт однажды даже угодил рукой в нечто твердое, с кожей, напоминавшей наждачную бумагу, метнувшееся вверх и оказавшееся самой настоящей акулой. То ли рыба была из пугливых и сама шарахнулась от невиданного чудовища, облаченного в резиновый костюм и со стеклами на лице, то ли просто была сыта -- так или иначе встреча закончилась вполне благополучно для безоружного аквалангиста.

А работа шла вопреки дождям, акулам и землетрясениям. Одну за другой находят аквалангисты стены и аккуратно поднимают на поверхность кирпичи -- это нужно для задуманной реконструкции здания. Немало времени было потрачено на то, чтобы поднять на поверхность целую секцию стены: исследователи задумали изучить особенности каменной кладки времен старого Порт-Ройала.

...Снова подносы, бокалы, но вот и нечто новое: две, на этот раз серебряные, ложечки, да не простые, а с выгравированной розой, королевским гербом Тюдоров. Вот керамические кубки, чаши, медные подсвечники и подсвечники из латуни, медные пуговицы, пряжки от туфель, перевязи, шляпы, гвозди, кастрюли, корабельные приборы, молотки, топоры, кирки, ножи, шпаги, наконечники пик, бесконечное число изделий из стекла, дерева, кожи, костей. Находок становится все больше и больше, и всех их просто не перечислить.

Но как не упомянуть о двух тонкой работы мраморных кубках, о кусочке мела и кусочке графита, о широком, плоском карандаше (им можно было писать!) и обломке грифельной доски, на котором были начертаны цифры: "1, 8, 10, 12"...

Все эти находки нуждались в уходе. С керамикой, костью, стеклом дело обстояло относительно просто: достаточно было их хорошенько промыть водой. Медные, латунные, свинцовые изделия тоже сначала мыли, а затем, чтобы снять зеленоватую патину, налет на поверхности, появившийся от многолетнего пребывания в воде, как следует чистили губкой из тонкой металлической паутинки. Дерево, которое обычно после того, как его высушивают, уменьшается

в объеме едва ли не в четверть, умащивали специальным воском.

Но были еще и изделия из серебра, железа и олова. И здесь многое надо было изобретать. Оказалось, например, что очистить оловянные изделия от коралловых наростов проще всего, положив их в ванночку с какой-нибудь не очень сильной кислотой. А следы коррозии лучше всего уничтожались, если на несколько минут поместить очищаемый предмет в ванночку, наполненную горячей водой с содой, или же подвергнуть его электролизу.

А в общем все это было нелегко, в особенности когда речь шла о металлических предметах. Тем более что находки-то были разные, и чуть ли не каждый раз необходимо было особое решение. Как напишет впоследствии Роберт Маркс, "тут было над чем поломать голову".

19. Дожди продолжались и всю первую половину июля. Но именно в июле аквалангисты набрали на интереснейшие находки. Сорок пушечных ядер, орудия для конопатки судов, части корабельной оснастки -- обломки рангоута и такелажа свидетельствовали о том, что здесь покоятся остатки какого-то корабля.

Судя по размерам киля и шпангоута, судно это было водоизмещением не менее двухсотпятидесяти -- трехсот тонн. И, судя по тому же шпангоуту, подводные исследователи имели дело с военным кораблем, а не с торговым. Об этом свидетельствовали и найденные неподалеку достаточно крупного калибра пушки. К тому же многое позволяло с уверенностью сказать, что этот военный корабль был английским.

...Документы свидетельствовали: во время землетрясения 1692 года пострадал только один военный корабль -- английский фрегат "Лебедь"!

20. 6 июня 1692 года из двух английских патрульных кораблей в море находился лишь один "Гернси". Другой, "Лебедь", лежал на берегу днищем вверх: судно кренговали и килевали, то есть, попросту говоря, чистили его днище и бока.

Но потом судно спустили на воду. Это случилось на следующий день. Спустили его по личному приказанию исполнявшего обязанности губернатора Джона Уайта. А причина была простая, о ней мы упоминали: близ Порт-Ройала появилась французская эскадра и "Гернси" явно требовалось подкрепление.

В свидетельствах очевидцев порт-ройалской катастрофы упоминалось о том, что нахлынувшей волной "Лебедь" подбросило вверх и унесло чуть ли не в центр города. Там он грохнулся на крыши зданий.

Так вот, на воду "Лебедь" спустили, а балласт загрузить не успели. Он составлял для корабля такого водоизмещения минимум сто тонн. Именно этим и объясняется, очевидно, что приливная волна, последовавшая за землетрясением, занесла корабль в город. Мачты, такелаж, пушки -- все сместилось от удара и было унесено волной. Но сам корабль затонул далеко не сразу. На нем нашли спасение не менее двухсот человек.

...Под толщей воды покоятся ныне его остатки. Их пока так и не подняли наверх. Но Роберту Марксу очень хочется осуществить свой замысел: достать обломки киля и другие деревянные части, поднять пушки, оставшуюся часть рангоута, реконструировать корабль и поместить его для всеобщего обозрения в специально оборудованном бассейне -- так, как это сделали с "Вазой".

21. В один прекрасный день Роберт вдруг увидел плотно увязший в иле деревянный, с железными полосами и уголками довольно большой сундук.

Неужели в сундуке сокровища?

И действительно, в сундуке хранилось сокровище, только несколько необычное. На соломе аккуратно лежали двадцать один флакон для лекарств и две керамические медицинские кружки.

Не служило ли это доказательством того, что где-то неподалеку находилась аптека?

Затем последовала еще одна прелюбопытнейшая находка.

По сохранившимся документам исследователи, конечно, знали, что лакомым товаром на мясном рынке в старом Порт-Ройале были большие черепахи. Этих черепах отлавливали на находившихся неподалеку Каймановых островах. А чтобы мясо было всегда свежим, черепах привозили живыми и держали в специальных садках, заполненных сантиметром на тридцать водой.

Но право, никто из участников экспедиции не думал, что им удастся обнаружить остатки этих садков. И потому в первый момент даже не поняли, что именно они разыскали. А садков было два, и они были расположены рядом: два продолговатых бассейна длиной метров четырнадцать и шириной метров шесть.

Каждый из них ограждало по меньшей мере с две дюжины деревянных столбиков, несколько заостренных кверху. Кое-где сохранились и перекладки. Нашли аквалангисты кости черепах и даже целые скелеты. Судя по ним, черепахи были крупные, килограммов на сто живого веса.

...Уже в октябре нашлась еще одна стена, и возле нее латунный подзеркальник с остатками стекла, оловянные блюда, оловянные ложки. Нашли аквалангисты и великое множество трубок, и луковичные бутылки из-под рома, серебряную с двумя ушками чашу для дегустации вина, оловянную воронку, две большие оловянные пивные кружки и две маленькие.

Очень похоже, что здесь находилась еще одна таверна!

А двумя неделями позже Роберт и его помощники вдруг увидели корабельный балласт. Рядом сыскались обломки киля и остатки шпангоута. Несколько поодаль нашлась целая коллекция корабельного оборудования, а также костылей, шипов, гвоздей, небольшая пушка, ядра, мушкетные пули и великое множество обломков испанских глиняных кувшинов для перевозки оливкового масла.

Итак, судно, и, вероятно, испанское. Неясным было только, когда оно затонуло.

Роберт возлагал надежду на пушку, думал, что специалисты сумеют определить, к какому веку она относится. Но те только разводили руками.

Уже все было привыкли к мысли, что корабль испанский, когда вдруг нашелся корабельный циркуль с французским клеймом. Конечно, это не могло служить полным доказательством того, что судно было французским, но ведь и испанские кувшины для масла тоже могли оказаться на любом судне, не обязательно на испанском.

22. Вот ведь как повернулись дела. И тогда исследователи вспомнили, что в одном из документов им встретилось упоминание о некоем корабле, захваченном у французов и стоявшем на якоре близ рыбного и мясного рынков Порт-Ройала, и что во время землетрясения и последовавшего за ним наводнения судно это затонуло! Когда Роберт Маркс еще раз принялся перечитывать документ, то оказалось, что судно стояло на якоре как раз в том месте, где нашли его остатки!

Сумели аквалангисты определить и месторасположение мясного и рыбного рынков. Рынки эти граничили друг с другом. Ориентиром служили рыбы кости и кости различных животных. И было понятно: вот здесь находились рыбные ряды, а тут, к северу, мясные.

Между рынками возвышались стены, расположенные под прямым углом друг к другу.

23. Все наполнилась коллекция найденных в октябре трубок -- число их перевалило за четыре сотни, на поверхность было поднято и много медицинских склянок и банок -- здесь действительно, видно, землетрясение разорило аптеку. Но наверное, где-то рядом с ней находился склад или магазин керамики: кругом было много битых черепков, но немало нашлось и совершенно целых глиняных кубков, чаш, блюд -- более двадцати различных типов.

В одной из ваз сохранилось масло! Хотя оно и было на шестьдесят с лишним лет моложе того, что шведские водолазы нашли на "Вазе", возраст его следует признать достаточно почтенным. И оно в общем оказалось съедобным.

А еще через две недели исследователи нашли дом.

24. Вначале они увидели стену, которая возвышалась над поверхностью дна сантиметров на тридцать. Когда же принялись ее расчищать, заметили еще одну стену. Потом выяснилось, что стены эти соединены и что есть еще одна стена, параллельная первой, и другая, параллельная второй. Итак, замкнутый параллелепипед стен, при ближайшем рассмотрении оказавшийся стенами здания. Длина здания была семь метров, ширина -- пять метров. Высота стен -- три метра, толщина -- сантиметров шестьдесят.

Дверь сорвало, но остались дверные петли. Пол был из базальтовых плит, а само здание внутри разделялось кирпичной стеной на две отдельные половины.

Снаружи стены были оштукатурены. Окон найти не удалось.

Может, их все-таки в конце концов и разыскали бы. Но случилось непредвиденное. Простоявшие более двух с половиной веков стены ночью рухнули. И когда на следующее утро аквалангисты спустились под воду, они убедились, что не могут ничего изменить. Роберт Маркс вполне откровенно писал: если бы он с самого начала знал, что перед ним коробка здания, он попытался бы по-иному вести раскопки.

Он попытается это сделать, но, увы, опять безуспешно.

...Все повторялось. Сначала Роберт увидел стену, потом разглядел, что тут не одна стена, а коробка здания. Оно имело более десяти метров в длину, шириной было пять-шесть метров, высота его составляла два с половиной метра. Нашлась и дверь на одной из длинных стен. На параллельной стене было два окна и еще одно -- маленькое в самом конце стены. Так же как и в первом здании, перегородка делила дом на две части. Стены были оштукатурены, пол цементный.

Исследователям и на этот раз не повезло. В конце концов стены обрушились. Видимо, нанос размывал их основу.

Так или иначе, но рухнули не только стены. Рухнули надежды сохранить здание. Единственное, что Роберт успел сделать, -- это зарисовать найденную стену.

...Именно тогда под обрушившимися стенами второго здания Роберт Маркс и нашел напоминавший по форме утиное яйцо предмет, оказавшийся на поверку часами, изготовленными в Лондоне мастером Арном Гиббсом.

25. Уже близились последние дни, когда вновь пошли интересные находки: четыре очень хорошо сохранившиеся серебряные монеты достоинством каждая в восемь реалов. На них были четко видны дата -- 1684 год и буква L, свидетельствующая о том, что их изготовили в Лиме.

А чуть позже Роберт разыскал пятьдесят монет -- целый клад! Все они отлично сохранились, даже не верилось, что они столько лет пролежали на морском дне. Некоторые из них относились к 1653 году, были среди них и несколько монет 1690 года. И родословную свою монеты вели не только с Монетного двора в Лиме, часть из них появились на свет в Потоси (там находились знаменитые серебряные копи). А четыре монеты изготовили в Мехико.

В конце декабря экспедиция принялась свертывать свою работу.

* * *

...Установить границы и конфигурацию и площадь города, погружившегося под воду несколько сот лет назад, -- задача, казалось бы, фантастическая. Но ее осуществили, и вполне успешно. Удалось разобраться в том, почему Порт-Ройал оказался под водой.

Вывод исследователей таков: Кэгуэй -- это ведь, собственно, песок и ил, покоящиеся на небольшой подковообразной гряде. Во время землетрясения в гряде появились трещины: песок пополз, увлекая за собой и дома...

Остается добавить: правительство Ямайки недавно объявило о создании проекта возрождения Порт-Ройала.

Проект этот рассчитан на двадцать лет. Ил и песок будут смыты брандспойтами, и специальные суда со стеклянным полом дадут возможность обозреть легендарный город.

+++Тайна острова Ваникоро

1. В письме, адресованном военному министру, было сказано: "Я поднимусь к островам Дружбы, выполню все, что предписано инструкциями в отношении Новой Каледонии и острова Санта-Крус, обследую южный берег Земли Арзакидов, открытой Схрвилем, и Луизиаду, найденную Бугенвилем. Я пройду между Новой Каледонией и Новой Голландией другим путем, нежели канал Индевр, если, разумеется, таковой существует. В сентябре -- октябре я обследую залив Карпентария и восточный берег Новой Голландии вплоть до Земли Ван-Димена, но с таким расчетом, чтобы к декабрю 1788 года добраться до Иль-де-Франса".

Иль-де-Франс -- это нынешний остров Маврикий. Земля Ван-Димена -- это остров Тасмания. Новая Голландия -- Австралия. Кстати, письмо тоже было отправлено из Австралии. Оно было написано на рейде в Ботани-бей, знаменитой по путешествиям Кука Ботанической бухте (ныне предместье Сиднея), и датировано 7 февраля.

В Париж письмо доставил некто Хантер, капитан английского фрегата "Сириус". Он же привез еще одно послание -- на имя Флериз, главного директора портов и арсеналов Франции, которое заканчивалось так: "15 марта я покину Ботани-бей и постараюсь не терять времени зря. Надеюсь в декабре быть на Иль-де-Франсе".

Оба письма написал один и тот же человек: Жан-Франсуа де Гало, граф де Лаперуз, командир эскадры. В ее состав входило два судна -- "Буссоль" и "Астролябия".

Это были последние письма Лаперуза.

Эскадра не пришла на Иль-де-Франс. Она не пришла ни в один известный порт. Она исчезла, словно растворившись в безбрежных тихоокеанских

просторах.

2. В феврале 1785 года отдохавший в своем имении капитан французского военного флота Лаперуз был неожиданно вызван в столицу. Морской министр герцог де Кастри писал, что дело весьма срочное, и не оставалось ничего другого, как подчиниться и, следовательно, прервать первый за долгие годы и давно заслуженный отпуск, попрощаться с женой и отправиться в путь. Что скрывалось за приказанием, было неясно; никаких слухов насчет какой-нибудь очередной войны -- в провинции они циркулировали частенько -- на сей раз вроде бы не было, ничего не удалось разузнать и в Альби, где он провел несколько часов, навестив мать и кое-кого из друзей. Оставалось предположить только одно, что тоже случалось: освободилась какая-нибудь вакансия и ему хотят дать новое назначение.

Так он ни до чего толком не додумался и, справедливо рассудив, что нечего по сему поводу сокрушаться, всю долгую в те годы дорогу из Лангедока читал прихваченный с собой томик Вольтера, подремывал, и было ему все-таки досадно, что вот пришлось прервать долгожданный отпуск и трястись в небыстрой казенной кольмаче по казенной надобности, да к тому же по невесть откуда нагрянувшему морозу.

В Париже, в здании морского министерства, обширном и гулком, было тоже холодно, и он искренне обрадовался, когда де Кастри подвел его поближе к ярко горевшему камину и распорядился принести жаровню. Помимо министра в кабинете находился и старый знакомец Флериз; на стенах, как всегда, висели большие карты, в том числе и карта с нанесенными маршрутами морских походов славного капитана Кука, чье имя уже добрых полтора десятка лет было известно всем морякам Европы.

-- Вы не догадываетесь, зачем я вас вызвал? -- улыбаясь, спросил де Кастри. -- Догадаться действительно непросто. Но на этот раз в Канаду, мой дорогой капитан, мы вас не пошлем. Мы хотим предложить вам кое-что еще более сложное. И право, более интересное.

Помедлив минутку, он сказал:

-- Капитан Лаперуз, его величество король Людоник XVI просил меня осведомиться, не согласитесь ли вы возглавить отправляемую в кругосветное плавание экспедицию?

3. ...Дом был приземистый и старый, из серого камня, заросший виноградом, с двумя флигелями и полдюжиной окон по фасаду. Поля и луга подходили к нему вплотную, оставляя место лишь для маленького дворика и небольшого сада с коротко подстриженными по версальской моде газонами и кустами.

Мальчик любил бродить по саду. Здесь можно было в свое удовольствие поиграть в Али-бабу и сорок разбойников или, вообразив себя знаменитым рыцарем Джюкленом, одному сражаться против дюжины врагов. Здесь можно было заблудиться, а потом, как настоящему путешественнику, выбираться на верную дорогу наперекор всему.

Перейдя двор, он выходил за пределы усадьбы. Тропинка вела вверх. По небу плыли легкие облака, в раскаленном воздухе дрожало знойное марево. Мальчику казалось: навстречу ему мчатся стройные красивые фрегаты, такие, какие он видел в книгах, великолепных книгах в толстых кожаных переплетах, которые позволял ему листать отец.

Один за другим шли и шли в бездонном небе, словно в бескрайнем море, ведомые смельчаками фрегаты к неизвестным берегам, туда, где диковинные люди, вооруженные луками и стрелами, украшают себя вырезанными на теле рисунками и на песчаную отмель лениво набегают с легким плеском прозрачные зеленые волны.

4. Май 1757 года. На небольшом брестском рейде, выстроившись в кильватерную колонну медленно и горделиво выходит в открытое море эскадра генерал-лейтенанта Дюбуа де ла Мотта. Пункт назначения -- Канада. Корабли скользят по гладкой поверхности залива, с берега звучат слова напутствия и пожелания вернуться с победой. Франция опять в войне -- четвертой за последние столетия. И снова, как во времена войны "за испанское наследство" (1701--1713), "за польское наследство" (1733--1739), "за австрийское наследство" (1740--1748) враг номер один -- Англия.

...Среди тех, кто стоял на палубе, непрерывно смотрит на родную землю, стараясь удержать в памяти ее приметы -- шестнадцатилетний гардемарин. Он невысокого роста, с живыми глазами. Но сейчас у него на глазах слезы.

Малодушие? Нет, просто волнение. Мальчик с берегов Тарна на настоящем, а не созданном его фантазией корабле отправляется в свое первое большое плавание. Тают в дымке очертания брестской бухты. Широкая волна колышет палубу, берега родины уходят вдаль.

5. Полгода спустя эскадра возвращается домой. С кораблей снимают шестьсот больных -- тиф появился еще в Америке.

Поход ла Мотта не достиг цели: пройдет примерно год и Канада, лишенная действенной поддержки Франции попадает в руки англичан.

Не менее печально для французской короны складываются дела и в Индии.

...А война все продолжается. В 1759 году в морском сражении при Бель-Иле, у южного побережья Бретани, Лаперуз был ранен. В бессознательном состоянии он попадает в плен, два года томится в лагере, бежит на родину, вновь принимает участие в боях и походах.

1763 год. Подписан мир. Англия помимо Канады получает Восточную Луизиану и несколько принадлежавших французам островов в Вест-Индии.

6. Абсолютистская Франция, однако, отнюдь не собирается покорно уступить первенство сынам Альбиона.

Но без солидного флота нечего и думать о захвате новых колоний и создании новых опорных баз. Без флота нечего и думать о противодействии Англии. Именно поэтому французский флот получает крупные ассигнования. Укрепляются и расширяются военные порты. Строятся новые верфи.

7. Потерпев неудачу в Атлантике и, отчасти, в Индийском океане, правительство Людовика XV хочет вознаградить себя в Тихом океане. В глобальной борьбе великих держав именно сейчас этот обширнейший район приобретает особое значение. Хотя ряд крупных географических открытий был здесь осуществлен в предшествующие века (главным образом испанцами, португальцами и голландцами), в Тихом океане еще много неизведанного и манящего. И кое-кто в Англии склонен рассматривать его как будущее Британское море.

В 1764 году в сквозной рейд через великий океан отправляется коммодор Байрон, дед поэта. В 1766 году экспедиция Уоллеса и Картерета.

Настает и черед первой французской кругосветной экспедиции. Она отправляется в дальний путь в 1766 году и ее возглавляет опытный моряк капитан Луи Антуан де Бугенвиль. Одна из задач экспедиции -- попытаться отыскать легендарную "Южную землю", которая по уверениям некоторых географов должна находиться где-то в южных водах Тихого океана. Найти "Южную землю" Бугенвилю не удастся, но несколько ранее неведомых европейцам уголков Великого океана он исследует, открывает и несколько неизвестных в Европе островов.

Годом позже в южные широты Тихого океана уходит экспедиция Сюрвиля. В 1771 году в те же районы направляются Марион-Дюфрен, в 1772 году Кергелен.

Англичане не остаются в долгу. В конце августа 1768 года из Портсмута в далекое плавание отправляется барк "Индевр". Имя командира, сорокалетнего лейтенанта Кука мало кому известно даже в Англии. Но этот лейтенант, а позднее капитан, этот великолепный мореход и исследователь вскоре заставит заговорить о себе всех. В три плавания (1768--1771, 1772--1775, 1776--1779) он вдоль и поперек избородил чуть ли не весь Тихий океан, побывал и в северной и южной его части, доказал, что "Южной земли", во всяком случае до $\text{Grad}\{71\}$ южной широты, не существует, совершил крупные открытия: Новая Каледония, остров Норфолк, Южные Сандвичевы острова, пролив отделяющий Северный и Южный острова Новой Зеландии, исследовал восточное побережье Австралии...

8. До поры до времени это была государственная тайна. Посвящены в нее были лишь три человека: король, морской министр и капитан Флериэ. Ему и было поручено разработать соответствующий проект.

Итак, Франция снаряжает два корабля в кругосветное плавание сроком на три-четыре года. Основное внимание -- Тихому океану. Нужно проверить данные Кука (кстати говоря, далеко не полностью опубликованные), побывать в тех местах, где Кук не был, и уточнить некоторые вопросы, имеющие непосредственное отношение к тому, чтобы утвердиться в любых морях, где подобные попытки предпринимают англичане.

Успех экспедиции во многом зависел от того, кто ее возглавит. Это должен был быть первоклассный моряк, но одновременно и опытный солдат, искусный дипломат и в то же время знаток в различных областях наук, а

главное -- смелый, решительный командир, чье слово одинаково авторитетно для всех участников экспедиции.

Следовало, считал Флериэ, найти "французского Кука".

Задача была не из легких. Наконец после долгих размышлений и Флериэ и де Кастри приходят к единодушному выводу: Лаперуз. Его знания, опыт, пронизательность выше всяких похвал. У него ясный и независимый ум. Он обладает завидным мужеством. И ему всего лишь сорок четыре года. Из них двадцать восемь он на флоте.

9. Лаперуз принял предложенное назначение, хотя прекрасно понимал всю сложность поставленной задачи. К тому же сроки были очень сжатыми: где-то в середине 1785 года корабли должны были выйти в море. Мешало и то, что вся подготовка велась втайне. "Очень трудно, -- пожаловался он как-то в письме к Флериэ, -- вести дело, если можешь говорить людям только полуправду. Это сковывает инициативу".

Но таковы были "условия игры", и скрепя сердце с ними приходилось считаться. Хорошо еще, что удовлетворили его требование назначить командиром второго корабля старого боевого товарища капитана де Лангля.

Вдвоем они и принялись в первую очередь за выбор и оснащение кораблей.

10. С легкой руки Кука в 70-х и 80-х годах XVIII века привилась точка зрения, согласно которой наиболее удобны для кругосветных путешествий не военные фрегаты, а более прочные и устойчивые торговые суда. Было решено, что и экспедиция Лаперуза отправится на грузовых судах -- двух габарах водоизмещением пятьсот тонн каждая.

Прежде всего их переименовали, сменив не слишком представительные названия "Носильщик" и "Страус" на более строгие и милые сердцу моряков "Буссоль" и "Астролябю". Затем началась чистка, шпаклевка, осмолка и окраска. Корабли были капитально переоборудованы и отведены к месту погрузки -- в порт Брест.

Чего только на них не погрузили! Мешки, бочки, ящики стояли не только в трюмах и на палубе, но заполнили буквально все помещения кораблей. Семьсот молотков и железных прутьев! Две тысячи топоров, семь тысяч ножей, пятьдесят тысяч игл, миллион булавок. Кольца, ожерелья, зеркала, ткани, ножницы, гребенки, рыболовные крючки. И все это помимо основного: продовольствия, воды, вина, запасов одежды, парусины, веревок, тросов, нескольких больших шляпок, пушек, ядер, пороха, пуль.

"Буссоль" и "Астролябия" были оснащены новейшими навигационными приборами: хронометрами для определения долготы места на море и секстантами, с помощью которых можно определять широту места с точностью до 20--30 секунд. Получил Лаперуз и точно такие компасы, какими пользовался Кук.

Очень тщательно подбирал командир экспедиции и ученых. Ему удалось увлечь таких выдающихся французских ученых, как астрономы Монж и Лепот Данжеле, географ Бернизе, физик Ламанон. Уж очень интересные предстояли работы: астрономические наблюдения, определение географических координат. Экспедиция должна была собрать сведения по этнографии, ботанике, зоологии, антропологии. Натуралист Дюфрен был рекомендован Лаперузу самим Бюффеном, крупнейшим французским естествоиспытателем.

Время бежало быстро. В марте Академия наук разработала подробный план научных работ, в мае Лаперуз получил перечень вопросов-рекомендаций, составленный Медицинским обществом Парижа. А в конце июня ему были вручены правительственные инструкции.

Всего в состав экспедиции были зачислены двести двадцать пять человек, в большинстве опытные военные моряки.

Последним на борт "Буссоли" прибыл сын французского консула в Петербурге Бартоломей Лессепс. Лаперузу было поручено доставить его в Петропавловск-Камчатский, откуда Лессепс должен был проследовать в Петербург. Он знал немного русский язык и мог быть полезен экспедиции.

В четыре часа утра 1 августа 1785 года "Буссоль" и "Астролябия" снялись с якоря.

11. Вокруг света! Лаперуз не обольщает себя надеждами, что плавание будет легким; окажется ли оно удачным -- вот в чем вопрос. Удастся ли ему обнаружить новые земли? Что ждет его в тех водах, в которых еще никогда не были европейские суда?

Он вновь и вновь продумывает план путешествия. На кораблях с первого же часа плавания вводится строжайшая дисциплина: каждый должен исполнять свое

дело добросовестно и в срок. Но кроме работы нужен и отдых. Лаперуз знает: ничто так не поднимает настроение, как возможность от души повеселиться, потанцевать. И каждый вечер на палубах "Буссоли" и "Астролябии" два часа свободные от вахты моряки кружатся в вальсе и отплясывают фарандолу.

Вводятся жесткие санитарные правила. Кубрики тщательно проветриваются. Гамаки и тюфяки выносятся на воздух, выколачиваются. Каждое утро на кораблях проводится тщательная приборка, палуба моется горячей водой. Лаперуз лично проверяет качество пищи и сохранность съестных припасов и воды: ее дают пить, трижды профильтровав через салфетки. Врачам экспедиции вменено в обязанность проверять десны и зубы у команды, ибо самое страшное на борту -- цинга.

Каждую неделю матросы моются в бане и меняют белье.

Разработана система сигнализации. Днем на "Астролябии" видят все маневры флагмана, но ночью, в непроглядной тьме тропиков не должно быть никаких случайностей. Это не значит, разумеется, что "Астролябия" должна слепо повторять все маневры "Буссоли"; это просто необходимая предосторожность в далеком и опасном плавании.

29 сентября корабли пересекли линию экватора. Как и полагалось по традиции, на борт поднялся бог Нептун и все те, кто впервые пересекал экватор, приняли крещение. Таких, впрочем, было мало.

16 октября показался остров Тринидад, 6 ноября "Буссоль" и "Астролябия" подошли к принадлежавшему португальцам острову Святой Екатерины. Затем корабли отправились в дальнейший путь. Во исполнение инструкции Лаперуз упорно искал так называемый Большой остров, который должен был находиться где-то около берегов Бразилии. О его открытии в 1675 году объявил французский капитан Ла Рош, но с той поры никто этого острова не видел. Не нашел его и Лаперуз (ибо такого острова, как, впрочем, и многих других "открытий" Ла Роша, просто не существовало), но времени на поиски потратил много.

В начале февраля оба корабля благополучно обогнули мыс Горн и вышли в воды Тихого океана.

12. Напрасно проискав на $\backslash Grad\{57\}$ южной широты легендарную Землю Дрейка ("Я был уверен, что она не существует", -- писал Лаперуз), "Буссоль" и "Астролябия" стали подниматься на север. Корабли должны были сделать остановку на островах Хуан-Фернандес, но Лаперуз несколько изменил маршрут. Дело в том, что после непрерывного трехмесячного плавания подошли к концу запасы муки, в галетах завелись черви. Нужно было поскорее зайти в какой-нибудь порт. И Лаперуз решил бросить якорь в Консепсьоне, на чилийском берегу.

23 февраля "Буссоль" и "Астролябия" подошли к тому месту, где должен был быть Консепсьон. Но где же город? Где порт?

Все разъяснилось, когда к кораблям подошли две лодки с лоцманами. Оказалось, что Консепсьон был полностью разрушен во время землетрясения 1751 года (во Франции об этом не знали) и его отстроили заново, но уже на другом месте -- в трех милях западнее старого, за мысом. Именно поэтому с кораблей его и не было видно.

"Какой богатейший край, -- записывал в своем дневнике Лаперуз, -- при рациональном ведении хозяйства он, наверное, смог бы прокормить пол-Европы". Но от его внимательного взгляда не ускользнуло, что земли в своем большинстве не распаханы, торговля почти не развита. Таковы, с горечью отмечал Лаперуз, последствия испанского владычества в этой прекрасной и некогда свободной стране.

Утром 17 марта корабли вновь вышли в открытый океан.

13. 6 апреля 1722 года, в первый день Пасхи, голландский мореплаватель Якоб Роггевен открыл в южной части Тихого океана, примерно в трех тысячах километрах от Перу, небольшой скалистый островок. Роггевен назвал его островом Пасхи -- под этим именем он известен и сейчас.

Лаперуз много читал об этом острове и, хотя спешил, не мог отказать себе в удовольствии его посетить.

8 апреля 1786 года корабли пришвартовались в небольшой бухте на западном берегу острова, в том самом месте, где за двенадцать лет до того высадился Кук.

Перед путешественниками расстилалась холмистая, почти безлесная равнина.

На берегу столпились несколько сот островитян: рослые, красивого телосложения мужчины, разрисованные с головы до ног белой краской, женщины с уложенными в виде короны длинными волосами. Они были безоружны и очень приветливо встретили Лаперуза, де Лангля и сопровождавших их лиц.

Разделившись на две группы, французские моряки пошли в глубь острова. Здесь не было ни реки, ни ручьев, земля была сухая и потрескавшаяся от жары, покрыта негустой травой. Наибольшее впечатление на путешественников произвели древние статуи -- высеченные из каменных глыб огромные фигуры людей, которыми до сих пор славится остров. Лаперуз велел обмерить некоторые из них и зарисовать. Художники экспедиции набросали и несколько портретов местных жителей. Островитяне позировали охотно. Смешливые и добродушные, они с удовольствием принимали предложенные им подарки и в свою очередь угощали моряков сладким картофелем и бананами.

Видел Лаперуз и жилища местных жителей -- длинные узкие сооружения с низким входом; войти в них можно было только согнувшись. По форме они напоминали перевернутую пирогу и были сделаны из тростника. В них помещалось не менее двухсот человек. Жили тут, очевидно, одной большой семьей или, может быть, целым племенем. Но у жителей острова Пасхи были не только общие дома. "Насколько я могу судить, -- записал Лаперуз, -- у них в общем пользовании находятся и продукты питания, а возможно, и земля".

Лаперуз подарил островитянам несколько свиней, овец и коз. По его приказанию моряки посадили в разных местах острова капусту, морковь, свеклу, тыкву и объяснили, что из этих семян вырастут съедобные растения. Затем "Буссоль" и "Астролябия" устроили свой бег к Гавайским островам.

14. Они шли через Тихий океан несколько восточнее, чем корабли Кука во время его третьего путешествия в 1777 году. В этих местах еще не успела побывать ни одна европейская экспедиция.

Никаких не известных островов Лаперуз здесь не нашел, но зато устранил одну бытовавшую в его время легенду. На современных ему испанских картах на той же широте, что и Гавайские острова, но только восточнее значились острова Ла-Меса, Лос-Майос и Дистрасиада. Лаперуз доказал, что эти острова и есть Мауи и Оаху, входящие в Гавайский архипелаг, к которым экспедиция подошла к концу мая: других тут просто не было.

Это тоже было своего рода открытием, хотя сам Лаперуз со свойственным ему юмором записал в дневнике, что, в то время как другие мореплаватели, в том числе и Кук, открывали новые земли, ему почему-то все время приходится их "закрывать".

И еще он записал следующее: "Французы первыми в последние годы посетили остров Мауи, и тем не менее я не счел возможным объявить его владением короля: на мой взгляд, обычаи европейцев в этом вопросе просто нелепы... Лишь только потому, что у них есть пушки и штыки, они зачастую перестают считаться с десятками тысяч им подобных существ, не обращают внимания на их самые священные права, рассматривают как объект завоевания землю, политую их потом, землю, в которой местные жители на протяжении веков хоронили своих предков..."

15. Безоблачное небо над Гавайями осталось позади, погода начала портиться. 9 июня "Буссоль" и "Астролябия" вошли в полосу тумана. Моросил дождь. Холодный ветер пронзительно выл в снастях. Высокие волны с ревом кидались на суда. Лаперузу пришлось раздать матросам фуфайки и сапоги. Во всех кубриках и кактах были поставлены жаровни.

23 июня в 4 часа утра вахтенный офицер разбудил Лаперуза. Выйдя на палубу, капитан увидел впереди по борту очертания высокой горной цепи, посреди которой во всем своем великолепии возвышалась белая шапка горы Святого Ильи. Аляска!

Берег путешественники увидели только через двое суток. Он был скалистый, поросший густым сосновым лесом, и к нему невозможно было подойти: море здесь было мелким, со дна торчали утесы, вокруг них ревели буруны.

В поисках бухты или залива Лаперуз повел свои корабли к югу. Лишь через семь суток он нашел то, что искал: узкий проход вел в обширную и спокойную бухту, которая полукругом вдавалась в сушу. Видимость была плохой, и в проходе было очень быстрое течение.

Посоветовавшись с офицерами и послав на разведку шлюпки, Лаперуз все же решил в нее войти.

...Среди офицеров "Буссоли" был молодой и самонадеянный лейтенант

д'Экюр. Ему удалось уговорить Лаперуза осмотреть южный край бухты, который был скрыт туманом. "Может быть, -- говорил д'Экюр, -- именно там начинается пролив, ведущий к Атлантическому океану". Лаперуз был уверен, что д'Экюр не прав, но все-таки разрешил ему проверить догадку. Впрочем, он вручил ему письменную инструкцию, в которой требовал соблюдения осторожности и строжайше запрещал рисковать шлюпками и людьми.

На рассвете 13 июля три шлюпки -- две с "Буссоли" и одна с "Астролябии" -- отошли от кораблей и двинулись к южному углу бухты. Первой, самой большой, командовал д'Экюр, второй -- два брата, лейтенанты Маршенвиль и Бутервиль, и третьей -- лейтенант Бутен, пожилой, опытный моряк, которому вся эта затея не очень нравилась. Утро было чудесное: в первый раз за все время пребывания экспедиции у побережья Северной Америки выглянуло солнце. Шлюпки легко скользили по зеркальной глади бухты. Потом они исчезли за находившимся посреди бухты островом, и на кораблях потеряли их из виду.

В 10 часов утра Лаперуз заметил плывшую назад шлюпку. Вскоре на палубу поднялся лейтенант Бутен. "Господин капитан, -- обратился он к Лаперузу, -- случилось страшное несчастье: мы лишились трех офицеров и восемнадцати матросов".

И он рассказал потрясенному Лаперузу о том, что д'Экюр раньше указанного в инструкции времени подошел к проходу, где в это время начинался прилив.

Неожиданное сильное подводное течение повлекло лодку д'Экура, а вслед за ней и вторую шлюпку. Втянутые в водоворот, они ударились о торчащие из воды камни и почти мгновенно затонули. Шлюпку Бутена протащило над тем же самым местом, но она была маленькая, и ее каким-то чудом выкинуло из грохочущей пены назад, в спокойную воду.

На острове, находившемся посреди бухты (ныне она называется Литуйя-бей), французские моряки установили памятник. Надпись на нем гласила:

В этой бухте погиб двадцать один храбрый моряк.

Кто бы вы ни были, оплачьте их участь вместе с нами.

16. Как ни ужасна была потеря, надо было продолжать путь. Экспедиция продвигалась на юг, нанося на карту контуры береговой линии. Видимость была скверной, корабли то и дело относило подводными течениями, далеко не всегда были благоприятными и ветры, и все-таки удалось сделать немало. Лаперуз положил начало исследованию расположенного вдоль берегов материка архипелага, ныне известного как острова Королевы Шарлотты, открыл несколько бухт. Одну из них он назвал бухтой Чирикова ("в честь знаменитого русского моряка, -- записал он в своем дневнике, -- который в 1741 году высадился в этом районе").

Подводя итоги своим исследованиям в Северной Америке, Лаперуз записал: в обследованном районе никакого пролива нет. Если Северный морской проход и существует, то где-нибудь в другом месте.

17. ...И снова волны и небо. Корабли идут в Макао неизведанными путями через всю ширь Тихого океана. 4 ноября прямо по борту открывается долгожданный, ни на одной карте не указанный остров. Но на его скалистых берегах ни одного деревца. Он безлюден и очень мал, не более одной мили в длину. Даже не пристав к нему, корабли продолжают путь.

В тот же вечер они чуть было не потерпели крушение: в темноте прямо перед ними вдруг выросла скала. Впереди нее выступала длинная мель. Мель была не сплошная, и это спасло корабли. Но они прошли так близко от скалы, что едва не разбились. Лаперуз назвал ее Рифом французских фрегатов и тщательно отметил на карте.

В начале января 1787 года оба корабля бросили якорь в бухте Макао. Они проделали путь в десять тысяч километров.

18. До сих пор Лаперуз в известной степени шел по следам Кука, лишь уточняя и проверяя данные великого мореплавателя. Теперь ему предстояло посетить те места, где не были ни Кук, ни другие европейские путешественники.

5 февраля 1787 года "Буссоли" и "Астролябия" вышли в море и десять дней спустя подошли к острову Лусону -- самому большому из группы Филиппинских островов, а 20 февраля бросили якорь в порту Кавите, неподалеку от Манилы. Здесь Лаперуз произвел необходимый ремонт и -- это уже было совсем неожиданным -- сумел пополнить экипаж. Дело в том, что сюда пришел французский фрегат, который прибыл в Макао на следующий день после отплытия

оттуда "Буссоли" и "Астролябии".

Собственно говоря, в Макао пришли два французских фрегата, и один из них, "Ле Субтиль", был послан командующим отрядом адмиралом д'Антркасто к Лаперузу. По договоренности с командиром Лаперуз забрал себе двух офицеров и восемь матросов.

Д'Антркасто. Запомним это имя. Оно нам еще встретится.

Из Манилы экспедиция направилась к берегам Сахалина и Камчатки.

19. "Вышеименитая великая река Амур гористая и лесистая и в окиян впала одним своим устьем, и против того устья есть остров великий, а живут на том острове многие иноземцы", -- писал в 1678 году русский посол Николай Спафарий. Собственно говоря, Спафарий лишь подтвердил то, что было известно еще со времен путешествия Пояркова, который вместе со своими людьми в 1644 году первым вышел к низовьям Амура; о существовании этого острова знали и на Западе. Еще в 1692 году в Амстердаме была издана книга географа Битсена, который одно время жил в Москве. В ней Битсен сообщил об острове, лежащем против устья Амура.

Но никто из западных географов толком не представлял себе конфигурацию этого острова. И было неизвестно, отделяется ли он проливом от японского острова Иессо.

Лаперуз пристаёт к сахалинскому берегу. Ему удастся найти несколько местных жителей. Они очень понятливы и гостеприимны. Один из них, бородатый старик в синей нанковой куртке, чертит на песке остроконечной палкой извилистую береговую линию.

Напротив нее, оставляя проход, он рисует остров, длинный и вытянутый к югу. Чтобы не было никаких сомнений, он показывает пальцем на изображение острова, а потом обводит рукой горизонт и указывает на землю. Но Лаперуза интересует, широк ли пролив. Вперед выступает еще один житель, помоложе. Он берет у стоящего рядом художника экспедиции лист бумаги и карандаш и быстро набрасывает такой же чертеж, как и старик, но добавляет на противоположном берегу реку Амур, устье которой он помещает немного ниже северной оконечности острова. Знаками он показывает, что корабли пройдут этим проливом.

У южной оконечности Сахалина, очевидно, тоже есть пролив, во всяком случае свой остров он отделяет на юге от какого-то другого острова (вероятно, Иессо, догадывается Лаперуз) еще одним проливом.

Французские моряки благодарят, одаряют своих гидов подарками и возвращаются на корабли. Они поднимаются на север вдоль западных берегов Сахалина, открывают несколько удобных бухт, в том числе и бухту Эстена, и наносят на карту сахалинский берег, хотя и не совсем точно.

...Примерно на $\text{Grad}\{50\}$ северной широты пролив начинает суживаться. Лаперуз следит за лотом: глубина все уменьшается. Как быть? Пройдут ли корабли? Дно все повышается. Двенадцать саженей, десять, девять... Видимость скверная. Он бросает якорь и отправляет вперед две шлюпки. Те продвигаются на шесть лье к северу, глубина -- не больше шести саженей.

Невозможно рисковать: остров, очевидно, почти сращен с материком. Пролив, вероятно, непроходим для больших судов. Но ведь местные жители на Сахалине утверждали, что корабли пройдут. Возможно, решает Лаперуз, то, что годится для их пирога, недостаточно для больших судов.

20. "Буссоль" и "Астролябия" разворачиваются и идут на юг: море бушует, на "Буссоли" серьезно ранены три матроса, они пострадали при подъеме якоря. За две недели до этого два человека умерли от дизентерии.

К вечеру 28 июня туман рассеивается, и, кажется, вовремя. Перед французскими моряками открывается великолепная бухта, нет, целый залив. От океана он отгорожен четырьмя островами.

И вновь, как и на всех предыдущих стоянках, ученые тщательно изучают природу этого края, описывают нравы и обычаи местного населения -- на этот раз орочей, отмечая их гостеприимство, миролюбие, уважение к женщинам и старикам, собирают гербарий, делают зарисовки. Своими наблюдениями заняты и астрономы.

В начале августа "Буссоль" и "Астролябия" подходят к южной оконечности Сахалина -- мысу Крильон, так называл его Лаперуз. Молодой островитянин на Сахалине был прав: впереди в дымке тумана виден пролив, а за ним остров с одинокой горной вершиной.

Склонившись над картами -- на многих из них Сахалин и Иессо составляют

одно целое, -- Лаперуз долго размышляет, пересматривает свои записи и наконец твердым размашистым почерком заносит в дневник:

"Остров Сахалин и есть остров, который японцы называют Оку-Иессо, а остров Чича, отделенный от него каналом шириной двенадцать лье, а от Японии Сангарским проливом, -- остров Иессо, который тянется до Сангарского пролива. Курильская цепь находится гораздо восточнее, она образует с Иессо и Оку-Иессо второе море, которое сообщается с Охотским. Попасть из этого второго моря к берегам Татарии можно либо через Сангарский пролив, либо через вновь обнаруженный пролив между Сахалином и Иессо".

Этот пролив будет назван его именем.

Экспедиция продолжает свой путь. Она проходит Курильскую гряду между островами "Черные братья" и Симушир (проливом Буссоль). Ветер крепчает, свинцовые волны все чаще набегают на корабли. Из-за тумана приходится время от времени звонить в корабельный колокол: корабли не видят друг друга.

6 сентября 1787 года, через два года после выхода из Бреста, "Буссоль" и "Астролябия" входят в Авачинскую губу.

21. Петропавловск-Камчатский в те годы представлял собой небольшую деревушку. Слева вход в бухту прикрывал гористый полуостров. Посередине -- коса Кошка, самой природой сооруженный волнолом.

За двенадцать лет до Лаперуза Петропавловск посетил Кук, совершавший свое третье, и последнее, путешествие. В своих записках он посвятил немало прочувствованных слов и самой гавани, "которая может вместить весь английский и французский флот", и населению Петропавловска.

Прием, оказанный Лаперузу, превзошел все его ожидания. "Я уверен, -- писал он в своем дневнике, -- что нигде и никогда не было оказано большего гостеприимства, чем нам".

Французские моряки в центре внимания. Их поздравляют с удачным плаванием, им помогают пополнить запасы воды и дров, снабжают рыбой, дают в честь их прибытия бал. После почти непрерывного стопятидесятидневного плавания наконец у них под ногами прочная земля. После промозглой сырости, от которой не спасали ни теплая одежда, ни жаровни, после качки и бешеных порывов ветра неожиданная тишь, ясное голубое небо, солнце.

В Петропавловске участники экспедиции получили доставленные из Петербурга письма с родины. Лаперуз вскрывает пакет с официальными печатями. Это от морского министра: "Имею честь сообщить, что Вам присвоено звание командира эскадры". Гремят пушки: русские артиллеристы салютуют французскому адмиралу. Лаперуз доволен и растроган. "Я буду помнить об этом всю жизнь", -- запишет он в своем дневнике.

По просьбе французских моряков им показывают могилу де ла Круаера -- их соотечественника и русского академика, географа, астронома, участника экспедиции Беринга. Лаперуз укрепляет на ней медную дощечку с эпитафией: "Граф Лаперуз, командир фрегатов ``Буссоль'' и ``Астролябия'', назвал в 1786 году один из открытых им островов в честь покойного островом Круаер".

Но начинается похолодание: окрестные поля, которые к приходу французских кораблей были еще зелеными, желтеют.

30 сентября, хорошо отдохнув, французские моряки отправляются в дальнейшее плавание. "Наши корабли, -- писал из Петропавловска капитан де Лангль, -- в хорошем состоянии, запасы продуктов в сохранности, наши экипажи здоровы".

Гремит салют петропавловских орудий. С кораблей доносится ответный салют. У причалов собрались все жители города. Среди них и молодой Бартоломей Лессепс. Завтра он тоже отправится в путь, без малого год будет добираться через бескрайние русские просторы до Петербурга и еще через год привезет в Париж дневник Лаперуза и часть коллекций экспедиции. Сейчас он приветливо машет шляпой: "До встречи на родине, друзья, до встречи". Ни он, ни отъезжающие не знают, что встречи не будет. Бартоломей Лессепс останется единственным (если не считать академика Монжа, высадившегося из-за морской болезни еще в Тенерифе) участником экспедиции Лаперуза, вернувшимся в Европу.

Через сто лет на склонах одной из петропавловских сопек, неподалеку от места высадки французских моряков, был установлен памятник -- простой железный крест. Прикрепленная к нему табличка напоминает о том, что в 1787 году здесь побывал Лаперуз.

21. Два месяца спустя после отплытия из Петропавловска корабли Лаперуза

подходят к острову Маула (нынешнее название -- Мануа) -- одному из островов Самоа. Они бросают якорь в миле от берега: ближе подойти опасно -- коралловые рифы. Им навстречу устремляется множество пирога, нагруженных свиньями, кокосовыми орехами, фруктами. Это очень кстати: еще в начале ноября, вскоре после того как экспедиция в третий раз пересекла экватор, на кораблях кончились свежие припасы.

Но стоянка выбрана не слишком удачно. Всю ночь суда раскачивает на волнах, будто они находятся в открытом море. Утром Лаперуз и де Лангль едут на остров: может быть, удастся провести корабли в одну из многочисленных бухт, разбросанных на берегу?

Плодоносная земля, мягкий, теплый климат, чистые, прозрачные ручьи. Жители настроены как будто вполне миролюбиво. Внезапно Лаперуз слышит крик: один из островитян пробрался на шлюпку, на которой приехали французские офицеры, и, схватив лежавший там деревянный молоток, пытается удрать! Завязывается потасовка. К шлюпке начинают сбегаться местные жители. И тут Лаперуз совершает промах: он приказывает четырем матросам выбросить буяна за борт. Четыре против одного! Невелика победа. Вдобавок, чтобы отпугнуть островитян, он приказывает застрелить трех только что купленных голубей. Опять промашка. Островитяне понимают это по-своему: оружие пришельцев пригодно только для охоты на птиц. Но пока событие локализовано. Матросы набирают свежей воды. К "Буссоли" и "Астролябии" вновь подплывают пироги со всякой живностью и снедью.

Лаперуз решает не задерживаться, тем более что матросы уже успели немного запастись водой и на корабли погружено около пятисот свиней.

Но де Лангль не согласен. Впервые за время плавания между друзьями начинается спор. По мнению капитана "Астролябии", нужно набрать свежую воду во все бочки. Ярый последователь Кука, он придерживается точки зрения английского мореплавателя: свежая вода -- одно из лучших средств от цинги, а у него на корабле несколько человек с ясными признаками этой болезни. Он просит Лаперуза отложить отъезд, с тем чтобы завтра с утра набрать еще воды. Ему удалось найти прелестную бухту, в которую впадает большой ручей, все это займет совсем немного времени.

Лаперуз колеблется, но в конце концов аргументы де Лангля кажутся ему убедительными. И он соглашается. Обстоятельства, однако, складываются так, что доставку воды откладывают еще на один день.

11 декабря несколько шлюпок с "Буссоли" и "Астролябии" подплывают к найденной де Ланглем бухте. Всего в экспедиции приняли участие шестьдесят один человек. Они вооружены. Лавируя между рифами, шлюпки легко скользят по волнам. Все идет хорошо, очень хорошо. Но, проникнув в бухту, де Лангль, к своему удивлению, видит, что почти вся вода ушла: отлив. Вернуться, ждать прилива? Жаль времени. Чуть ли не волоком моряки подтаскивают шлюпки к берегу и принимаются за работу.

Между тем вокруг них собирается большая толпа, и воины все прибывают. По приказанию де Лангля солдаты морской пехоты и часть матросов выстраиваются в два ряда, оставляя узкий коридор для тех, кто набирает воду из ручья. Но островитяне кольцом окружают этот живой коридор. В одном месте начинается потасовка, правда ненадолго.

Тем временем в бухту одна за другой входят несколько туземных пирога: плоскодонные, они легко держатся на воде, загораживая выход в море, и на них много воинов. Свистят в воздухе первые камни, стрелы. "Не стрелять, -- кричит де Лангль, -- не стрелять без приказания". Но где там! Матросы дают залп. Большой камень попадает в Лангля. Капитан "Астролябии" теряет равновесие и падает в море. Его добивают камнями и ударами дубинок. Залп, еще залп. Туземцы отвечают градом камней и стрел. На шлюпках многие ранены, есть и убитые: физик Ламанон, лейтенант Тален, несколько матросов.

На кораблях не видят всех этих событий, не слышат выстрелов: слишком большое расстояние, да к тому же вокруг настоящая ярмарка. Сотни пирога и плотов окружили суда.

И вот наконец вырвавшиеся из бухты шлюпки подходят к "Буссоли". Один из офицеров -- у него сломана рука -- рассказывает Лаперузу о том, что произошло. Узнав о несчастье, пушкари "Буссоли" подбегают к своим орудиям. Еще минута -- и огненный шквал сметет лодки островитян, погубит тысячи невинных людей. Этого Лаперуз не может допустить. "Назад, -- кричит он матросам, -- не стрелять!" Не стрелять? Но ведь на палубе лежат двадцать

тяжело раненных товарищей, двенадцать убитых остались в бухте. Лаперуз не меняет своего решения: он не хочет мстить. Он ограничивается тем, что холостыми выстрелами отгоняет лодки от кораблей.

Высадить десант на берег он не в состоянии: не хватает шлюпок, а подойти непосредственно к берегу невозможно из-за кораллового пояса рифов. Волей-неволей приходится оставить тела погибших непохороненными.

Два дня спустя корабли снимаются с якоря и уходят дальше, на юг. Плавание продолжается. Оно продолжается, несмотря ни на что.

23. В середине января корабли Лаперуза проходят около острова Норфолк. Еще десять дней -- и вот она, долгожданная Австралия.

Утром 26 января "Буссоль", а за ней "Астролябия" пристают к австралийскому берегу. В Ботанической бухте -- несколько английских судов, в том числе и фрегат "Сириус". Англичане прибыли сюда для организации колонии -- это будущий Порт-Джексон (Сидней).

Французские корабли нуждаются в ремонте, моряки -- в отдыхе.

Примерно два месяца "Буссоль" и "Астролябия" проводят в Ботанической бухте. Не позже 15 марта они отправились в дальнейший путь.

Где-то к середине 1789 года экспедиция должна была возвратиться на родину.

24. 22 января 1791 года. В церкви святого Людовика в Париже полно народу. Решительные взгляды, энергичные лица. Почти все в черной, скромной одежде. Но алтаря нет, и эти люди собрались сюда не для того, чтобы молиться. Во Франции революция, здесь заседает Национальное собрание -- высшее законодательное учреждение страны.

Председательствующий Мирабо объявляет, что на имя Национального собрания поступило письмо от Академии наук и Французского общества естественной истории. В нем просьба послать корабль на поиски экспедиции Лаперуза. Все сроки ее возвращения на родину уже прошли, нужно предпринять реальные меры, чтобы постараться отыскать пропавших. И Национальное собрание под аплодисменты многочисленных зрителей принимает решение: просить короля (ведь Франция еще пока конституционная монархия и исполнительная власть в руках монарха) отправить два хорошо оборудованных и снаряженных фрегата, обеспеченных всем необходимым для дальнейшего плавания, на поиски пропавшей экспедиции. Впрочем, они должны заняться и научными исследованиями.

В июне Национальное собрание единогласно предоставляет необходимые средства -- один миллион ливров. Одновременно оно устанавливает премию; ее получит тот, кто обнаружит корабли Лаперуза или по крайней мере сможет предоставить в распоряжение французского правительства подтвержденные фактами сведения о судьбе экспедиции.

Принимается еще одно решение: продолжать считать на службе всех моряков "Буссоли" и "Астролябии". Жалованье выплачивать семьям.

25. Сентябрь 1791 года. Два фрегата под командованием адмирала д'Антраксто -- того самого д'Антраксто, который четыре года назад лишь на один день разминулся с экспедицией Лаперуза в Макао, -- выходят из Брестской гавани. Один из них называется "Поиск", другой -- "Надежда".

Восемнадцать месяцев подряд корабли кружат в южных широтах, в основном придерживаясь предполагаемого маршрута экспедиции Лаперуза, но не могут обнаружить ни малейших ее следов. Впрочем, в конце апреля 1793 года, когда эскадра находилась в Новой Каледонии, к борту адмиральского корабля подходит пирога. У нее треугольный парус, и она напоминает те, что в ходу у жителей Новой Каледонии, но одновременно чем-то и отличается от них. К тому же у тех, кто прибыл в пироге, необычный цвет кожи: не черный, как у жителей Новой Каледонии, а скорее медный. И волосы у них не такие густые.

Натуралисту Бийардеру все это бросается в глаза. Он знает всего лишь несколько десятков слов на языке маори, но небогатого запаса вполне достаточно, чтобы понять: аборигены прибыли с острова, находящегося на расстоянии одного дня, если идти под парусами. Называется остров Аувса (вероятно, современный Увса, самый северный в группе островов Согласия).

В разговоре выясняется и еще одно любопытное обстоятельство -- островитяне знакомы с железом. Но следовательно, они видели европейцев! Каких же? Кук во всяком случае на островке никогда не был.

Обращает внимание Бийардер и на такую деталь: в пироге явно европейской работы доска!

"Откуда она у вас?" -- спрашивает ученый. Но ответа не получает.

Островитяне отплывают от корабля, и вскоре их лодка исчезает на горизонте.

Бийардер заносит рассказ о всем происшедшем в дневник.

Запись забывается.

А три недели спустя, 19 мая 1793 года, в 6 часов утра, на пути к островам Санта-Крус, справа по борту, с кораблей д'Антракasto замечают маленький остров. "Этот остров, -- запишет в своем дневнике адмирал, -- расположен чуть западнее открытых Картеретом островов, на 32-м градусе южной широты". В вахтенном журнале было добавлено: "Примерные его координаты: около $\backslash\text{Grad}\{11\}\backslash\text{Sec}\{40\}$ южной широты и $\backslash\text{Grad}\{164\}\backslash\text{Sec}\{25\}$ восточной долготы".

Море было бурным, ветер неблагоприятным, обстановка на кораблях неблагоприятная, болен и сам д'Антракasto. Корабли прошли мимо острова. Но название ему адмирал дал: "Поиск".

Какая ирония судьбы! Подойди он к острову, он мог бы прекратить свой поиск. Но об этом никто на кораблях не догадывается. И вообще все это станет ясным лишь несколько десятилетий спустя.

Пока же корабли продолжают поход, они идут к острову Ява.

Умирает д'Антракasto. Теперь экспедицию возглавляют его помощник Орибо и капитан Россель.

В Сурабае французских моряков ждет сюрприз: их интернируют. Ко времени прихода кораблей на Яву революционная Франция, отражавшая натиск интервенционистских войск, вступила в войну с Голландией. Впрочем, голландские власти на Яве лишь выполнили просьбу Орибо. Реакционер и ярый монархист, он смертельно испугался возникших на кораблях политических распрей: моряки узнали о провозглашении Франции республикой и о казни короля Людовика XVI.

Французская Республика оценила этот шаг Орибо как прямое предательство.

Через несколько лет оставшиеся в живых участники экспедиции были репатриированы, а в 1808 году капитан Россель доставил в Париж всю документацию и сохранившиеся коллекции.

И хотя экспедиция проделала в общем немаловажную работу, основное осталось невыполненным.

Тайна Лаперуза продолжала оставаться тайной.

Вероятнее всего экспедиция погибла. Но где, когда, при каких обстоятельствах? И все ли погибли? И где же все-таки искать ее следы?

Бурные внутренние и внешние события сотрясают страну. Ни во времена якобинцев, ни во времена термидора, ни в последующие годы во Франции не забывали о пропавшей экспедиции. Но было не до ее поисков.

...Вдова Лаперуза указом от 1804 года получила пожизненную пенсию.

26. Миновали и Аустерлиц и Ватерлоо. Во Франции выдвигалась новая плеяда замечательных моряков. Самым талантливым и многообещающим из них был Дюмон-Дюрвилль. Подобно Лаперузу, он с детских лет готовился стать моряком, мечтал о море, жил только морем. В 1807 году, семнадцати лет от роду, он совершает свое первое путешествие. В 1819 году Дюмон-Дюрвилль прославился на всю Европу: он привез во Францию найденную одним греческим крестьянином знаменитую античную статую -- Венеру Милосскую. В последующие годы молодой моряк выпустил в свет три солидные научные книги по ботанике и геологии и совершил несколько больших путешествий, в том числе и кругосветное на фрегате "Ракушка".

В 1825 году Дюмон-Дюрвилль представил на рассмотрение французского правительства план новой кругосветной экспедиции. Основная ее цель -- поиски экспедиции Лаперуза. Это было давней его мечтой.

Получив разрешение, Дюрвилль 25 апреля 1826 года вышел из Тулона на фрегате "Ракушка", переименованном в память одного из кораблей Лаперуза в "Астролябию".

В начале апреля того же года из Вальпараисо в Пондишери отплыл принадлежавший Ост-Индской компании старый "носильщик" "Святой Патрик". Командовал кораблем англичанин капитан Питер Диллон.

27. За тридцать лет до этого английский корабль, на котором служил Диллон, оставил на одном из тихоокеанских островов, находящемся в неделе пути от острова Фиджи, по их собственной просьбе двух моряков. Местные жители называли этот остров Тукопия. На картах он значился под именем Баруэля. И вот теперь Диллон вновь оказался вблизи Тукопии. Движимый любопытством, он решил подойти к острову, с тем чтобы разузнать о судьбе

своих бывших товарищей.

Оба оказались живы и находились в добром здравии.

Один из них, индиец родом, Чулия, прихватил с собой на корабль стальную шпагу.

Вот с этой шпаги, собственно, все и началось.

На вопрос Диллона, откуда она, Чулия ответил: "Я выменял ее у местных жителей".

-- А они где ее взяли?

-- У жителей одного острова, находящегося в двух днях пути отсюда.

В своем донесении Диллон впоследствии напишет: "Я принялся рассматривать рукоятку шпаги, и мне показалось (шпага была французской работы), что на ней выгравированы инициалы Лаперуза".

28. Из рассказа второго моряка, немца Бухерта, Диллон узнает, что помимо шпаги у жителей Тукопии есть или, вернее, были еще пять топоров, черенок от серебряной вилки, несколько ножей, безделушки.

Он направляется на берег и начинает расспрашивать островитян.

-- Все верно, -- говорят те. -- Мы выменяли эти предметы у наших соседей.

-- Как же они попали к ним?

-- О, это давнее дело, -- говорят ему. -- Много лет тому назад, когда теперешние старики с соседнего острова были мальчишками, на острове разразилась буря. Казалось, злые духи собрались погубить остров. В ту ночь никто не спал. А когда взошло солнце, жители увидели недалеко от берега большой корабль, его мачты чуть ли не наполовину ушли под воду. Невдалеке потерпел крушение еще один корабль. Многие моряки погибли. Те, кому удалось достичь берега, выстроили в лесу несколько хижин, обнесли их изгородью. Потом они принялись мастерить новый корабль, но гораздо меньший, чем тот, на котором они прибыли. Когда корабль был готов, они ушли в море, оставив на острове лишь двух человек. Их вождь сказал, что они скоро вернуться, но их никто уже больше не видел. Оба моряка тоже скончались, один -- года три назад.

-- Как же называется этот остров?

-- Ваникоро, -- говорят ему. -- Тамошние жители называют его Ваникоро.

Диллон берет с собой в качестве проводника Бухерта. Два дня пути. Не бог весть какая даль.

Неужели он действительно напал на след таинственно исчезнувшей экспедиции?

29. "Святой Патрик" на всех парусах мчится к Ваникоро. Вот уже виден берег, еще немного -- и можно будет поговорить с местными жителями. Но переменчивый ветер гонит корабль от острова, пенятся буруны около коралловых рифов, которые, как частокол, охраняют подступы к бухте. "Святой Патрик" скрипит так, будто собрался разъехаться по всем швам, и Диллон решает повременить. Он продолжает свой путь и в сентябре 1826 года прибывает в Бенгалию. Английские колониальные чиновники представляют в его распоряжение хороший фрегат. 12 января 1827 года Диллон вновь берет курс на Ваникоро. 31 мая он в Порт-Джеконе, 1 июля -- в Новой Зеландии, 15 августа он подходит к Тонга-Табу, чуть было не встретился с Дюмон-Дюрвиллем, который всего лишь за несколько дней до этого вышел из Тонга-Табу к островам Фиджи, вновь заходит на Тикопию и, наконец, 27 сентября 1827 года бросает якорь на острове Ваникоро.

Здесь Диллон проводит около месяца. Ему удастся разыскать массу вещественных доказательств: кусочек глобуса с полустершейся сеткой широт, отдельные детали астрономических приборов, нагели, шипы, топоры, ядра, куски медной обшивки кораблей, маленькую бронзовую пушку, корабельный колокол с надписью "Меня сделал Базен" -- маркой литейной мастерской брестского арсенала в 1785 году, кусок шомпола, подсвечники, молотки и даже кусок деревянной скульптуры с гербом Франции.

Сомнений нет: возле Ваникоро потерпели крушение французские корабли, судя по всему, корабли Лаперуза. Но где же, собственно, место крушения кораблей? Может быть, их можно увидеть? Вода здесь, когда море спокойно, прозрачна, и видно дно. Местные жители отвечают, что это им неизвестно. Диллон пытается их подкупить. Тщетно. Потеряв терпение, он нагружает корабль найденными реликвиями и отплывает в Европу.

30. 19 декабря 1827 года. Дюмон-Дюрвилль бросает якорь в Хобарте, на

Тасмании. Здесь он узнает об открытиях Диллона. Не раздумывая, французский моряк отправляется на Ваникоро. 21 февраля 1828 года его корабль входит в одну из бухт сумрачно-зеленого острова.

Собственно говоря, это не остров, а целая группа маленьких островов, обнесенных коралловым поясом рифов. И это тот самый "Поиск" -- у Дюмон-Дюрвилля нет теперь никаких сомнений, -- который видел д'Антраксто. Сам Дюрвилль во время своего первого первого кругосветного путешествия прошел в каких-нибудь пяти-шести лье от него!

Местные жители по-прежнему отвечают на вопросы неохотно. Да, было крушение, да, часть людей спаслась, почти все они, за исключением двоих, уехали. Один корабль разбился перед островком Вану, другой затонул около Пайю. Люди успели выгрузить с него много всякого добра. Их начальник был одет так же, как вы. Где же затонули корабли? Этого островитяне не хотят сказать.

И все же Дюмон-Дюрвиллю удается их уговорить. Один из вождей садится в шлюпку "Астролябии". По его команде матросы подплывают к одному из многочисленных проходов между рифами. Море, на счастье, спокойно. "Вот", -- указывает рукой вождь. И французские моряки видят на глубине нескольких метров покрытые водорослями очертания якорей, пушек, ядер -- все, что уцелело от свирепой ярости волн и не смогло быть унесено течением в бескрайние просторы океана.

Моряки снимают бескозырки. Минута молчания. Затем шлюпка возвращается на берег.

31. 14 марта 1828 года ружейный залп и пушечный выстрел раскалывают утреннюю тишину на Ваникоро. Дюмон-Дюрвилль и его люди салютуют памятнику -- сложенному из коралловых плит четырехугольнику с маленькой деревянной дощечкой "Памяти капитана Лаперуза и его товарищей". Но нужно еще поднять со дна морского найденные реликвии. С помощью островитян моряки достают якорь, пушку, бронзовый колокол, заржавевший мушкетон. Все это с одного корабля, насколько можно судить, с "Астролябии". Но где же остатки "Буссоли"? Дюрвиллю не удается их обнаружить: волны, песок и кораллы сделали, очевидно, свое дело.

Несколько дней спустя корабль отправляется в Европу.

А Питер Диллон уже в Париже. Привезенные им реликвии помещены в одном из залов Лувра.

И вот в зал входит невысокого роста плотный старик; его узнают, с ним раскланиваются даже незнакомые -- это Бартоломей Лессепс, генеральный консул Франции в Лиссабоне, единственный в эту пору живой участник экспедиции Лаперуза. Пристально смотрит он на выставленные вещи. Он узнает их: и бронзовую пушку (на каждом корабле их было четыре, они стояли на заднем баке), и каменную мельницу ("Это ваша самая лучшая находка, я помню даже того матроса, который ее сконструировал").

Сомнений нет. Экспедиция Лаперуза потерпела крушение у берегов Ваникоро, за двадцать тысяч километров от Европы, на юго-восточной оконечности островов Санта-Крус.

Но ведь погибли-то не все? Какова была судьба оставшихся? Какова была судьба самого Лаперуза? Утонул ли он во время крушения, был ли убит в стычке с островитянами, погиб ли в море, пытаясь вместе со своими спутниками добраться до какой-нибудь гавани, которую посещали европейские суда? Это оставалось неизвестным.

32. Подведем некоторые итоги. Итак, в 1826--1827 годах Питеру Диллону посчастливилось найти следы пропавшей экспедиции. Годом позже Дюмон-Дюрвилль разыскал место гибели "Астролябии". Что же касается рассказов местных жителей, все свидетельства совпали в одном: возле Ваникоро, насколько можно было судить, потерпели крушение два судна, из коих одно затонуло чуть ли не мгновенно, во всяком случае очень быстро, а другое оказалось выброшенным на мель, и его постепенно разгрузили оставшиеся в живых моряки. Они же, как мы уже знаем, построили из остатков этого корабля другой, поменьше, и, оставив на острове двух человек, отправились на нем в путь. Если второе судно, как это удалось установить более или менее точно, было "Астролябия", то, следовательно, "Буссоль" и была тем судном, которое затонуло первым.

Но где именно?

Согласно одной версии, это произошло возле Вану, деревушки,

расположенной на северо-западной оконечности острова. Согласно другой -- с южной стороны, согласно третьей -- около Пайю, возле впереди лежащего рифа.

Вот, собственно, в основном и все данные, которые стали всеобщим достоянием к 1830 году.

33. Проходят пятьдесят с лишним лет. Палло де ла Баррьер, в ту пору губернатор Новой Каледонии, на свой страх и риск решает отправить корабль "Брюа" под командованием Бенье на остров Ваникоро. Цель -- раздобыть какие-нибудь новые данные об исчезнувшей экспедиции.

В результате досье по делу Лаперуза пополнились кое-какими небольшими дополнительными сведениями. В частности, один из местных жителей сообщил французам, что их соотечественники, потерпевшие кораблекрушение на Ваникоро за четыре поколения до этого, построили из обломков своего судна новый небольшой барк за десять смен луны и что имя их начальника было Пило.

Действительно ли Пило было измененным или переименованным на туземный лад именем Лаперуза, или просто местные жители уже после экспедиции Диллона и Дюрвилля запомнили, что белых людей интересуют какой-то Пило, -- этот вопрос остается открытым и до сих пор.

Бонье не смог отказать себе в удовольствии поднять со дна морского в том месте, где затонула "Астролябия", еще три якоря, две пушки девятисантиметрового калибра и несколько листов жести.

Якори и пушки, доставленные "Брюа", были подарены городу Альби, тому самому, в котором родился Лаперуз. Их поместили у подножия памятника, сооруженного в честь мореплавателя в 1848 году.

Что же касается судьбы тех моряков, что уцелели после кораблекрушения, а затем отправились невесть куда, то, как писал в 1886 году французский исследователь Гломон, здесь по-прежнему и после экспедиции Бенье все оставалось неясным. И напоминал о том, что, собственно, уже было давно известно. Два английских капитана, Боуэн в 1791 году и Джеймс Холбс в 1811 году, сообщили, что у побережья Новой Георгии видели остатки какого-то корабля, как будто небольшого. Во всяком случае его мачта торчала из воды. Джеймс Холбс утверждал также, что видел у жителей острова кусочки железа и красную материю. Конечно, подчеркивал Гломон, эти данные не могут служить окончательным доказательством, но не исключено, что те из членов экспедиции Лаперуза, которые уплыли с Ваникоро на ими самими построенном небольшом корабле, погибли или во всяком случае вновь потерпели крушение у берегов Новой Георгии.

34. В 1953 году капитан Бруаз и двое его спутников проводят месяц на Ваникоро, но не находят ничего нового. А пятью годами позже, в 1958 году, на Ваникоро вновь прибывает небольшая экспедиция. В ее состав входят несколько специалистов по подводному плаванию, привыкшие иметь дело с кораллами.

Надо сказать, что и этим специалистам было не слишком сладко: уж очень сильные здесь подводные течения, да и коралловые рифы бережно хранили тайну гибели кораблей Лаперуза. Впрочем, "кораблей" -- не совсем верно. Правильно было бы сказать -- корабля. И в самом деле, поиск идет в уже давно известном месте: там, где была выброшена на мель "Астролябия". Помимо аквалангов, несколько более удобных, чем тяжеленные скафандры, в которых действовали водолазы Бенье, работу облегчает и взрывчатка.

Сначала на поверхность поднимают три свинцовых грузила, затем пакет с гвоздями, моток медной проволоки, пуговицы, обломки фарфоровой посуды. Потом появляется большой якорь. На следующий день еще четыре якоря и пушка, вся облепленная кораллами. Напоследок якорь весом шестьсот килограммов.

В принципе ничего нового. Если не считать того обстоятельства, что в ход пущены новые технические средства и что внимание исследователей вновь приковывает старый вопрос: а где же все-таки "Буссоль"?

Ответа все еще нет.

Следующая экспедиция -- в ее состав входит известный вулканолог Гарун Тазиев -- в 1959 году обнаруживает все на том же старом месте шесть якорей по семьсот -- восемьсот килограммов, три пушки, бочонок с гвоздями. И русский рубль! Год чеканки -- 1724-й.

Следует заметить, что в обеих этих последних экспедициях немалую роль сыграл новозеландец Рис Дискомб.

Именно благодаря ему в долгой истории поисков кораблей Лаперуза была открыта новая глава. Сделано это было относительно недавно -- в 1964 году.

35. По специальности Рис Дискомб -- электромеханик, но в душе

прирожденный исследователь. Его любимое занятие -- подводное плавание. В автономном скафандре он разыскал немало затонувших кораблей. И вообще, с тех пор как в середине 40-х годов Дисконб поселился в Порт-Била (на Новых Гебридах), он проводил не намного меньше времени в море, чем на суше.

В 1958 году Дисконб принял самое деятельное участие в поисках, осуществленных на том месте, где затонула "Астролябия". Годом позже он оказал ценные услуги экспедиции с участием Тазиева.

Местные жители на Ваникоро, с которыми он разговаривает на их языке, давно уже считают его своим: всем здесь ведомо, что он порядочный человек и всегда готов прийти на помощь в беде. Может быть, поэтому островитяне более откровенны с ним, чем с приезжими.

Начиная с участия в первой экспедиции Дисконб "заболел" Лаперузом. Он не только перечитал все, что написано о великом французе, но и внимательнейшим образом изучил все сообщения Диллона и Дюмон-Дюрвилля, все карты. И подолгу беседовал с местными жителями. Его интересует один вопрос: где же все-таки "Буссоль"? Затонула ли она возле Ваникоро -- да или нет? А если да, то где же?

В конце концов он приходит к выводу, что необходимо проверить сведения Диллона. Дело в том, что свидетельства эти в какой-то степени противоречивы. В своем рассказе Диллон утверждал, что "Буссоль" погибла перед Вану, внутри лагуны, в северо-западной части Ваникоро. А на его же карте все выглядит несколько иначе. Оба судна помечены один неподалеку от другого, возле рифа, расположенного напротив Амби и Пайю, на юго-западе.

Два различных варианта?

Дисконб не хочет гадать. Есть один-единственный способ: надо проверить оба варианта.

Сделать это трудно. Трудно, ибо море возле Ваникоро большей частью неспокойно и кругом рифы. Добавьте к этому вечные течения, прихотливо меняющиеся очертания дна. Вспомните, как вообще обстоит дело с окруженными коралловым поясом островками в Тихом океане. Об этом в свое время неплохо поведал Тур Хейердал в своем знаменитом "Путешествии на ``Кон-Тики''".

Но Дисконб храбр и упорен. К тому же у него за плечами огромный опыт.

36. Он начинает проверку к юго-западному углу -- именно там, где погибла "Астролябия", но только за внешней стеной рифов.

И в 1962 году находит на глубине пятнадцать метров, в расселине, якорь, весь обросший кораллами, и блоки, похожие на те, что нашли в том месте, где затонула "Астролябия".

Вновь и вновь возвращается он к своей расселине. Она спускается ступенчатообразно вниз. И однажды он находит хорошо уже известные исследователям свинцовые грузила с их характерной маркой, принадлежавшей брестскому арсеналу.

Более мило отделяет то место, где погибла "Астролябия", от подводной трубы, где Дисконб находит все вышеперечисленное. Остатки "Буссоли"? Весьма возможно. Но надо продолжать поиски.

Дисконб не спешит с оглашением своих находок. Методично и внимательно продолжает он розыски в своей "жиле". И в январе 1964 года делает новую находку. Она настолько любопытна, что Дисконб понимает: одному тут не справиться. Пришло время организовать основательную проверку. Ибо ему, очевидно, действительно удалось разыскать место гибели "Буссоли".

Это, собственно, он и сообщает в телеграмме, отправленной французскому комиссару на Новых Гебридах Делоней.

Тот, хорошо зная Дисконба, не заставляет его повторять телеграмму дважды. 6 февраля Делоней вместе с Шарлем, испытанным ныряльщиком, и двумя французскими чиновниками уже в Ваникоро. Они прибыли на "Аквитани", французском судне.

37. Вначале свободное ныряние. Потом, надев автономные скафандры, Дисконб и Шарль принимаются за дальнейший розыск.

Дело не обходится без динамита: кораллы цепко сопротивляются пришельцам. И все-таки сдадут свои позиции.

Одна за одной появляются все новые находки: опять свинцовые грузила, такие же, как те, которые были извлечены на месте крушения "Астролябии". За ними ныряльщики доставляют бронзовый блок, медную цепь, бронзовую ступу. Всеобщий восторг вызвала медная пластинка, на которой сохранилась надпись: "Ланглуа, инженер короля. Париж, апрель 1756 года".

Все несомненное становилось, что Дисконбу удалось отыскать то место, где, вполне возможно, потерпела крушение "Буссоль". Во всяком случае корабль был французский -- в этом сомневаться не приходилось. На его борту находились инструменты, изготовленные в Париже в 1756 году, и, следовательно, корабль этот затонул в том же веке и вероятнее всего входил в состав эскадры Лаперуза. Во всяком случае других французских кораблей, потерпевших крушение в этом районе и в этом веке, просто не было.

Вопрос, однако, заключался в другом: действительно ли на этом месте затонула "Буссоль", или же все найденные предметы принадлежат "Астролябии"? Могло ведь быть и так, что она при ударе о рифы потеряла, прежде чем войти в лагуну и сесть на мель, часть своей "поклажи". Тысяча восьмисот метров, отделяющие место новых находок от того, где затонула "Астролябия", были далеко еще не самым длинным путем: судно, даже сильно поврежденное, могло, разумеется, пройти его.

Конечно, следовало найти хотя бы одно формально бесспорное доказательство.

Для этого надо было продолжить поиск.

38. Это было тем более заманчивым, что, судя по рассказам местных жителей, судно затонуло быстро, может быть, практически чуть ли не мгновенно и с него мало кто спасся, если спасся вообще, поскольку об "Астролябии" было известно, что она-то уж во всяком случае была демонтирована после крушения.

На адмиральском корабле находились все основные научные материалы, собранные экспедицией, в том числе и коллекции, и записи ученых. Кто знает, может быть, они хоть частично сохранились?

Есть еще одно соображение. До сих пор точно неизвестно, каким маршрутом шли из Ботани-бей в Ваникоро корабли Лаперуза. Вопрос отнюдь не праздный. В свое время Лаперуз, мы это знаем, писал: "Я поднимусь к островам Дружбы, выполню все, что предписано инструкциями в отношении Новой Каледонии и острова Санта-Крус, обследую южный берег Земли Арзакидов, открытой Сюрвилем".

Выполнил ли он свою программу? А ведь какие-нибудь вещественные доказательства, характерные, допустим, для Новой Каледонии того времени предметы, если бы их удалось найти, могли бы внести ясность и в данный вопрос.

В марте 1964 года небольшое специально оборудованное судно "Дюнкеркуаз" взяло курс из Новой Каледонии в Ваникоро. На ее борту находились аквалангисты, в их числе, конечно, Дисконб, а также врач Беккер, океанограф Мерле, гидрограф Лаве и прилетевший из Парижа специальный уполномоченный военного министерства капитан Броссар.

39. Остров Ваникоро кажется довольно плоским, когда судно подходит на две-три мили к его берегам, к югу или юго-западу. Но это всего-навсего оптический обман. Объясняется этот обман отчасти тем, что гора Каноп почти всегда окутана тучами. Стоит, однако, удалиться в море на десяток миль -- и иллюзия исчезнет. Исчезает она и в том случае, если держаться возле самого берега.

20 марта 1964 года. Семь утра. "Дюнкеркуаз" идет над берегом юго-западной части Ваникоро. Море спокойно. Судно входит в неширокий пролив, метров в двести, своего рода ворота к острову, проход, прихотливо извивающийся между рифами.

Вот и зеленые крыши бунгало, принадлежащих компании Катри-Тимбер. Неприхотливые дома местных жителей возле леса.

Деревушка называется Пайю. Во времена Дюмон-Дюрвилля на острове было десять деревушек. Сейчас их осталось две: помимо Пайю еще Боча. Правда, появились и две новые. Но население резко уменьшилось. Дюмон-Дюрвилль насчитывал несколько тысяч человек. Ныне не более двухсот!

Судно пристает к берегу. И вот уже его экипаж идет по узенькому, дрожащему мостику, перекинутому через реку Пайю. Весьма возможно, что именно здесь разбила свой лагерь те, кто остался в живых после гибели "Астролябии". Впрочем, называют и еще одно место.

Река несется вспененная, вся вздувшаяся, и воды ее с красноватым оттенком: недавно прошли ливни, натащившие немало глины...

Все то же 20 марта. 12 часов дня. Катамаран экспедиции уже на месте. Нырляшки быстро принимаются за дело. И в самом начале отличная находка. На глубине тридцать пять метров они увидели... колокол. Вернее, обломок нижней,

расширяющейся части колокола. Он ушел глубоко в песок и оброс кораллами. Но все-таки это, несомненно, остаток корабельного колокола. И он похож, безусловно, похож на тот, который в 1828 году разыскал на Ваникоро Диллон. На том колоколе -- он ныне в Париже -- хорошо видна надпись: "Меня сделал Базен". Но названия судна нет. На этом тоже есть надпись. На внешнем ободке артикль "Ja". Затем, увы, пролом, вполне, однако, достаточный, чтобы тут могло поместиться слово "Буссоль". Дальше следует имя: "Пишар". Колокол примерно того же размера, что и тот, с "Астролябии".

На глубине сорок два метра еще одна находка: внутренняя часть главной бортовой помпы.

Ныряльщики устанавливают: обломки находятся на разных глубинах -- от пятнадцати до сорока--пятидесяти метров, на расстоянии сорок-- пятьдесят метров. Похоже, что потерпевшее крушение судно ушло под воду под углом 40 градусов.

И право, теперь уже нет никаких особых сомнений в том, что Дискомб прав: тут остатки адмиральского корабля!

40. Экспедиция продолжает работу, и постепенно все увереннее можно реконструировать свершившееся несчастье.

Вспомним: Лаперуз покинул Ботани-бей в начале марта. И где-то в конце марта -- начале апреля 1788 года, возможно уже побывав у берегов Новой Каледонии, оказался вблизи острова Ваникоро. Это неудачное время года: дожди, штормы, бесконечные штормы. Особенно плохо дело обстоит ночью: не видно ни зги, кругом неисследованное, неведомое европейцам, грозное море. И здесь и там не нанесенные на карты, опасные, окруженные рифами острова.

Такой остров и вырос в ту грозную штормовую ночь перед Лаперузом. Корабль несся, подгоняемый бешеными порывами ветра, и никто на его борту не видел, не мог видеть подводный риф. Сила удара была такова, что, вероятно, упали мачты, а само судно немедленно пошло ко дну. Крушение произошло на месте ступенчатообразной расселины. Первые пятьдесят метров, утверждает упоминавшийся уже нами капитан Броссар, судно должно было пройти под углом 40--50 градусов, а затем ушло вглубь.

Топография места крушения это подтверждает. Первые предметы были найдены на глубине двенадцать метров: якорь, а чуть далее пушки, остатки научных инструментов -- все это находилось на корме. Затем на глубине пятнадцать метров еще два якоря. И наконец, последний якорь, во всяком случае из обнаруженных, на глубине восемнадцать метров.

Далее. Колокол и главная помпа, оба расположенные, как известно, возле грот-мачты, то есть находившиеся где-то посередине корабля, оказались на большой глубине, на глубине в тридцать -- тридцать пять метров. Задняя часть корабля опрокинулась и пошла еще ниже...

Крушение, подчеркивает в своем отчете Броссар, произошло очень быстро. И он считает маловероятным, чтобы кто-либо в такой катастрофе остался в живых. Разве что чудом! Ибо доплыть до берега в бешеный шторм, преодолеть сильнейшее противотечение вряд ли под силу самому удачливому моряку -- шесть километров ночью, посреди бушующего моря. Даже если кому-нибудь и удалось в первые минуты отплыть от гибнущего корабля. К тому же тут полно акул.

...Почти всегда скрытая обломками гора. Неуютный берег. Мрачноватый, неуютный остров.

И по-прежнему остается невыясненным: какие острова посетил на пути к Ваникоро Лаперуз? И куда держали путь уехавшие с Ваникоро моряки? Какова была их участь?

41. Кругосветное плавание Лаперуза не было доведено до конца. Большая часть собранных коллекций, записи научных наблюдений, дневники и записки участников экспедиции -- ученых и моряков -- погибли. И все же экспедиции Лаперуза принадлежит почетное место в истории всемирных кругосветных путешествий. Не будет преувеличением сказать, что Лаперуз был первым по времени, да и, пожалуй, по значению продолжателем Кука.

На родине Лаперуза, в Альби, в Петропавловске-Камчатском, в Ботанической бухте -- последней известной стоянке его экспедиции, на острове Ваникоро, на острове Маула стоят памятники Лаперузу и его спутникам.

Но лучшим памятником французскому мореплавателю и всем тем, кто самоотверженно шел с ним сквозь штормы и бури, служат их дела -- важная веха в завоевании человеком Земли, одна из интереснейших страниц истории географии.